

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**З**аписки иностранцев  
**о ВОССТАНИИ**  
**Степана**  
**Разина**



А К А Д Е М И Я  Н А У К  С С С Р  
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ

Записки иностранцев  
о восстании  
СТЕПАНА  
РАЗИНА

Под редакцией А. Г. МАНЬКОВА



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»  
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ  
ЛЕНИНГРАД · 1968

1-6-4  

---

13—68 (I пол.)

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник является первым выпуском ряда публикаций различного рода записок (мемуаров, писем, сочинений и т. п.) как иностранцев о России, так и русских людей, побывавших за границей. Такие материалы в большинстве своем служат ценным источником для изучения страны, которой они касаются. Но они не лишены значения и как источник для понимания уровня общественного сознания и культуры страны, представителем которой является автор. В этом смысле записки русских людей о заграничье в период до конца XVIII в., которым и ограничиваются хронологические рамки публикации, представляют наибольшую ценность прежде всего для изучения истории России. В число публикаций имеется в виду включить записки нигде не опубликованные или опубликованные в редких и малодоступных изданиях, особенно зарубежных.

Издание предназначается как для широкого круга читателей, так и для специалистов-историков.

Сборник «Записки иностранцев о восстании Степана Разина» включает Записки наемного офицера в России голландца Людвиг Фабрициуса о событиях восстания в Астрахани и Черном Яре, «Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным» неизвестного автора и Письмо английского купца Томаса Хебдона о привозе С. Разина в Москву и его казни.

Расположенные в порядке последовательности событий, о которых они повествуют, публикуемые материалы, принадлежащие современникам и очевидцам многих обстоятельств восстания, дают в целом яркую картину его развития, мужественной борьбы повстанцев и жестокого подавления Крестьянской войны.

Записки Л. Фабрициуса и письмо Т. Хебдона публикуются на русском языке впервые. Они дополняют уже известный нам запас сведений об астраханском периоде восстания и казни С. Разина новыми важными фактами и характеристиками.

В Приложении к сборнику дается, также впервые на русском языке, «Краткая реляция» Л. Фабрициуса о проделанных им в 1679—1700 гг. трех поездках в Персию через Россию в качестве посланника Швеции, в которую Л. Фабрициус переехал из

России в 1678 г. По содержанию Реляция смыкается с Записками, обрывающимися на сведениях о первой и второй поездках автора в Персию. Многих из этих сведений нет в Реляции, но зато она в свою очередь содержит сведения, которых нет в Записках. Таким образом, Записки и Реляция дополняют друг друга.

Каждый публикуемый памятник снабжен введением, за которым идет текст на языке подлинника и в переводе на русский язык и после него — комментарий. Введение дает сведения об авторе, характеризует памятник как исторический источник, определяет его место в ряду других источников о восстании С. Разина и, наконец, сообщает данные о характере публикации текста.

Введение к Реляции, помещенной в Приложении, помимо перечисленных вопросов, содержит краткое описание персидского вопроса в русско-европейских отношениях XVII в., менее известного широкому кругу читателей, чем восстание С. Разина, но без знания которого остается неясным значение Реляции как источника.

В комментариях дается сопоставление известий публикуемых источников с известиями других как иностранных, так и русских источников о восстании С. Разина, приводятся пояснения к тексту и по поводу некоторых упомянутых лиц и географических пунктов.

Искаженные в подлинниках личные имена и географические наименования в переводах даются в правильном виде. Формы же их написания, употребленные в подлинниках, воспроизводятся в именном и географическом указателях. В именном же указателе сообщаются русские наименования должностей, встречающихся в памятниках (воевода, стрелецкий голова и т. п.), тогда как в переводах сохраняется номенклатура должностей, употребленная авторами. Л. Фабрициус очень последовательно в отношении городских воевод употребляет термин *gouverneur* («правитель»), а в отношении воевод, руководивших военными операциями против разинцев, — *general* («генерал»). Все военачальники ниже воеводы именуется у него офицерами. Точно так же термины *gouverneur* и *officer* являются наиболее распространенными в анонимном Сообщении.

Выдерживая номенклатуру памятника, мы в большей мере сохраняем его специфику как произведения, написанного иностранцем для западноевропейского читателя, не умаляя вместе с тем значения его как источника по отечественной истории.

Когда настоящий сборник находился в производстве, А. Л. Гольдберг осуществил сличение текстов голландского и немецкого изданий 1671 г. и английского издания 1672 г. Сообщение о восстании С. Разина, давшее ряд важных наблюдений и позволившее, хотя бы в предварительной форме, по-новому поставить вопрос о соотношении текстов этих изданий. Результаты сличения публикуются в Приложении.

Введения и комментарии написаны А. Г. Маньковым.

## О ЗАПИСКАХ Л. ФАБРИЦИУСА

Автор первой специальной работы, посвященной иностранным, современным событию, источникам о восстании С. Разина В. И. Веретенников справедливо отметил, что «очень мало событий и событий значительных в истории России XVI и XVII вв. привлекли к себе такое внимание Европы, как это имело место в отношении восстания Разина».<sup>1</sup> В самом деле, в одном из иностранных сочинений о Разине, вышедшем первым изданием в Виттенберге в 1674 г.,<sup>2</sup> сообщалось, что восстание С. Разина повергло в ужас не только Московское государство, но и всю Европу.

Справедливо замечание и другого исследователя записок иностранцев о Крестьянской войне 1667—1671 гг. Б. Н. Тихомирова: «Авторы этих сказаний, — пишет он, — люди бывалые, стоявшие по своему уровню развития значительно выше московских служилых людей, подметили в разинщине ряд черт, не замеченных русскими современниками. Сказания иностранцев дают многое для понимания классовой природы движения Разина и его международного значения».<sup>3</sup>

Подтверждением правоты высказываний В. И. Веретенникова и Б. Н. Тихомирова служат помещенные в данном сборнике Записки Людвиг Фабрициуса, затрагивающие события в Астрахани периода разинского восстания и его подавления, очевидцем которых был сам автор.

Записки Л. Фабрициуса обнаружены в Стокгольмском государственном архиве профессором Оксфордского университета С. А. Коноваловым и опубликованы им в переводе на английский язык в отрывках, имеющих отношение к восстанию С. Разина, с пересказом в ряде случаев мест текста, не относящихся к рассматриваемой теме.<sup>4</sup>

С. А. Коновалов предпослал публикации введение, в котором отметил место Записок Фабрициуса в ряду других сказаний иностранцев о восстании Разина и подчеркнул, что, несмотря на большое значение Записок как источника о восстании, они до сих пор неизвестны историкам. О них не знали и такие знатоки европейских сочинений о России, как Аделунг и Кордт (последний знал только дипломатические сообщения Фабрициуса 1688—

---

<sup>1</sup> В. И. Веретенников. Об иностранных, современных событию, источниках для истории разинского восстания. Научные записки научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры, т. II, 1927, стр. 171—177. До В. И. Веретенникова А. Попов дал общий краткий обзор иностранных сочинений о восстании С. Разина во введении к своей книге «История возмущения Стеньки Разина» (М., 1857).

<sup>2</sup> См. ниже, стр. 86.

<sup>3</sup> Б. Тихомиров. Источники по истории разинщины. Проблемы источниковедения, сб. 1, М.—Л., 1933, стр. 64.

<sup>4</sup> S. Konovalov. Ludvig Fabritius's Account of the Razin Rebellion. Oxford Slavonic Papers, v. VI, 1956, pp. 72—94.

1700 г., см. стр. 137—145 настоящего издания),<sup>5</sup> и это несмотря на то, что в Швеции в 1762 г. было выпущено жизнеописание Л. Фабрициуса, составленное И. Кемпом в форме подробного переложения манускриптов Фабрициуса и некоторых других документов, связанных с его позднейшей дипломатической деятельностью.<sup>6</sup>

В книге Кемпа нашло отражение и события восстания в Астрахани, описанные Фабрициусом. Эта книга и Записки служат источником биографических сведений о Фабрициусе.<sup>7</sup>

Людвиг Фабрициус (1648—1729 гг.), голландец по происхождению, родился в Бразилии, где его отец, профессор медицины в Лейдене, был старшим хирургом Голландской компании. После его смерти мать Фабрициуса вышла замуж за Павла Рудольфа Беема, и в 1660 г. семья переехала в Голландию. В Амстердаме, в том же 1660 г., П. Р. Беем и Л. Фабрициус завербовались на военную службу в Россию, отчим в качестве полковника артиллерии, а пасынок — его адъютанта.<sup>8</sup>

Они начали службу на фронте русско-польской войны, а с ее окончанием в 1667 г. были направлены в Астрахань в составе военных сил воеводы И. С. Прозоровского, посланного для подавления восстания Разина. В июне 1670 г. под Черным Яром, где войско воеводы С. И. Львова перешло на сторону Разина, Фабрициус попадает в руки повстанцев, приходит с ними в Астрахань, откуда осенью того же года бежит в Персию. В апреле-мае 1672 г. он возвращается из Персии в Астрахань, когда восстание было подавлено, а в мае 1673 г. в качестве посланца воеводы Я. Н. Одоевского попадает в Москву. Несколько лет продолжает служить в качестве офицера русской армии и, наконец, получив отставку в чине подполковника, в начале 1678 г. выезжает в Швецию.

Именно эти события, полные драматизма, составляют основную часть автобиографических записок Л. Фабрициуса.

С 1679 по 1700 г. Фабрициус в качестве шведского посланника трижды ездил в Персию через Россию. О первых двух посольствах частично рассказано в Записках, а обо всех трех — в Реляциях. В 1693 г. Л. Фабрициус имел дипломатическую миссию в Голландию.

Дипломатические поручения он выполнял и позднее. В 1704 г. некий швед Фабрициус (очевидно, Л. Фабрициус) был отправлен в Константинополь, чтобы «возбудить Порту к войне с Россиею».<sup>9</sup>

В Швеции Фабрициусу было пожаловано дворянское звание и в 1696 г. присвоен чин полковника шведской службы. Умер Фабрициус в Стокгольме в 1729 г., 81 года от роду, будучи отцом 15 детей.

Среди записок иностранцев о Крестьянской войне под предводительством С. Разина особую группу составляют записки тех авторов, на долю которых как иностранных офицеров, служивших в царской армии, выпало быть очевидцами событий, связанных с пребыванием Разина в Астрахани в 1669

<sup>5</sup> Там же, стр. 73.

<sup>6</sup> J. Kempe. Kongl. Swenska envojnen Ludwiche Fabritii Lefwerne. Stockholm, 1762. Экземпляр книги Кемпа, оставшийся неизвестной историкам, имеется в ГПБ в Ленинграде (см.: А. Л. Гольдберг. Дореволюционные издания по истории СССР в иностранном фонде Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, вып. 1. Л., 1964, стр. 297).

<sup>7</sup> Книга Кемпа содержит ряд неточностей в датах периода 1660—1673 гг. Вероятной причиной этого служит почти полное отсутствие дат в повествовании самого Л. Фабрициуса. Основные сведения о жизни Л. Фабрициуса см. также: Svenskt Biografiskt Lexikon, Bd. XIV, Stockholm, 1953, ss. 733—737. Здесь также содержатся неточности в датах указанного периода.

<sup>8</sup> См. стр. 46.

<sup>9</sup> С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VIII. М., 1962, стр. 53. С. М. Соловьев не сообщает имени посланца.

и 1670 гг. Здесь следует назвать членов экипажа корабля «Орел»<sup>10</sup> — его капитана Д. Бутлера, автора анонимного письма с того же корабля, написанного 24 сентября 1669 г. и, наконец, парусного мастера Я. Я. Стрейса.<sup>11</sup>

При всем том, что названные авторы были очевидцами событий, о которых они повествуют, их сочинения нельзя рассматривать иначе, как политические памфлеты, враждебные по отношению к восставшему народу и его предводителю.

К такого же рода известиям об астраханском периоде восстания Разина в значительной части относятся Записки Людвиг Фабрициуса. При всей тенденциозности и враждебности к восстанию и его вождю Записки Фабрициуса, с одной стороны, подтверждают многие события, известные нам в изложении других авторов, а с другой — содержат ряд новых ценных сведений о движении, исходящих от лица, которое было в какой-то мере даже участником этих событий или их очевидцем в значительно большей мере и более длительный срок, чем остальные иностранцы. В самом деле, анонимный автор краткого письма с корабля «Орел» повествует лишь о путешествии на корабле из Дединова в Астрахань в июле и августе 1669 г., о приходе Разина с его отрядом в Астрахань после возвращения из Персии в конце августа того же года. Ценнейшим сведением этого письма служит сообщение о возрасте Разина в это время: «Ему лет сорок».<sup>12</sup> Автор другого письма, датированного 6 марта 1671 г. и написанного в Персии, в Исфагане, Д. Бутлер, приводит значительно больший объем подробно датированных событий, начиная с полученных в Астрахани сведений о взятии Разиным Царицына весной 1670 г. и кончая мероприятиями последних дней подготовки Астрахани к обороне, подходом разинцев к ней и началом штурма города. В конце июня 1670 г., в момент штурма разинцами Астрахани, Бутлер бежал из города, был перехвачен казаками в устье Волги, вновь доставлен в Астрахань. Здесь его выручил Л. Фабрициус. С его же помощью Бутлер в конце августа 1670 г. окончательно покинул Астрахань и бежал в Персию.<sup>13</sup>

Я. Я. Стрейс, давший повествование о казаках и Разине на основе сведений, заимствованных у других авторов,<sup>14</sup> собственно астраханские события, очевидцем которых он был, описывает за несколько более короткий промежуток времени, чем Бутлер, так как бежал из Астрахани с большой группой иностранных офицеров и матросов вскоре после получения сведений о переходе войска Львова на сторону Разина под Черным Яром.<sup>15</sup> Но зато в отличие от Бутлера Стрейс как очевидец сообщает сведения о первом пребывании Разина в Астрахани в августе 1669 г.<sup>16</sup>

Л. Фабрициус на год ранее Стрейса и Бутлера прибыл в Астрахань,<sup>17</sup> участвовал в походе войска С. И. Львова, посланного в Каспийское море на встречу Разину в августе 1669 г., был очевидцем первого пребывания Разина

---

<sup>10</sup> Корабль «Орел» — первый русский корабль, построенный в 60-х годах XVII в. на Оке в селе Дединове приглашенными из Голландии мастерами. Весной 1669 г. под начальством капитана Давида Бутлера с командой из иностранных матросов и офицеров оснащенный пушками корабль был направлен Окою и Волгою в Астрахань для участия в подавлении движения Разина. Летом 1670 г. при вторичном подходе войска Разина к Астрахани команду корабля перевели в город для усиления его обороны, а корабль был сожжен подошедшими разинцами.

<sup>11</sup> Я. Я. Стрейс. Три путешествия. [М.], 1935. Анонимное письмо с корабля «Орел» и письмо Бутлера приложены к книге Стрейса.

<sup>12</sup> Там же, стр. 352.

<sup>13</sup> Там же, стр. 352—364.

<sup>14</sup> Об этом см. стр. 85.

<sup>15</sup> Я. Я. Стрейс. Три путешествия, стр. 206—209.

<sup>16</sup> Там же, стр. 200.

<sup>17</sup> В июне 1668 г. вместе с войском И. С. Прозоровского. Бутлер и другие прибыли в Астрахань на корабле «Орел» в августе 1669 г.

в Астрахани, участвовал в походе Львова против Разина вверх по Волге в конце мая—начале июня 1670 г., единственный из всех начальных людей этого войска, если не считать самого Львова, остался жив после перехода стрельцов и солдат на сторону Разина под Черным Яром. Вернувшись с повстанцами в Астрахань, Фабрициус пробыл там безотлучно дольше других указанных нами авторов, покинув город поздней осенью 1670 г. После многих приключений Фабрициус добрался до столицы Персии Исфагана и отсюда, единственный из своих злополучных коллег по перу, вернулся в Астрахань в апреле-мае 1672 г., как только поступили сообщения о взятии города царскими войсками. Все эти события более или менее подробно и с присущей Фабрициусу лаконичностью получили отражение в его Записках.

Существенно, что все названные авторы имели встречи друг с другом, неоднократно находились в одних и тех же условиях, упоминают своих коллег, а мемуары писали в разное время и независимо один от другого. Читатель получает, таким образом, возможность сопоставить их показания и создать наиболее полную картину событий.<sup>18</sup>

С первых же страниц повествования определяется отношение автора к повстанцам. Он называет их «разбойниками», «канальями», подчеркивая «царство террора» Разина и его сподвижников, умалчивая при этом о жестокостях, которые обрушивали на головы народа воеводы и их подручные. Классовая направленность записок иностранного наемника-офицера, ненавидимого стрельцами и солдатами и, со своей стороны, презрительно и враждебно относившегося к ним, очевидна. Тем не менее Записки Фабрициуса имеют большую ценность.

Там, где Фабрициус повествует о событиях, свидетелем и участником которых он был, читатель нередко почерпнет новые факты или новые, во всяком случае более обстоятельные оценки, которых нет в других источниках. Так, автор сообщает неизвестные нам подробности о поведении Разина при первой его встрече с воеводой С. Львовым в Каспийском море в момент вручения Разину «милостивой грамоты» царя (стр. 48). Разин выступает перед читателем незаурядного ума политиком и дипломатом, умевшим показать свое величие и в моменты больших затруднений.

Автор подметил классовый смысл восстания Разина уже на начальном его этапе, засвидетельствовав обращения атамана к народу с обещанием свободы от «ярма и боярского рабства» в первый приход его в Астрахань (стр. 48). Это свидетельство, бесспорно, подкрепит позицию тех историков, которые склонны рассматривать каспийский поход Разина как начало Крестьянской войны, как ее первый этап.

Совершенно исключительную ценность приобретают Записки Фабрициуса сведениями о событиях в Черном Яре при встрече войск Львова и Разина в начале июня 1670 г. (стр. 49—52). Ничего подобного ни по степени подробности изложения, ни по характеру освещения событий нет ни в русских, ни в иностранных источниках. И в тех, и в других сообщаются лишь некоторые сведения с отсылкой на третьих лиц и главным образом засвидетельствован основной факт перехода войска Львова на сторону Разина. Но как это произошло и что за этим последовало, во всех очень важных подробностях мы узнаем только у Фабрициуса.

От внимательного наблюдателя не ускользнул величайший пафос встречи царских солдат с повстанцами и революционный, антифеодальный смысл их братания: стремление народа объединить усилия в борьбе против ненавистных бояр и тяжелого феодального гнета. И если слуга царя, барин и враг народа сумел уловить и передать столь определенно настроение войска, полностью и моментально перешедшего на сторону повстанцев, легко себе представить, сколь велики были накал революционного духа народа, сознание им поставленных перед собой целей борьбы.

---

<sup>18</sup> Такое сопоставление в ряде случаев предпринято нами в комментариях к Запискам Фабрициуса.

Картина народного суда в Черном Яре, гибель от карающей руки народа всех офицеров и начальных людей, за исключением воеводы Львова (по просьбе Разина) и самого Фабрициуса, лаконично и ярко описанная человеком, участь которого, казалось, тоже была предreshена, оставляет большое впечатление у читателя.

Из других событий, связанных с Черным Яром, в Записках примечательно описание дележа повстанцами имущества, захваченного у казенных офицеров, и казацкого круга, на котором впервые было принято решение о взятии Астрахани с целью укрепления тыла для похода по городам Средней и Верхней Волги и в центр России.

При взятии Астрахани повстанцами Фабрициус в отличие от своих иностранных коллег был среди осаждавших город. Его свидетельства во многом совпадают с тем, что нам известно от других авторов, не исключая сказания митрополитичьего сына боярского П. Золотарева.<sup>19</sup> Вместе с тем наш автор дополняет картину взятия Астрахани рядом новых штрихов, например указанием на осаду бастиона, в котором засели персидские купцы и члены посольства, и городского квартала, в котором оборонялись голландцы уже в момент боев на улицах города.

Последовавшие затем расправы восставшего народа с воеводами, приказными людьми и иностранцами вызвали ряд озлобленных строк из-под пера Фабрициуса. В иностранных и русских источниках усиленно подчеркиваются зверства повстанцев, якобы особенно давшие знать о себе после взятия Астрахани. Дворянская и буржуазная историография охотно воспроизводила картины зверств, не жалея красок на изображение дикой народной стихии, способной только разрушать, а не созидать. В свете таких явно необъективных оценок особое значение приобретает свидетельство Л. Фабрициуса, отнюдь не друга народа, но довольно тонкого наблюдателя, о борьбе Разина за укрепление определенного правопорядка в рядах повстанцев. Разин по словам Фабрициуса, хотел среди казаков «установить добрый порядок. Проклятия, грубые ругательства... — все это, а также блуд и кражи Стенька старался полностью искоренить» (стр. 53). Все эти сведения, бесспорно, ценны. Без элементарных основ правопорядка было бы невозможно существование новой государственности. А она была. В Астрахани взамен разрушенной самодержавно-воеводской системы управления, отстаивавшей интересы феодалов, была создана новая форма правления, ставшая оплотом интересов народа.

Неприятнь и ненависть к восстанию ни в какой мере не стали меньше оттого, что Фабрициус после прибытия с повстанцами в Астрахань перестал быть пленником, ему было разрешено ходить по городу. Он изменил свой внешний облик: брил голову, отстриг бороду, носил казацкое платье, съязвив по этому поводу, что он мало походил на христианина. Но главное — он владел русским языком, что, видимо, наибольшим образом помогло Фабрициусу приспособиться к новым условиям жизни.

Иностранец, знающий русский язык и артиллерию, мог представлять определенный интерес для Разина. Не исключено, что Фабрициус выполнял ряд его поручений, сознательно умалчивая об этом в своих Записках.<sup>20</sup> Оставшись в живых один из всех «немецких» офицеров войска Львова под Черным Яром, Фабрициус мог быть составителем письма на немецком языке, призывавшего командующего иностранными солдатами при обороне Астрахани капитана Д. Бутлера «не оказывать со своими людьми никакого сопротивления».<sup>21</sup>

<sup>19</sup> А. Попов. Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М., 1857, стр. 241—261.

<sup>20</sup> См. стр. 78.

<sup>21</sup> Бутлер пишет: «В воскресенье 22 июня (1670 г., — А. М.) близ города показались казаки, и вперед вышли для переговоров казак и русский пол. У посланного также было немецкое письмо ко мне, где мне советовали, если я хочу остаться в живых, не оказывать со своими людьми никакого сопро-

Как бы то ни было, Фабрициус был известен Разину и мог обращаться к нему с просьбами. Одна из таких просьб состояла в спасении Д. Бутлера, задержанного при побеге стрельцами и возвращенного в город. Фабрициус подробно описывает этот эпизод, не преминув подчеркнуть всю опасность взятой на себя миссии. Но все обошлось самым благополучным образом. Тем самым наш автор против своей воли показал отсутствие бессмысленной жестокости. Озадаченный Фабрициус объясняет это тем, что господь внушил этому тирану, чтобы он обошелся со мной дружелюбно (стр. 57).

Фабрициус пользовался, очевидно, определенным доверием среди руководителей восстания, о чем говорит тот факт, что под его поручительство Ф. Шелудяк отпустил в Персию лекаря Термунда и в качестве его слуги — загримированного Бутлера для закупки лекарств, необходимых в Астрахани (стр. 59). Наконец, и его самого без всякого поручительства отпустили из города в Терки для закупки провизии, дав поручение завербовать людей с целью привоза съестных припасов. Этим поручением Фабрициус воспользовался, чтобы бежать из Астрахани.

Страх за свою жизнь и ненависть к окружающим определяли весь образ мыслей, чувств и поведения Фабрициуса в период пребывания его в Астрахани, во многом мешая ему видеть происходящее вокруг. Именно поэтому, к великой досаде читателя, его Записки содержат относительно немного сведений о внутренней жизни Астрахани в период пребывания там Разина и месца четыре слуга. Все факты связаны главным образом с личными переживаниями и образом жизни автора и других иностранцев — Бутлера и Термунда — и обстоятельствами побега их из Астрахани.

Но и это представляет огромную ценность, так как дает возможность косвенным путем уловить ряд существенных черт в жизни повстанческой Астрахани. Есть в этой части повествования Фабрициуса и ряд прямых важных свидетельств, от крупных, о которых мы уже говорили, до более мелких, но тоже представляющих большой интерес. Чего, например, стоит двукратное упоминание о пропуске для выхода из города в виде веревочки с двумя пуговицами (на двух человек) и печатью атамана! Ведь такое мы узнаем только от Фабрициуса!

Единственным иностранным источником, исходящим от очевидца событий, для истории астраханского движения с апреля-мая 1672 г. по начало мая 1673 г., когда после ликвидации восстания в Астрахани короткое время воеводой в городе был И. Б. Милославский, а затем присланный из Москвы Я. Н. Одоевский, служат Записки Фабрициуса. Ценной стороной Записок является показ и осуждение режима насилия и террора, установленного Одоевским в Астрахани. Хотя наш автор наиболее краток в изложении этих событий, он, однако, поднимается до несвойственной ему литературной манеры, рисуя в лице Одоевского некоего вампира: «Он настолько привык к людским мукам, что по утрам ничего не мог вкушать, не бывав до этого на пытках. Там он приказывал . . . бить кнутом, поджаривать, вздывать на дыбу. Зато потом он мог есть и пить за троих» (стр. 69). Разумеется, Фабрициус далек от понимания Одоевского как наиболее рьяного слуги царя и столпа феодально-самодержавного строя.

Когда и при каких обстоятельствах написал Фабрициус свои Записки? Время написания определяется сравнением конца Записок с Реляцией о трех его путешествиях в Персию (стр. 145). Записки обрываются на сведениях о первой и второй поездках Фабрициуса из Швеции в Персию через Россию в качестве шведского посланника. Правда, здесь допущена в изложении непонятная чересполосица. Сперва идет краткое упоминание о первой поездке (стр. 71), затем более обстоятельный рассказ о второй, и, наконец, автор

---

тивления. Господин губернатор (И. Прозоровский, — А. М.) разорвал это письмо, прежде чем я его успел как следует прочесть. . .» (Я. Стрейс. Три путешествия, стр. 357).

возвращается к первой поездке, сообщая ряд подробностей о переговорах в Москве и о встрече его посольства на персидской земле.

«Краткая реляция о проделанных мною трех путешествиях» включает описание и третьей поездки в Персию. Так как вторая поездка завершилась в 1688 г., а третья началась в 1697 г., этим определяется в самых общих чертах время написания Записок. С. А. Коновалов уточняет это время: 1688—1693 гг., до дипломатической миссии Фабрициуса в Голландию.<sup>22</sup>

Труднее ответить на вопрос, в силу чего Фабрициус взялся за перо, чтобы написать мемуары. Его литературное наследие невелико. Кроме публикуемых Записок и Реляции, имеются еще письма. Если, кроме того, обратить внимание на манеру изложения — несколько сумбурную, не всегда последовательную, но простую и близкую к разговорному языку, то, пожалуй, можно утверждать, что Фабрициус не имел склонности к литературному труду. Его сферой была военная и дипломатическая деятельность. Но, может быть, все же память о полных драматизма, постоянной угрозы жизни и ужаса смерти днях, пережитых среди повстанцев и на Каспийском побережье, породила в нем желание оставить их описание для потомства, и в первую очередь для своих многочисленных детей? Но нельзя забывать, что конец 80-х и начало 90-х годов XVII в., когда Фабрициус создал свои Записки, были временем наивысшего подъема его политической карьеры как дипломата. Одно поручение следовало за другим. В это время ему предстояло получить дворянское достоинство и чин полковника шведской службы. Еще в начале своей карьеры, по возвращении из России, он наткнулся на сопротивление некоторых недоброжелателей, о которых говорит в своих Записках. Кто знает, возможно, и позднее влиятельные недоброжелатели, близкие к королевскому двору, неоднократно поднимали вопрос о том, как могло случиться, что Фабрициус, единственный из всех иностранных офицеров, уцелевший под Черным Яром и был одним из немногих офицеров, уцелевших в Астрахани.

К тому же книга Я. Стрейса, имеющая в качестве приложения письма Д. Бутлера и анонима с корабля «Орел», вышла в Амстердаме двумя изданиями в одном и том же 1676 г. В 1678 и 1679 гг. выходят два ее немецких перевода, а в 1681, 1682 и 1684 гг. — французские переводы. Успех книги Стрейса и перевод ее на ряд языков объясняют появление нового ее издания в Амстердаме в 1686 г.<sup>23</sup> При таких обстоятельствах Фабрициус не мог не знать книги Стрейса. И Бутлер, и Стрейс упоминают о Фабрициусе, но очень кратко и в форме, не всегда ясной, когда речь идет о важных обстоятельствах. Это не могло не возбудить недоуменных вопросов, ответ на которые был настоятельно необходим. Фабрициус мог рассказать, особенно о событиях под Черным Яром, такое, чего не знали Бутлер и Стрейс.

На эти размышления наталкивает и характер самого произведения. Жанр автобиографических записок, неоднократно и усиленно подчеркивающих ненависть автора к повстанцам и страх за свою жизнь как побудительные мотивы тех или иных действий автора, легко объясняют тот факт, что Записки Фабрициуса замыкаются в относительно узком кругу событий, имеющих отношение к переживаниям и поступкам автора, из которых выделены главным образом те, которые могут представить его в глазах соотечественников и потомков в наиболее выгодном свете (спасение Бутлера и Термунда, выкуп Стрейса в Персии и пр.).

Так это или не так, может показать, очевидно, дальнейшее изучение материалов в шведском архиве.

Писал Фабрициус по воспоминаниям. Об этом говорят некоторая неравномерность изложения, нарушение местами последовательности событий и, главное, почти полное отсутствие дат. Но там, где события оставили наиболее глубокий след в памяти и требовали наибольшей полноты изложения, как

<sup>22</sup> S. K o n o v a l o v, Ludvig Fabritius's Account. . . , p. 74.

<sup>23</sup> Я. С т р е й с. Три путешествия, Предисловие, стр. 24—26.

например под Черным Яром, автор называет числа событий, хотя допускает неточность в указании месяца.<sup>24</sup>

Для Записок характерна скупая манера изложения. В отличие от Стрейса и некоторых других авторов у Фабрициуса не заметно литературных влияний и каких-либо заимствований. В его повествовании нет ничего сверх того, что видел или слышал сам автор. А заимствовать было где. В 1671—1672 гг. вышли немецкое, голландское, английское и французское издания Сообщения о восстании Разина неизвестного автора (см. стр. 84). В 1674 г. в Виттенберге на латинском языке вышло сочинение И. Марция, содержащее суждения о Разине.<sup>25</sup> Затем появились многие издания книги Стрейса, о которых мы говорили выше (стр. 11). Наконец, в 1677 г. в Амстердаме вышла книга Б. Койэтта «Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу», в которой страницы, посвященные Разину, не что иное, как почти дословное переложение того же анонимного Сообщения.<sup>26</sup>

Л. Фабрициус выступает перед нами как автор самостоятельного сочинения, мемуаров в их подлинном смысле. В этом плане его Записки близки только сочинению (письму) Д. Бутлера, но значительно шире его хронологически и по охвату событий. Это обстоятельство делает Записки Фабрициуса оригинальным и ценным источником астраханского периода восстания Разина. Бесспорно, непрезойденным источником являются Записки для событий в Черном Яре. Мимо Записок Фабрициуса не сможет пройти ни один исследователь Крестянской войны под предводительством С. Разина.

Записки Л. Фабрициуса публикуются впервые в полном объеме на языке подлинника — немецком — и в переводе на русский язык. Оригинал Записок находится в Шведском государственном архиве в Стокгольме.<sup>27</sup> Рукопись на 30 нумерованных листах двусторонней записи выполнена латинским шрифтом и находится в составе собрания биографий различных лиц (Коллекция Biographica, F 1). По мнению сотрудников архива Швеции (письма от 26 февраля 1965 г. и 28 июля 1966 г.), рукопись является автографом Фабрициуса. В качестве доказательства указывается на идентичность почерка рукописи и писем Фабрициуса, хранящихся в том же архиве в фонде Diplomatica: Persica. Однако не исключено, что рукопись написана каким-либо секретарем, о чем говорит ее характерный секретарский почерк. Рукопись была подвергнута правке, в результате которой в ряде мест имеются перечеркивания, внесены вставки, приписки на полях и небольшая правка отдельных слов.<sup>28</sup> Доказательством того, что перед нами не автограф, а копия Записок, служит приписка на шведском языке, находящаяся на одном из последних листов рукописи: «Документы, относящиеся к жизнеописанию моего покойного вышеупомянутого отца от его рождения до прибытия в Швецию».<sup>29</sup> Эта приписка принадлежит, несомненно, сыну Л. Фабрициуса, по поручению которого И. Кемп подготовил жизнеописание Л. Фабрициуса, изданное в Стокгольме в 1762 г.<sup>30</sup> После смерти Л. Фабрициуса (1729 г.), очевидно, было приведено в порядок и переписано все его литературное наследие, чем и следует объяснить тождество почерка Записок и писем. Понятной становится и описка, до-

<sup>24</sup> См. стр. 49 и 77.

<sup>25</sup> См. ниже, стр. 86.

<sup>26</sup> Б. Койэтт. Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900.

<sup>27</sup> По запросу Ленинградского отделения Института истории АН СССР дирекция Архива Ленинградского выслала микрофильм рукописи, с которого и воспроизводится ее текст.

<sup>28</sup> Все случаи правки (кроме исправлений букв в отдельных словах) указаны в сносках.

<sup>29</sup> Documenta angående min sahl.<sup>a</sup> pp.<sup>a</sup> Fadern lefwernes lopp ifrån des Födelse till tes ankomst till Swerige.

<sup>30</sup> См. стр. 6.

пущенная писцом: написано Карл XII и исправлено на Карл XI.<sup>31</sup> Л. Фабрициус, написавший Записки до 1697 г., а возможно и до 1693 г.,<sup>32</sup> такой описки допустить не мог (Карл XI умер в апреле 1697 г.).

Рукопись не озаглавлена. Заглавие дано составителем сборника.

В соответствии с существующей практикой публикации немецких рукописей<sup>33</sup> в Записках все существительные и собственные имена даны с прописной буквы, слова, написанные раздельно (kouff leuten, ge vanden, preis geben и т. п.), даны слито. Расставлены знаки препинания. Раскрыты сокращенные написания титулов. Выделены абзацы. Все остальные особенности рукописи оставлены неизменными. Текст подготовила к печати Г. И. Федорова.

---

<sup>31</sup> См. стр. 43.

<sup>32</sup> См. стр. 11.

<sup>33</sup> Grundsätze für die äussere Textgestaltung bei der Herausgabe von Quellen zur neueren Geschichte. München, 1931.

[1] Anno 1660 bin jch Ludwich Fabritius, mit mein Stieffvatte[r] Poul Rudolff Beem<sup>a</sup> jn Amsterdam von des Zaren seyn Facktor Hindrich Swellengrevel angenommen jn Zarischen Dienste: der Vatter als Oberste von der Artillerie und jch als Adjudant.

Sobaldt wier jn Mosko angekommen, wurden wier gleich zu Felde gesandt, weilen jhro Zarische Maiest[ät] mit Pohlen und Tarte[r] in Krich begriffen waren. Jn die Ukrain haben wier den littouschen General Pat[s] von unterschiedlige Stette abgetriben als von Brensk, Potsep, Karatsoff, Staradu[b] bis nach Sklou und Magiloff mit grose Avantagi, also die Pohlen nicht jm Stand waren, unsere grose Macht zu widerstehen. Der reusche Feldtherr waer Knees Jakoff Kudeneckrowits Zerkaski, ein leutseliger, frommer Herr. Hier hadt es jn 3 Jaren bisweilen harte Stösse gegeben, bisweilen gewonnen, bisweilen verlohren.

Nachdehm der Friede gefolcht, hadt man ein Jahr ungefehr Ruhe gehabt, als den thete sich hervor jn die nidrige Lender bey Astrikan ein donscher Kosack, genandt Stenko Raesin, mit ungefehr 800 Man allerhand leichtfertig zusammengerafftes Gesindel. Sie verübten grose Rouberey auff die Wolga, namen anfancklich nur private Güter, [1 об.] zuletzt aber schonten sie des Zaren seine Sachen auch nicht, sondern roubten und slugen toht alles, was jhnen vorkam, so dass diese Kanalie jnnerhalb 2 Jahren sich sehr versterket hetten, namen Festungen ein, slugen alles toht und roubten alles wech, was jhnen vorkam, und schonten nichts, tirannisirten grewlig, hingen die Leute bey die Füsse auff, stagen den Leuten Löcher durch die Ribben und hingen soo die Leuten an eysserne Hacken auff.

Wie nuhn das Wehsen so grob gemacht würde, sante der Zaer 4000 Man,<sup>6</sup> so Strellitsen als andre Leute,<sup>b</sup> (Strellitsen) nach Astrikan, um die Rebellen zu Gehorsam zu bringen, unter Comando Knees Jvan Semenowits Prosorowski neben eine schöne Artolleri. Wie nun die Reübr nicht Bestant waren, retirirten sie sich nach die Sehe und so die Revier Jayck hinauff und namen die Festung mit eine Fines ein, hingen den Guverneür bey die Füsse auff und hantirten die Offitsirs auff das grousamste, die gemeinen wurden untergestochen. Hier bekam Stenko Pulver, Bley, ein Houffen Stücken und allerhandt Gewehr und Proviand.

Nun der Winter war<sup>r</sup> auff der Handt, das wier nicht weiter kommen könten als Saratoff und musten wier da überwintern. Mitlerweil würde aus Astrikan ein 4000 Man gesant, um Stenko jn Jayck zu blockqiren bis der Frülinc. Allein durch üble Condwidt von dem General Fedor Besobrasow kamen von 4000 ungefehr 400 Man zurück.

\* В оригинале рукопись не озаглавлена.

<sup>a</sup> Написано над строкой

<sup>6</sup> —<sup>b</sup> Написано над строкой.

<sup>r</sup> Написано на поле.

Wie nun das Vorjahr ankam, wurde die Sache mit bessere Nachdruck vorgenommen, um den Rebellen aus die Festung zu slagen. Allein Stenko hette ein Houffen donse Kosacken bey sich, die alle Wege wusten und schon etslige Mal auff das Mare Kaspium [2] mit ihre kleine Varzeüge grose Ro[uberei] getriben hetten. Die slugen unsere Vorwac[ht] und segelten nach die Seh.

Erstlig so opfe[rte] der Stenko auff ein seltsame Weyse eine schöne und vornehme tartarische Junckfer[n], hette ehr vorm Jahr erst gefangen bekommen und bishero ehligte Beywonung mit sie geflogen. Wie ehr nun seine Retirade nemen solte, stund ehr des Morgens frü auff, kleidte das arme Mens[ch] jhre beste Kleider an und sagte, er hette die verwichne Nacht grose Anfechtung von den Wassergodt <sup>л</sup> Jvan Gorinowits, <sup>е</sup> so auff den Fluss Jayck regiret, gehabt. Er hette jhm vorgeworffen, wie das ehr, Stenko, nuhn schon 3 Jaren so glücklich were gewehsen, hette viel Geldt und Gudt erobert, darzu jhm der Wassergodt Jvan\* Gorinowits behülfflig were gewehsen; nun hette Stenko sei[n] Versprechen nicht gehalten, da ehr doch, wie ehr jn Anfanck mit seine Varzeuge auff den Flüss Jayck were gekommen, dem Godt Gorinowidts versprochen: «Werde jch mit deiner Hülffe glücklich sein, so soltu von meiner Handt wider das Beste, so jch erbuyte, zu erwarten haben» — nam also das elendige Weibsbild und warff sie jn ihren vollem Habitt in den Flüss mit diesen Worten: «Nim hin, mein Patron Gorinowits, jch habe nichts Bessers, das jch dier geben oder opferen kan, als dieses schöne Bildt». Einen Sohn had der Schelm mit dieses Mensch gezeuget, den schickte ehr nach Astrikan zu dem Mitropolitn mit Bitte, er wolle dem Knaben jn die christlige Religion aufferziehen lassen, sante auch 1000 Rubel Gelt dabey.

Hette man nun bey Astrikan Vriede von diesen Reüber, so emfunden die Persiander, so am Mehr ligen, seine Roubereien auch sehr wehr, den die Leüte [2 06.] [w]urden überfallen, geplündert, totgeslagen und [wec]hgefuret, jns Elendt verkouft. Ein Theil von Provins Resdt wurde gans geruiniert. Endlig [s]ante der König jn Persien ein ansehndliges Corpus, um diese Roubvogel zu vertreiben. Da wordt dem Schelm angst und bang: seine Vaer[z]eüge waren aldt, ervorderten Reparation und es wolte sich jn Persien nicht thun lassen, so begab er sich wider nach die Astrikanische Seite, um vileicht einen Wech durch die Wüsteney nach die Donn zu suchen.

Wie nuhn jn Astrikan Lermen wurd, so wurd der Unterwoywod Knees Semen Jvanowits Jloff mit 3000 Man Soldaten und Strelitsen jhm entgegengesandt. Nu[n] hette man die Schelme alle jn den Grundt schies[en] können, allein es hadt sich jn Astrikan ein zarischer Brieff hervorsugen lassen, so schon vor drey Jaren geschriben war, worjn dem Stenko zarische Genade und Pardon versprochen, jm Fal er mit seine reüberisch Versamlung sich wider jn Stilheit nach die Donn ver-

---

<sup>л</sup> — е Написано над строкой.

\* Написано над строкой.

fügen wurde. Diese Genade hedte ehr unterschiedne Malen verlachtet und verspottet, allein jetsunt war ehr jn die Kleme und nahm also die Genade gern an. Er nam den Zarischen Brieff, küssette demselben und stage ihn jn sein Busem. Hierauff wurden die Stücke beyderseits gelöset. Den reuschen Eddelmann, so jhm den Brieff überbrachte, beschenckte Stenko trefflig mitt schöne gültne Stucken und mit Zobel<sup>3</sup> gefutterte Röcke und allerhandt persische kostbare Zeuge. Was der Generael hadt bekommen, ist nicht kundtbar, es ist aber gewiss, das ein Houffen kostbare Sachen hingebbracht worden, jnsonderheit jn Perlen [3] und schöne Pferdezeuge, mit Perlen und Türkosen besetzt, so auch ein Houffen Silber und Goldt. Gudt Kouff war es verdient, gudt Kouff wurd es wechgeschenket. Hierauff nam der General dem Stenko vor einen Sohn an und beschenkte ihm der Reüschen Gebrouch nach mit ein schön mit golden Blech überzogens Marienbildt, dieses wurde aber an geburenden Ohrte nicht wol auffgenommen.

Mittlerweil kam Stenko mit uns nach Astrikan und wurde jhm mit sein bey sich habende Schelmen vrey gegeben, die jn Gilan geroubte Gütter und Menschen offentlich zu verkouffen, da den die persianischen Kouffleute die Menschen alle einlösten. Einem vornehmen Eddelman hadte der Schelm bey die Ribben auffhencken lassen. Ungefehr sex Wochen wehrete diese Menschenmarckt, jn welche Zeit die Herrn Gaverneürs dem Stenko zu unterschiednen Malen zu Gastt geladen haben, welges den nicht ohne gutte Geschencke ablieff.

Jn diese Zeit hatte der Stenko gutte Gelegenheit, sich von den Astrikanser Zustant zu jnvormiren und die gemeine Pöbel jhre Gemüter kennenzulernen, lobte jhnen baldt von der Boiaren Joch und Sklaven zu befreien, wornach die gemeine Pöbel gerne Gehör gaben und jhm versicherten, [3 06.] mit allen Krefften jhm an die Handt zu gehen, sobaldt ehr nuhr ein Anfanck machen würde.

Hierauff ist ehr mit sein Gesellschaft den Strom hinauff gerudert biss Zaritsin. Darvon hette ehr nuhr ein Tag Reisen nach Panzina, so ein Stetgen ist, liegt an die Don. Hier finck ehr gleich an, jn der Still die Gemeine an sich zu zihen, mit Geldt zu geben und grose Reichthum zu versprechen, wen sie es mit jhm halten würden und helffen, das die verreterischen Boiaren möchten ausgerottet werden.

Dieses werete den gansen Winter, bis das ehr gegen das Vorjahr 4 a 5 tousand Man zusammen hette. Damit kam ehr vor die Statt Zaritsa, vordert gleich die Festung auff. Die gemeine Kanalie waren gleich vertig. Der Gouverneur salvirte sich zwar jn ein Turn, must sich aber gleich ergeben, weilen ehr allein und von allen verlassen war. Stenko lies den armen Gouverneur gleich auffhencken und alles, was von dem Zaren- und Bevelhabern-wie auch von Kouffleuten gevunden wurde, kapotiren und jhre Gütter unter die Kanalie preisgeben.<sup>5</sup>

---

<sup>3</sup> *Далее вычеркнуто повторное* gefutterte.

<sup>4</sup> *Далее вычеркнуто* Zar.

<sup>5</sup> *Исправлено, было* preisgegeben.

woll in acht be setze die gantze wolga strom  
so das nichts könnte nach Astracan kommen  
hier kriechte ehr etliche hundert kouffleute  
mit ihre wahren so kofellig und von grossen  
wahren wahren nemlich alle hand feine  
laeten farrien dragetten zohlen puffen  
dicke ten Reichstaler und viel solent rubl  
Reisch gelt und allerhand kouffmans  
wahren also diese leise yrossen handel mit  
die pernianer und bicharen dslayer und  
taster treiben mittler weil wurde auss  
mürko 4 prekasen oder Regement bestreleten  
ge sandt um diese Reiber dardempfen  
sie kamen aber mit ihre yrosse strusen  
und weilten sie das wasser nicht gewohnt  
waren würden sie alle in die prana ge  
hauen hier bekam stenko Kasin eine  
yrosse quantitet von Amomition und  
Artollevie ge wehr und alles was ihm  
nötig wahr nie mühen diese oben gemelte  
strutzen von mürko ge sandt würden  
würde gleich von Astracan auch auff  
ge botten unge fehr 5000 man so zu  
wasser als zu lande um stenko Kasin  
so in die Klein zu be kommen Klein  
so baldt ehr mit die vorigen vertig  
wahr setzt ehr sich in gutt positur  
und weilten ehr gute kundtschaft  
von uns hebe brach ehr von darit in  
auff und be yegrete uns auff den  
halben weck und kam uns ehr bey  
ehr wie ihm ver müthen oder die yeringe  
kundtschaft von ihm hatten war wälten uns

in Zornau - einige tage auf und schickten  
warer und zu lande auff Kürtzschaff auß  
Königen ab - Keine ge wisse nachricht be  
kommen den 20 juli wurde Kriehs rader ge  
halten wor in be flassen wurde weiter zu  
gehen und stankte auff zu suchen den 21 den  
des morgens klucke 8 kam unsere vor wacht  
da warer in vollen louff machte laum den  
den die kozacken jhren auff die Hacken zu  
volchten irer Rükken aus unsere fronten  
und stellten uns in ordre de bataille der Herr  
general Knes semen pranzowits jbruff ymcke  
durch die glieder e - jnirerte allen und jed  
seine schuldigkeit in acht zu nehmen  
und an den eide so sie dero Savigischen mä  
ge sworn zu be kerrigen und zu fechten  
wie ehrlige soldaten gebüret wider  
solche Leichtfertige Rebellen wor auff sie  
alle ein trachtig Ruffen ja sie wolten alle  
jhr leben vor jhro R<sup>o</sup> maies<sup>o</sup> laeren  
und fechten bis den letzten blut tropfen  
mit le weil stelte sich stankte ins feld  
machte eine <sup>große</sup> front und hatte emern  
jed waden so Knes schies ye wehr hatten  
einen langen stangen vorn ein wenich  
ge brennt und ein lappgen oder klimes  
fangen an ye schlagen in die hende ye gelb  
welch den in ebrenem feld von weitem  
eine wunderliche parade machte und  
bildeten die gememen sich em da so  
viel vendel und standuren waren muste  
viel leute fern sie stagen die Köpffe zu sammen  
und ward gleich geschweibet das nihr du gelegen  
heit vor handen wehre wor man solange nach  
gefrisset

Hier rüstete Stenko sich nuhn wider auss. Also alle die nidrige Lender undt Stette kein Ackerbow haben, sondern all jhre Getreide von Nisin Nowgrodt und Kasaen haben müssen, so alles midt grose Faerzeüge, so sie Nasadi nennen, die Wolga heruntergefüret wirdt und muss alles, wass nach Astrican sol gefüret werden, Zaritsin verbey. Dieses nam Stenco Rasin [4] woll jn acht, besetzte die gantse Wolgastrom, so das nichts könte nach Astrican kommen. Hier krichte ehr etslige hundert Kouffleute mit ihre Wahren, so kostlig und von grosen Würden wahren, nemlig allerhand feine Lacken, Sarsien, Dragetten, Zoblen, Jufften, Dücaten, Reichstaler und viel tousandt Rubl reüsch Geldt und allerhandt Kouffmanswahren, also diese Leute grosen Handel mitt die Persianer und Bucharen, Össbagen und Tarter treiben.

Mittlerweil wurde auss Musko 4 Prekasen oder Regementer Strelitsn gesandt, um diese Reuber zu dempfen. Sie kamen aber mit jhre grose Strusen und weillen sie das Wasser nicht gewohnt waren, würden sie alle jn die Pann gehouen. Hier bekam Stenko Rasin eine grose Quntitet von Amonition und Artollerie, Gewehr und alles, was jhm nötig wahr.

Wie nuhn diese obengemelte Strelitsen von Mosko gesandt wurden, wurde gleich von Astrican auch auffgebotten ungefehr 5000 Man, so zu Wasser als zu Lande, um Stenko Rasin so jn die Klem zu bekommen. Alein sobaldt ehr mit die vorigen vertig wahr, setst ehr sich jn gutt Positur und weilen ehr gutte Kundtschaft von uns hette, brach ehr von Zaritsin auff und begegnete uns auff den halben Wech <sup>^</sup> bey Zornojair \* und kam uns ehr bey, ehr wier jhm vermutten oder die geringste Kundtschaft von jhm hetten. Wier hielten uns [4 06.] jn Zornoier einige Tage auff und schickten zu Wasser und zu Landt auff Kundtschaft auss, könten aber keine gewisse Nachricht bekommen. Den 10 Juli wurde Krichsrahdt gehalten, worjn beslossen wurde, weiterzugehen und Stenko auffzusuchen. Den 11 dieses des Morgens Klocke 8 kam unsere Vorwacht zu Wasser jn vollen Louff, machte Larm, da den die Kosacken jhnen auff die Hacken vervolchten.

Wier rückten aus unsere Strusen und stelten uns jn ordre de batalie, Der Herr General Knes Semen Jvanowits Jlwoff ginck durch die Glider, erjnnerte allen und jedem, seine Schuldigkeit jn acht zu nehmen und von den Eydt, so sie dero Zarischen Ma [jestät] geschworen, zu behertsign und zu fechten, wie ehrliche Soldaten gebüret, wider solge leichtfertige Rebellen, worauff sie alle eintrachtig riffen, ja, sie wolten alle jhr Leben vor jhro Z[arische] Maiest[ät] lassen und fechten bis den letzten Blutstropfen.

Mittlerweil stelte sich Stenko jns Feldt, machte eine grose \* Frondt und hadte einem jedweden. so keines Schiesgewehr hadten, einen langen Stangen, vorn einwenich gebrendt und ein Lappgen oder kleines Fangen angeslagen, jn die Hende gegeben, welges den jn ebnem Felde von

---

<sup>^</sup> — \* *Написано над строкой.*

\* *Написано над строкой.*

weitem eine wunderlige Parade machte, und bildeten die gemeinen sich ein, da so viel Vendel und Standaren waren, musten viel Leüte sein. Sie stagen die Köppfe zusammen und ward gleich geresolviret, das nuhn die Gelegenheit vorhanden wehre, wor man solange nachge-seuffzet [5] hette, und lieffen gleich mit alle Fanen und Trummeln nach dem Feindt. Da ginck es an ein Küssen und Hertsen und vereinigten sich gleich, mit Leib und Lehben einander beyzustehen, und die Verreter, die Boiaren, ausszurotten und das Joch der Sklaverey von sich zu werffen und sich jn einem freien Standt zu setsen.

Hier sahe der General auff die Ofitsir und die Ofitsir auff dem General. Man wüste nicht, was man jn der Konsternation solte anfangen, der eine saechte dis, der andre das, entlig wurde vor gutt befunden,<sup>o</sup> das man sich mit dem General solte auff seine Struse settsen und retiriren sich so nach Astrican. Aber die schelmische Streltsen von Zornoier stunden auff die Walle und Türme, wendeten die Stucke um und gaben Feur auff uns. Etslige lieffen auss die Festung und snitten uns den Pass nach die Strusen ab, so das wier nargendhin kontten. Mitlerweil kamen unsere Hunde, die sich mit den Kosacken kuniungirt hetten, von hinten auff uns los. Wier waren ungefehr etslige 80 Man, so Ofitsir, Edelleute und Schreiber. Es ginck gleich auff ein Morden loss, doch so lies Stenko Rasin gleich verbieten, keinen Offitsir mehr totzuslagen,<sup>n</sup> mit Befehl: es musten doch woll einige gutte Leüte darunter sein, die müste man Pardon ertheilen, hingegen dieiegenigen, so mit jhren Soldaten nicht woll gelebt hetten, solten durch den Atama[n] und dessen versammelten Kuruch zur verdienten Straffe verdamt werden.

Kuruch ist, wen sich die Kosacken auff Befehl des Attamas müssen versamlen und stellen sich jn einen runden Kreiss, [5 06.] da den die Leibfane mitten jn den Kreits gepflantst wirdt, da sich den der Attam beystelt neben seine beste Offitsirer, dehnen ehr den sein Vornehmen zu kennen gibet, mit Befehl, solges dehnen gemeinen Mitbrüdern kundtzumachen und deren Guttduncken<sup>p</sup> hierüber zu vernehmen.<sup>r</sup> Gefeldt nuhn des Attamans seine Forslege den gemeinen Brüdern, (gefeldt<sup>y</sup>), so ruffen sie alle mit einhellender Stim: «Lübbö, lübbö!».

Also wurde ein Kuruch beruffen undt wurde von Stenko durch seine Jesowulen gefraecht, wie das der General und Offitsir mit jhren unterhabenden Soldaten gelebt hetten, worauff die leichtfertigen Bludthunde, sowoll Streltsen als Soldaten, einhelllich riffen, es wehre nicht einer unter jhnen, der meritirte, das Leben zu behalten, sondern baten alle einhelllich jhren Vater Stepan Timofeowits Rasin, er wolle sie nuhr alle lassen niderseblen, welches den auch bewilliget wurde,

---

<sup>o</sup> Исправлено, было бераден.

<sup>n</sup> Далее вычеркнуто ess musten ja и на поле слева вычеркнуто befehl.

<sup>p</sup> Далее вычеркнуто sich zu informiren.

<sup>r</sup> Написано над строкой.

<sup>y</sup> Написано над строкой.

ausgenommen der General Knes Semon Jwanowits Jlwoff wurde von Stenko selber beim Leben dazumal erhalten.

Damit so wurden die Herrn Offitsir nach jhren Rang ein vor ein aus den Turn, da sie den vorigen Tag waren eingesmissen und Hende und Fusse auff den Rucken hardt gebunden waren, losgesnitten und vor das Thor hinausgeführt, da den alle die Blutthunde sich gestelt hetten, war ein jeder begirich sein gewehsnen Befelhaber den ehrsten Strich bezubringen, der eine mit den Sebel, der andre mit der Lantse, andre mit den halben Mondt, etslige mit Streithammer. Sobald nuhn ein Offitsir hinein<sup>φ</sup> jn den Rinck<sup>x</sup> gestossen wurde, brachten jhm die Blutthunde gleich durch die [6] vielen Wunden vom Leben, ja es wurden etslige jn Stucken zerhouen und gleich jn die Wolga geworffen. Mein Stieffvatter Poul Rudolf Beem und Obristleutnandt Wundrum und viele andre hohe und lege Offisier wurden vor meine Augen niedergehouen.

Meine Zeit waer noch nicht vorhanden, welges jch sehen könnte aus die wunderlige Errettung Godtes. Den jndehm jch mit jn den Chreits stunde und schon halbtobt den letsten Strich erwarde, so kham mein Ordonans, ein junger Soldat, und nahm mich bey meine gebundne Arme, und wolte mich den Berch hinnunterfuren. Jch, dehr jch schon halbthott wahr, blieb sthen, wuste nicht mehr, was jch thun solte. Darauff kham ehr zurück und nam mich bey die Arme und fürte mich so gebunden mit sich durch die versamlete Blutthunde den Berch hinunter jn die Struse und snit mier gleich die Arme loss, sagte zu mier, jch solte mier zufrieden geben, ehr wolte sich schon vor mich ausslegen und sein Bestes thun, das jch mein Leben behalten solte. Es wahr keine Schere vorhanden, um meine lange Hare, so bey denen Blutthunden ein Greüel ist, abzusneiden, so nahm ehr ein klein Brodtmesser und snidt mier die Hare herunter, welges mier zimlich kitselte. Mitlerweil sprach mier der Kerl gutt zu und saegte mier gutts Muts zu sein. Meine Kleider, so jch nach die Landsahrt von Taft, um nicht bekant zu sein vor einen Ausslender, machen lassen, zog ehr mier ab und gab mier ein grob von Sackleinwand gemachten Rock wider. Dis wahr nun meine ganse Mundirung: Rock, Hemdt, Mantel, Matras und alles. Damit beval [6 06.] mier mein Schütsengel nicht aus die Struse zu gehen. Damit ginck ehr von mier. Auff den Abent kham er wider, brachte mier ein Stück Brodt, welches mier, weilen jch jn 2 Tage nichts genossen, woll smeckte.

Den andern Tag<sup>ψ</sup> wurden alle unsere Sachen geplündert und unter die Houbtvane, oder Buntsuck, gebracht, da den unsere Bluthunde so woll als die Kosacken jhr Theil davon bekamen. Nuhn wolten die Mörder, so lang nach Menschenblut gedurstet hetten und sich doch nicht damit gesetiget hetten, auch Brantwein und Bier haben, würde also des Zaren Kelder angesprochen und alles aussgesoffen. Wie nuhn

---

<sup>φ</sup>—<sup>x</sup> Написано над строкой.

<sup>ψ</sup> Далее зачеркнуто (неразборчиво).

nichts mehr vorhanden wahr, so hielten die Schelmen Rahdt, wie dem Dinge nuhn weiter anzugreifen wehre, ob man oben jm Lande hineingehen solte, oder ob man Astrican sich ehrst versichern solte. Das letzte wurde vor gudt und besser gehalten, weilen, wen sie Astrican sich versichert hetten, sie den Rücken vrey haben würden, könnten also gans ungehindert die ganse Wolga hinauff biss Kasan gehen. In Kasan weren die ganse Gemeine schon jhres Sinnes und wolten sie schon bey dero Anneherung mit dem Guverneur und allen Offitsier vertig werden.

Darauff gescha <sup>r</sup> der Aufbruch. Unser General Knees Semen Jvanovits Jloff war jm Leben gelassen, weilen ehr, wie vor gesaget, dem Stenko vorm Jahr mit einem Marienbilde beschencket hette. Diese Ahrt, Bilder zu schencken, wirdt bey den Reusen sonderlig gekonsideriret, dehr Geber wirdt vor Vater und der Beschenckte vor [7] einem Sohn angenommen, welches, wen der gütte Kness wehre jm Leben gebliben, von die Obrichkeit nicht allerdings vor gudt würde erkant sein. Weilen ehr aber noch in Astrican, vor das die zarischen Fölcker das einnahmen (gestorben) auch <sup>m</sup> masakrirt, <sup>u</sup> so wahr die Belohnung vor sein Wollverhalten hiermit auffgehoben.

Wie nuhn der Aufbruch von <sup>p</sup> Astrican solte vor sich gehen, kham unvermutlich ein polnischer Eddelman Wonsowski <sup>m</sup> welcher vorm Jahr von die Kosacken war gefangen worden und in wehrender Zeit sich das lose Lehben gefallen lassen und Dienste bey diese Reüßer angenommen. <sup>p</sup> Diesem nuhn bathe jch, <sup>q</sup> das ehr wehgen alter Bekantschaft mich in seinen Schuts nehmen möchte, den jch mich vor unsere gewehsne Soldaten nicht weysen dürfte. Mein Ordonans war allein und hette genuck zu thun, das er mit Bitten undt Flehen bey jhnen so viel erhielte, das sie mier nicht in der Struse totslugen. Dieser Polack ginck gleich nach Stenko und sagte, das ein junger Offitsirer noch jm Leben wehre von der letzten Masackrirung und wehre jch sein halber Bruder, bahte demnach, um mich unter seine Kompani zu haben, weilen ehr Houbtman von 100 diese Galgenvögel war. Stenko gab jhm gleich zum Zeigen seiner Genade sein Pittschaft, in Wax gedruckt. Hierauff nun durfte jch frey aus der Struse gehen, doch so durfte jch mich nicht weit von meinen Schutsengel begeben.

Der Aufbruch nach [7 06.] Astrican ginck vor sich. Des Nachts wurd jch an Hende und Füse gebunden, welges ein unerhörte Marter und Pein ist. Nach etsligen Tagen kam der ganse Schwarm vor Astrican. Gleich schickte Stenko einen Trompetter mit einen Diener von dem General Elwoff, die Statt auffzuvordern, welge beyde der Guverneur die Köpfe lies wechslagen. Dieses setste grose Verbittrung unter die Kanalie, vangen gleich an zu murlmen und sagten vrey heraus, der

<sup>r</sup> Исправлено, было gesagt.

<sup>m—u</sup> Написано над строкой.

<sup>p</sup> Исправлено, было nach.

<sup>m</sup> Написано над строкой.

<sup>p</sup> an написано над строкой.

<sup>q</sup> Далее вычеркнуто jch nuhn.

Boiaren ihre Outoritet wurde nun bald ein Ende nemen, und wolten sie schon den wissen das unschuldige Blut zu rechen.

Mitlerweil ruckte Stenko näher unter Statsgarten. Von dannen riefen die verretterische Strelitsen und Soldaten, das wovern ihre Bruder, Vatter oder Kinder sich solten unterstehen<sup>10</sup> sich zu wehren, wolten sie ihre eigne Eltern, Weiber und Kinder nicht verschonen, sonder alles jn Stücke zerhouen, sondern sie solten die Pforten eroffenen und ihren Vatter und Erlöser, dem Stenko, entgegengehen und mit Freuden empfangen. Hingegen solten sie die Boiaren und alle hohe und<sup>11</sup> nidrige Bevelhaber beim Kopf nehmen und jn Stucke zerhouen, so solten sie von jhren Vater undt Erlöser Stencko als gute Freunde und Brüder angenommen werden.

Mitlerzeit thaten die persianische gesanten Leüte, so jn der Stat waren und nach Mosko gedistinirt waren, einen Ausfal zu Pferd, houten etslige von unsere Hunde die Kopfe herunter und brachten sie mit sich jn der Stat.

Mitlerweil wurden ein Houffen Sturmleiter ververtiget, so kamen teglig Oberloufer und versicherten Stenko, das sobald er wurde unter die Mouren kommen, wolten sie die Sturmleiter [8] mit Freuden entgegennehmen, allein solten si<sup>12</sup> sich jn acht nehmen vor die Hollander,<sup>6</sup> so Schiffsleute waren,<sup>13</sup> den die waren beordret auff eine Pforte, die solten 2 Quartinen mit das Kanon devendiren, die Leute wüsten woll mit das Geschütz umzugehen.

Hierauff würde bevolen, die ganze Nacht sich vertig zu halten. Ungeföhr die Klocke 4 so marschirten sie vort. Die Sturmleiter wurden angesetzt und mit Freuden von die Belagerten entgegengenommen. Das Slos wurde am ersten eingenommen. Der Woywod, oder Guverneür, Knees Jvan Semenovits Prosorowski wurde von einen hohen Turn, so mitten jm Slosse standt, heruntergeworffen. Sein Bruder als Unterguverneür und alle Bevelhaber, so man bekommen könte, wurden auffgehencket, jn Stucke zerhouen und jns Wasser geworffen. Die Persianer, sowol der Gesanter als Kouffleute, hetten sich alle jn eine Bastion geretiriret und wehrten sich tapfer, schossen einige hundert Kosacken über Houfen und, dae es jhnen an Kuglen fehlen wolte, schossen sie mit Kopeken und wurden hernacher von die Veldtscher viel Kopeken den Schelmen ausgesnitten.

Mitlerweil hetten die Kosacken an den Ohrt, da die holandische Schiffsleute gepostiret waren, von den gemeinen Arbeitsleute, oder wie sie solge nennen, Jariski, anfallen lassen, da den wol tousent von diese Kanalie ubern Houffen geschossen wurden und, wen sich die Belagerten alle hetten so woll gehalten, wehren die Kosacken nimer Meister von Astrican geworden. Alein es wahr Verrehterei von Anfanck bis ans Ende. Zulest wurden die guten Hollender obligiret [8 06.] durch

<sup>10</sup> stehen написано над строкой.

<sup>11</sup> Исправлено, было а.

<sup>12</sup> Написано на поле.

<sup>6-13</sup> Написано над строкой.

Mangel von Pulver sich übermeistern zu lassen, da den alles in Stücken zerhauen wurde. Endlich musten sich die Persianer aus Mangel von Pulver und Bley auch ergeben. Stenko schenckte ihnen das Leben.

Wie sie nun Meister von der Stat waren, wurde alles ausgeplündert und geroubt und in Houffen geleyet, um hernacher an allen ausgeheilet zu werden. In diese Robuse wurden viel brave Leute, sowoll Ausländer, als Reusen, alderhand Standes Personen erbarmlig erslagen und zu Tode gemartert: als bey die Füße und an die Ribben auffgehencckt. Des Boiaren Prosorowski seine beyde Sons wurden bey die Beine auffgehencckt. Dae sie einen gansen Tag gehangen hetten, erbarmete sich ein kosakischer Offitsir Lasor und snidt sie beyde los. Der jungste war noch frisch, blos das die Füße ganz tot waren. Er wurde seiner Mutter zugebracht, der eltre aber wurde halbtot mit von den hogen Turn geworffen und muste der gutte Jungelink den Wech seines Vaters gehen.

Wie dieser Reüber nuhn so unerhöret tirannisirete, so wolte ehr doch unter seine Leute eine gutte Ordnung gehalten wissen. Fluchen, sweren Schelten, wie es den bey dehnen Reusen solge unerhörte und in andre Sprage ungebrouchlige Worter gibt, die man ohne Schrecken nicht melden kan, dieses nuhn undt Hurerey wolte Stenko wie auch die Dieberey ganz und gar aussgerottet wissen. Den wen einer dem andern die Würde von eine Nahtel hette entwendet, wurde ihm das Hemdt über dem Kopf [9] (zu) zugebunden und mit Sandt gefullet und so ins Wasser geworffen. Ich habe selber gesehen einen Kosaken bey die Beyne auffhencken, so nuhr im Vorbeygehen ein gemeines junges Weyb nach dem Bouch gegriffen.

Und wahr dieser grousamer Kosack so<sup>r</sup> entsehen bey seine Unterhabende, das sobald ehr was befall, ward es gleich vollenfüret. Und im Fall ein oder ander seine Order nicht gleich nachlebte, in Meinung, er würde vileicht sich bedencken und Genade ertheilen, so wurde dises Bestie so erschrecklig böse, das es schine, als wen ehr besessen wehre, warff<sup>a</sup> die Müttse vom Kopfe, trat sie mit Füße, zog den Sebel auss und warff sie den Umstehenden vor die Füße und schrie mit vollem Halse: «Ich wil nicht mehr Ataman sein, sondern macht euch einen andern». Damit vielen sie<sup>e</sup> ihm alle zu Füße und baten einhelig, er wolle doch den Sebel wider umgürten und ihrer nicht allein Ataman, sondern Vater sein, sie wolten ihm gehorsamen in Leben und im Tod. Diese unumschrenckte Gehorsam brachte diesem Bösewicht in solgen Ansehen, das alles vor ihm zittert und behbt und mit die allerunterthenigste<sup>\*</sup> Submission seinen Willen verrichteten.

Einige Tage nach die Eroberung von Astrican wurde ich in der Stat gelassen. Ich kham in mein Quartier, vand aber nichts als meine kleine

---

<sup>r</sup> Написано над строкой.

<sup>a</sup> Далее вычеркнуто деп.

<sup>e</sup> Далее вычеркнуто повторное sie.

<sup>\*</sup> Далее вычеркнуто повторное unterthenigste.

Swester, 3 Jahr aldt, mit jhre Amme. Unsere Armuth hetten unsere Bedienten alles nach dem Slosse gebracht, jn gutter Meinung, das es da besser als jn der Stat solte versichert sein. Es ginck aber [9 06.] sowohl das eine als das andre übern Houffen.

Es khamen alle die Wittwen und Kinder, darvon die Menner mackriret waren, und suchten Zuflucht bey mir, und hette jch damals woll 10 Weiber haben können, den eine jedweder wolte mir die nechste sein, und hette jch genuch zu thun, jhnen dass beyzubringen, das jch ein armer Evangner wehre und jhnen nicht jm geringsten dienen oder helfen könte, ja jch dürfte mich nicht ausgeben, vor den jch wahre. Mittlerweile hett jch das arme Frouenzimer auffm Halse.

Unter wehrender diesen elendigen Zustant war jch alle Zeit sehr kranck und bekam einen unauffhörlichen starcken Durchlouff, worauff der Blutganck folgte, und hette mich dieser elendige Zustant und Kranckheit so verandert, das jch gans unkenbar würde. Den Bahrt lies jch ein virtel Ehle lang waxen und die Hare <sup>3</sup> vom Kopf gladt abscheren, und dabey ein kosakisches Kleid an, so das jch gans ein andre Vigur als ein Christenmensch hette. Dabey verenderte jch von Quartier und logirte mich ausser der Stat jn einen Zarischen Weingarten, da der Gertner ein Polack wahr, Kaminski.<sup>4</sup> Dieser alte Gertner und sein altes Weibgen theten mir alles Gutttes, welges mir jn meinen so miserablen Zustandt wol zupasse kham. Weilen jch auch die reüsche und polnische Sprage zu meinen Willen hette, so wurde jch durchgehends vor einen Kosacken an [10] gesehen.

Etslige Tage nach Einnehmung der Stat Astrican so würde ein Schiffscapten, genant Davidt Büttler, ein Hollander, neben einen Feldtscher Termunt<sup>5</sup> gefancklich eingebracht. Bey Belagerung der Stat hadten diese beyde jhren Post auff dem Sloss jn einer Bastion gehabt. Wie sie aber sahen, das alles Verrehterey wahr und das die leichtfertigen Soldaten jhre Offficire selber niderhiben, suchten sich dies 2 zu salviren und krochen durch ein Schissloch, welges zimlich gross wahr, und lisen sich herab jn den Graben, kahmen auch an die Revier, fanden <sup>6</sup> ein Bothgen, setzten sich <sup>7</sup> darein und ruderten nach die Sehe, den Strom hinunter. Wie diese arme 2 Auslander aber an eine zarische Fischerey khamen und nichts bey sich hetten, vrachten die Leute wohin und woher, da sie den den elendigen Zustandt von Astrican erzelten. Diese gutte Leüte hetten Mitleiden mit diese arme Auslander, gaben jhnen Brodt und getrocknete Fische und eine Eüxce. Damit ruderten sie getrost nach die Sehe zu, jn Meinung, so nach Persien zu entkommen. So viel kan die Totesangst verursachen! Diese arme Leüte wolten lieber jn die Handt des Herrn als jn die reüberischen Mörderhende fallen.

---

<sup>3</sup> Далее вычеркнуто gladt.

<sup>4</sup> Написано над строкой.

<sup>5</sup> Написано над строкой.

<sup>6</sup> Исправлено, было vanden.

<sup>7</sup> Написано над строкой.

Wie sie aber kamen, da die Revier in die Kaspische See feldt, begegneten" ihnen ein reüssischer Obrister mit 300 Streltsn. Sie waren in Turk gewehsen. Diesen Leuten ungewond vorkommend, diese 2 Deutschen [10 06.] in solgen Standt zu sehen, wusten nicht, was sie hiervon dencken solten, fragten ihnen also, wohin und was die Uhrsache ihres so schlechten Zustandes wehre. Darauf sie dem Obristen jnsgeheim offenbaren, wie das Astrican von dem Garnison selber an die Kosacken sey übergeben, und alle hohe und nidrige Bevelhaber hetten ums Leben gebracht und alles ausgeplundert, worauff sich der Obrister resolvirte, mit ihnen in ihren kleinen Bothgen zu steigen. Allein dieser fege Meme bedachte sich baldt wider und offenbaret seinen Strelittsen, was ihm die Deütschen vertraut hetten, in Meinung, hierdurch sein Leben zu retten. Allein diese Blutthunde waren gleich mit Rache wider ihre Offitcire eingenommen, namen den gutten Obristen und drey ° Houbtleüte, oder Capiteins, beym Kopfe, bunden ihnen Hende und Füsse auff den Rucken. Die 2 arme Deütsgen wurden auch gleich gebunden und gedrouet, bey den Beinen auffgehendet zu werden, wofern sie ihr Lehben nicht erkoufen wolten, da den aus Angst der Capitein Büttler 200 Rubel und Termundt 70 vor ihr Leben an diese neiwe gewordene Kosacken versprechen. Hierauff wurden sie zertheilet und wol bewacht, und so nach Astrican gefüret und vor Stenko gebracht. Dem Capitein wurde bevolen, unter starcke Wache zu geben, dem Feldtscher aber anbevolen, gleich die verwundten Kosacken zu verbinden.

Dieser Termundt kam denselbigen Abendt noch bey mir, welges mir den hertslig erfreuete, noch einen Christenmenschen und gutten Bekanten in diesen elenden Stande zu sehen. [11] Ehr berichtete mir gleich sein Abenteur und sagte, das Capitein Buttler noch lebte, wor er aber were hingebacht, wuste ehr nicht. Wie wier nuhn so ein wenich beyeinander gesessen und unsern elenden Zustandt miteinander beklaget hetten und Godt gebehten um eine genedige Erlösung, so kamen die neiwe Kosacken, dehnen das Rantson von den armen Leuten versprochen wahr, wolten durchaus die 70 Rubel von Termundt haben. Weilen sie mir nicht kenten, stellte ich mich etwas barsch an und sagte, das Stenko, der Ataman, aussdrucklich bevolen, dieser Termundt solte die verwunte Kosacken verbinden und heilen, hette auch bereits vielen grose Linderung von ihre empfangne Wunden verschafft. Wurden sie ihm nuhn so hardt zusetzen, so wolte ich hingehen und dem Stenko solges hinterbringen, das sie um ihres eigen geringes Nutses willen wolten machen, das so viel brave Kosacken hierdurch solten verseumt werden und gaer verlohren gehen würden. Wie sie nuhn meine Rehde mit sonderlige Auffmerkung zugehöret hetten undt meinten nicht anders, als das ich auch ein rechter Kosack wehre, gaben besser Kouff und baten, ich solte dem Ataman nuhr nichts davon sagen, sie wolten lieber das verlieren, als das so viel brave Leute hierdurch solten verseumt werden. Allein

---

" *Далее вычеркнуто* ihnen.

° *Далее вычеркнуто* hob.

sie sagten zu mir: [11 o6.] «Es ist noch ein ander, so uns 200 Rubel hadt versprochen, und das sol ehr uns schaffen, oder wier wollen jhm bey die Füßen auffhencken». Hier war wider gutten Raht theur. Jch hilte mich, als wen jch dem Man nicht kente, jch vrachte jhnen, wie ehr heise und wo ehr wehre. Sie sahnten mir, das ehr<sup>n</sup> unter das Arbusenthor seze. Damit gingen sie von mir.

Jch wuste nuhn nicht, wie dem Man konte geholfen werden. Geldt war nicht vorhanden, und Geldt wolten die blutdürstigen Hunde haben. Jch ginck endtlig mit dem Feldtscher und suchten dem Büttler auff. Die Henden waren jhm auff dem Rucken gebunden. Wier beweynten abermal unser Ungeluck. Allein gutten Raht war theur. Ehr badt mir vor Godt und nach Godt, jch möchte jhm doch helfen, das ehr einmahl aus die mörderischen Hende geholffen werden möchte. Jch sachte jhm aber, ehr hette sich sollen besser bedencken und nicht so viel dehnen Schelmen zusagen sollen. Darauff er mir zur Antwort gab: «Jik hadde wel dee heele werelt beloft, om mein leven te behouden». Es wahr lacherlig und verdrieslich, jch tröste jhm, so viel jch könnte und die Gelegenheit es zuliese, und nam mein Abscheidt. Jch wolte denselbigen Abendt bey Stenko hingehen, aber ehr wahr erschrecklich besoffen, so muste es anstehen bis den andern Tag.

So ginck jch bey dem Stenko Rasin und nam Godt zum Gehulffen. Jch sagte, das ein deutscher Offisier von das Schiff auss [12] Forcht vor der Kosacken Ankumft were entlouffen. Den hette man mit seinen kleinen Botgen vastgekricht. Nuhn hetten jhm die Kosacken gedrouet niderzuseblen, so hette ehr aus Forcht jhnen 200 Rubel zugesaget, ehr könnte jetsunt aber kein Geldt schaffen, weilen jhm alles genommen wehre, wolte also ehr nur wissen, was vor ein Tot ehr sterben solte. Stenko war jn gutter Humeur, sagte zu mir: «Nim du den Offisier bey dier, die Kerls müssen wol etwas haben vor jhre Mühe. Mache du es so, das sie beyderseits vergenugt sein mögen». Etslige von die Schelme, so Büttler hetten gefangen genommen, waren gegenwartig, hörten alles zu, sie meinten, das jch ein sonderliger Freundt undt Favorit von Stenko were. Jch danckte Stenko und wolte meine Wehge gehen, alein ehr sagte, ehr wehre pochmeli, jch solte jhm eine Schale Brandtwein geben, welges jch thun muste, er soff zwey Schalen aus und gab mir auch eine Schale Brantwein. Damit ginck jch meine Wehge. Die groste Gefahr hinck mir uber den Kopf, den es war ein Befehl von Stenko, das wehr vor einem andern bitten solte, müste selber hencken. Gleichwol gab Godt, der Herr, diesen Tirann jns Hertse, das ehr mir freuntlig tracktirte.

Wie jch wider bey Büttler kam, referierte jch, was vorgelosten wehre. Der Man sprang vor Freuden, umarmte und küste mich, lobte [12 o6.] mich guldne Berge. Jch nam jhn aus dem Arést, furte jhm

---

<sup>n</sup> Далее вычеркнуто in pforte.

jn mein Quartier. Nuhn waren wier <sup>p</sup> 3 zusammen.<sup>c</sup> Wier danckten Godt, das ehr uns bishero so genediglig bewaret hette, und baten jnbrunstig um eine genedige Erlosung.

Mitlerweil wolte das reuberische Gesindel Geldt von dem Buttler haben. Es kam entlig so weit, das sie sich besweren wolten bey dem Stenko. Jch kaessirte jhnen, so viel mücklich wahr, und versprach jhnen jn kurtsen zu vergenugen.

Mitlerweil wurden die geroubten Gutter jn Houffen geleet und gesortiret vor tousand Man, vor 100 Man, vor 50 und vor 10 Man, und wurde bevolen auff Lebensstraeff, unter die Fanen, Leibstandart,<sup>r</sup> zu kommen, um Theil von den Buyt zu empfangen. Ja der Mitropolit und General und Woyewoda musten sich gefallen lassen,<sup>y</sup> von dieser Buyte jhr Theil zu empfangen, worunter jch auch einer war. Wie mier aber zumutte wahr, ist Godt bekandt.

Mitlerweil kamen <sup>q</sup> das leichtfertige Gesindel und wolten das zugesagte Geldt von Buttler oder von mier haben. Nuhn meinten diese leichtfertigen Vögel, das<sup>x</sup> die Buyte weit mehr vor einem Kerl solte belouffen, als jhre Vorderung von Capitein Buttler sich beliffe, sagten derhalben zu mier, wen jch meine Portion jhnen wolte zukommen lassen, wolten sie zufriden sein. Jch bedachte mich nicht lang, sondern bewilligte gern jhr Begehren und sagte, wens auch ein<sup>u</sup> Mehres wehre, solten sie es behalten, [13] wormit sie vergenugt von mier gingen.

Wie nuhn die Buyte solte getheilet werden, befandt sichs, das etlige tousand Man mehr waren, als sie vermeint hetten, so muste nolensvolens<sup>v</sup> den Roub jn mindre Theil zertheilet werden, und kam der ganze Plunder vor einem Kerl nicht über zehen Reichstaler. Hier war nuhn der Teuffel ganz lohs. Die verzweiffelten Schelmen kahmen auff mier lohs, wolten mich vor dem Stenko füren. Übel war jch daran, das jch vor einen andern mich so jn Lehbnsgevaer gestelt hette. Jch bahte, sie solten etwas Verdrach haben, ich wolte zusehen, was jch sie schaffen könte. Jch ginck bey die indianische Kouffleute und ersuchte, ob es nicht mücklich wehre, das sie mier 200 Rubel konten vorstrecken. «Geldt», sachten sie, «haben wier nicht, allein Wahren haben wier, den wier haben unsere Wahren theils wieder eingelöset», so das diese gutte Leute mier willich vor 200 Rubel an Wahren verstreckten. Gabe also den Blutthunden hin, was sie begerten, und war jch noch fro,<sup>w</sup> das jch nuhr von das verfluchte Gesmeis könte erlöset werden, den viel mit jhnen zu Rechte gehen und das vor Schelme und Diebe, wolte mier nicht gefallen, und war jch nuhr bange, das es möchte kundtbar werden,

<sup>p</sup> Написано над строкой.

<sup>c</sup> Далее вычеркнуто nuhn.

<sup>r</sup> Написано над строкой.

<sup>y</sup> Написано над строкой.

<sup>q</sup> Далее вычеркнуто повторное kamen.

<sup>x</sup> Написано над строкой.

<sup>u</sup> Написано над строкой.

<sup>v</sup> Далее вычеркнуто dise.

<sup>w</sup> Исправлено, было что.

was jch vor einer wehre, den diese verdamten Hunde meinten, wen sie einem Auslander [13 ob.] tohtslugen, das sie ein Godtslohn verdinten. Musten wier also noch stille sweigen und <sup>u</sup> liesen es Godt bevolen sein.

Weiln nuhn der Roub getheilet, befall Stenko allen,<sup>p</sup> sich vertig zu machen, da den jn kurtsen etslige tousent grose und kleine Vahrzeuge vertig gemacht wurden. Jn etsligen Tagen ging der Marsch vordt die Wolga hinauff.

Mitlerzeit gab Stenko das Comando von Astrican an einen seiner gutten Freunden Fetka Soludeck, um jn seiner Abwehnenheit Gerechtigkeith zu pflegen. Dieser lies gleich aussruffen, das alle Kouffleute fremder Nation solten frey Handel ohne Zoll geniessen. Allein die Fremden hetten keine Lust, mit Schelme und Diebe zu handelen.

Ungefehr 14 Tage nach Stenko sein Auffbruch rottirten sich etslige hundert Man von diese Schelmen zusammen und fielen den Leuten jn die Huyser, so von der ehrsten Masackre noch wahren jn Leben gebliben, und houeten alles nider und spulierten alles, was noch wahr übergebliben. Jch macht mich gleich wider nach meinen Weingertner. Buttler kroche jn ein Kelder unter die Diele, so verfouldt wahr und jhm auffm Leibe viel, das wen ehr so woll mit dem Kopfe wehre hineingekrochen, hette ehr ersticken müssen, und muste ehr unter dieser Last gleichwol bis auff den Abend so beligen bleiben, da den die Houssleute allenthalben suchten und jhm endtlig halbtobt mit den Bodem auff den Rucken ligen fanten. Wie ehr heraussgezogen wurde, wahr ehr halbnarisch, es sey auss der grosen Angst oder wehgen der grosen Last, so ehr auffm <sup>u</sup> Rucken hadte. Jch hette einen Diener, ein gebohrn Rüsse, der kahn um den andern Tag und berichte mier alles, was passirte.

Wie die Kanalie sich wider [14] zur Ruhe begeben, kahn jch wider jn der Stadt und fingen wier an zu bedencken, in was vor ein jammerligen Standt wier waren. Alles, was wier gehabt hetten, war uns von die Reuber geroubt. Keinen Freundt, kein Geldt, auch kein Vorraht. Meine Kranckheit nam entlig uberhandt, so das jch mich jm Gehen von 2 Krücken bedienen muste. Dennoch hette jch kein Lust lenger unter diese Barbaren mich auffzuhalten. Wier drey fingen an zu dencken auff eine Schapade. Termundt sagte, ehr könnte wol vorkommen, jch sagte dasselbige. Allein der Capitein Buttler könnte keine Sprache und ware also jhm vortzubringen sehr gefehrlig, dieser aber bahte um alles, was jm Himmel und auff Ehrden ist, das man jhm doch nicht solte verlassen. Er wolte die Zeit seines Lebens danckbar sein, ja mit seinem Blutte abdienen, jm Fall es darzu kommen solte.

Wier resolvirten den, weilen etslige Benianen, so jhre Gütter beroubet, nach Persien reisen wolten, vorgebend, als wen sie widerkommen und jhre Kouffmanschaft da treiben wolten, mit nach Persien zu gehen. Hierzu muste aber Permission gesucht werden. Alle drey auff einmahl

---

<sup>u</sup> Далес вычеркнуто lassen.

<sup>p</sup> Написано над строкой.

<sup>u</sup> Далес вычеркнуто d.

wolte nicht wol angehen, den wier müsten uns befurchten, das wier verrathen werden möchten. Darauff wurde geresolviret, Termundt solte einen Pas begeren vor jhm und ein Diener, ehr wolte jn Persien Medizien kouffen, weilen seine Feldtkasdt gans ledig wehre. Dieser Fundt ginck an. Der Ataman weigerte zwar keinen Pass, aber wolte von Termundt Koution haben, das ehr sich widder einstellen solte. Dis wahr ein swerer Knott! Und könnte man keinen Menschen hierzu obligiren. Termundt aber lest von sein Vorhaben nicht ab, sondern komt zu mier und bittet zu consideriren, in wass vor ein jammerligen Zustant wier wehren [14 o6.] und das es von Tage zu Tage noch schlimmer werden würde und das wier alle Tage den Toht von diese böse Menschen zu erwarten hetten, bahte mier demnach um Godtes willen, weilen jch die Sprache zu meinen Willen hette und dem Ataman unbekandt wehre, jch solte mich anstellen, als wehre jch ein Einwonner von Astrican, so könnte jch mich gutter Manier gutt vor jhm gehen. Zur Versicherung seines ehrliches Gemütes wolte ehr ein Revers mit sein Blutte unterschreiben, entweder selber mier abzuholen oder durch einen andern mier abholen lassen, und solten wier den alle 3 zusammen abmarssiren. Jch bedachte bey mier selbst und resolvierte hierzu,<sup>b</sup> weilen jch ohnedehm krank wehre und vielleicht nicht lang leben würde, könnte jch diesen Leuten noch vor meinem Ende einen Dienste leisten.

Hierauff gehet Termundt nach dem Ataman und bidt um einen Reisepass, der jhm gleich antworte: «Hastu auch einen, der gutt vor deine Widerkomst gehen will?». Termundt sachte: «Ja, ehr ist hier vor der Thüre». Jch würde hineingeruffen. Der Ataman vrage mich, ob jch vor diesen Feldtscher seine Widerkumft gutt sein wolte. Jch sagte: «Ja». Der Ataman vrage mier: «Woher kenstu jhm? Weistu auch, wen ehr nicht widerkommen solte, das man sich den an den Bürgen halten wirdt?». Hierauff bekam der Termundt jn stets eines Reisepasses ein Entgen Bindtfadem mit 2 Knöpfe und da es zusammen gebunden war, das Siegel auffgedruckt. Die 2 Knöpfe bedeuten zwey Reisende, nemlich Termundt und seinen Diner. Hiermit gingen wier nach House und waren fro, das dieser Vorschlag so wol gelungen wehre. [15] Wen aber der Ataman einen Bedienten hette nachgesandt und vernehmen lassen, was wier vor Leüte weren gewehsen, hetten sie uns warlig<sup>c</sup> jnsonderheit mich auff das allergrousamste hinrichten lassen. Aber der almechtige Godt bewahrte uns auch dieses Mahl.

Termundt verseumte keine Zeit, besprach sich mit den jndianischen Kouffleute, so ein tatarisches Fahrzeug geheürt hetten, das ehr und sein Diener mitreisen wolten, welges sie auch gern zuliessen. Hiermit gab der Feldtscher seinen Diener, dem Capitein Buttler, ein grosen Sack mit Zweyback auff dem Puckel und lies sich das so nachtregen. Man hette jhm das Hare gans abgesnitten, und das Gesichte wurde swarts angestrichen und dabey ein alten zerlumten Rock, so das ehr

---

<sup>b</sup> *Далее вычеркнуто* damit gehet Termundt nach dem Ataman und.

<sup>c</sup> *Написано на поле.*

aussage als ein Tarter. Wie ehr jn den Both kam, legte ehr sich gleich, als wolte ehr slafen,<sup>10</sup> um nicht bekant zu werden.<sup>a</sup>

Hierauff kam Termundt wider zu mier und swur hoch und theur, das ehr mit einem Schüttsen gesprochen hette, der solte mich nach 3 Tage abholen und zu jhnen des jndianischen Kouffleüte Varzeug bringen, den sie meiner, da die Wolga jn der Sehe felدت, warten wolten, welges jch gern annam. Jch weis nicht, ob es die Begierde zur Freyheit thete oder ob die Kranckheit mich doch verlassen wolte, jch wurde gesundt.

Allein sobald sie jn die Freyheit vermeinten zu sein, vergassen sie jhre zu mier gethane Eyd. Der Kapitein Buttler sagte zu dem Termundt: «Fabritius ist ein junger Kerl, der die reüssische Sprage zu seinen Willen hadt, ehr wirdt woll zusehen, das ehr davon komt». Vergasen also<sup>a</sup> meine an jhnen erwiesne Trew und Freundschaft und dero Eyde, da sie mier mit verbunden wahren und segelten so vordt, bis das sie ungefehr 30 Meilen langs den Uffer gekommen wahren, da begegnete jhnen eyne [15 06.] reübrisge Partey Kosacken und Tartern. Diese machten sich gleich über unsere arme Gefangne her, zogen jhnen die alte Lumpen, so sie noch anhetten, herunter und prügelten braff darauff mit Bedroung, wofern sie nicht gleich al jhres Geldt hervor geben wurden, solten sie alle kapotiret werden. Die armen Kouffleute, um jhr Leben zu erretten, gaben, was sie jn jhre alte Lumpen verborgen hetten,<sup>6</sup> hervor, Termundt aber hatte jn ein klein Lederbeutelgen 70 Dücaten, die ehr jn solger Gelegenheit mit eine sonderlige Behendigkeit jm Leibe wuste zu verstecken, hatte sich fest vorgenommen, lieber zu sterben als die Dücaten hervorzugeben. Hiermit verliessen die Reuber die armen geplünderten Leuten, die den mehr als eine  $\frac{1}{2}$  Meile durchs Wasser bis an den Hals waden musten, da sie den nach 3 Tagen aussgestandne grose Elende jn die Stadt Terck ankamen. Hier wahren die heidnische Zerkassen so midtleident, das sie diesen armen geplünderten Leüten einige alte Lumpen zusmissen, um jhre Scham zu bedecken. Hier musten sich unsere Pilgrim eine Zeit lanck auffhalten, weiln kein Geldt bey den armen Leuten mehr vorhanden wahr, das sie hetten Furen heüren können nach Tarchu oder Derbent.

Mittlerweil war jch jn Astrican allein nachgebliben und sahe täglich den Toht vor Ougen, um von die verfluchte Menschen auff das grousamste gemartert zu werden. Endtlig gab Godt, der Herr, Gelegenheit. Es wahr ein tatarischer Pfaff oder auff tatarisch Abiss. Er war jn der Wilda jn Littouen gebohren und jn seine jungen Jahre gefancklig wechgefüret und nach Targu verkauft. Nach sibenjarige Dienste hadt jhm sein Patron ein Weib gegeben und freygelassen. Diesen Tarter hette

---

<sup>10</sup>—я *Написано над строкой.*

<sup>a</sup> *Далее вычеркнуто воп.*

<sup>6</sup> *Далее вычеркнуто повторное hervor.*

durch Hülffe von <sup>h</sup> seinen Herrn so viel zuwehge gebracht, das ehr ein klein Fahrzeuch gekoufft hette. Da kam dieser mit nach Astrican [16] und fürte Reiss, Walnüsse, Apfel und Pirn zu verkouffen. Dieser Tarter hadte Mitleiden mit meinen elendigen Zustandt, lobte mier nach alle Müchlichkeit zu helffen, allein 20 Rubel Geldt muste jch schaffen, theils vor jhm, theils vor seine Mitgefehrten auff dem Fahrzeuch. Jch bekam so viel Geldt.

Nuhn muste jch auch ein Pass von dem Ataman haben. Dis war ein swerer Knodt. Nuhn waren solger Schelmen zwey, einer jn der Stadt, der ander jm Sloss. Zuvoren war jch gudt gebliben vor Capitein Bütler und Termundt bey dem Ataman Fetka Soludeck, dieser comandirte jn der Stadt. Karne war ein 100 jariger Greis, comandirte jm Sloss und war dem alten dieses verdamte Leben noch so lieb, das ehr sich jn sein 104<sup>ten</sup> Jare wider ein Weyb nam. Bey diesem hielte jch an, um nach Turk zu reisen und etwas Proviandt zu kouffen, weilen der Herbst vorhanden und der Winter ankam. Dieser alte Galgenvogel lies mier willig ab, doch befall, das jch noch andre mehr solte annimiren, um Lebensmittel nach Astrican zu verschaffen, welges jch auch gelobte. Jch bekam ein Endtgen Bindtvadem, mit 2 Knoppens eingeslagen und des Ataman sein Siegel. Die 2 Knotten beduyten 2 Personen. Jch seumte nicht lange, sobaldt der Tarter [16 ob.] vertig war, gingen wier jn Godtes Namen mit jhm vordt.

Wier seünten nicht, ruderten Dach und Nacht vordt, um auss die Bludthunde jhre Hende zu gelangen. Allein nachdem wier 6 Tage jn die Seh gewehsen, ruderten wier nach dem Schilff, um zu sehen, ob das Wasser nicht was süsser sein möchte, den was wier von die Wolga mitgenommen hetten, das war aussgetruncken. Wier bekamen aber bald 3 Varzeuge zu sehen, die auff uns zueilten und schossen 4 von unsere Tarter gleich übern Houffen und namen unsern gutten Schipper auff jhre Struse und befragten jhm gleich, was vor Leute bey jhm jn die Struse wehren. Nuhn waren etslige jndianische Kouffleüte und Armender. Diese letstere werden nimmer jn gans Asia verkoufft, weilen sie von Turken und Persern überwonnen seint, werden sie als Slaven konsideriret. Wier wurden gleich, ob wier schon nicht viel hetten, geplündert. Die Tartern wurde nicht weiters gethan, so auch die Armender, die Jndianer aber und jch wurden gefangengenommen und nach Targu gefüret.

Hier gab mier mein Patron Flittsen, Bogen und ein Sebel auff der Seiten und beval mier neben einige andre Slaven das Vihe zu hutten, welges mier sehr ungewonlig vorkam.

Mittlerweil hette jch die jndiase<sup>r</sup> Kouffleute gebehten, um auff meine Erlösung [17] zu gedencken, wie sie den auch jn der W[ar]heit auch sich sehr angelegen sein liessen, wie sie sehr guttettege Leute seindt, so gelobten sie mier aus die Sklaverie zu erlösen. Allein sie bahten mier,

---

<sup>h</sup> Далее вычеркнуто sein.

<sup>r</sup> Написано над строкой.

etwas Gedult zu haben, eins theils, weil sie an diesen Ohrten nicht bey Gelde wehren, und vors andre, das die Barbaren nicht solten mercken, das sie sich meiner angelegen sein liesen, auff das jch hierdurch desto besser Kouff könte geransoniert werden.

Mittlerweil stundt mir der Dienst, den jch vor meinem Herrn teglig verrichten muste, gans und gaer nicht an. Dieses sagen und merckten 3 polinsche Slavinnen, die eine war verheyraht, die 2 andre waren junge Mehtgens. Diese waren meistentheils auff den Scheferhoff, um das Fihe zu milchen und Butter und Kehse zu machen. Dieses fürten sie um den 3<sup>ten</sup> Tag nach House. Diese gutte pollnische Slavinnen theten mir alles Cutts. Insonderheit verdientes sie und theten ein Werck der Barmhertsigkeit, den sie kalvaterten 2 Hemde von boumwollen Leinwandt vor mir, welche mir jn der Warheit recht wol zu pass kahmen, den jch nichts mehr als einen Schaffpeldts sonst anhette. Diese Slavinnen bahten mir gutts Muts zu sein, jch wurde es wol gewonet werden und wehre jch nicht so slim bey dem Herrn, da jch bey wehre, wen ehr mir nuhr nicht weiter jns Gebirge verkouffen möchte, so wehre es hier vor einen Slaven so slim [17 06.] nicht, als bey andre Tarter, die nicht jn Stete und Dorfer wohnen, und wen jch geloben wolte trew und redlig mit jhnen zu leben, wolten sie es schon bey dem Herrn dahin bringen, das jch besser solte gehalten werden. Ja sie wolten mir wol versichern, das jch sie beyde würde zu Weiber bekommen können, als den könten wier unsere eigen Houshaltung mit ter Zeit jn acht nehmen, sie wehren keine gemeine Luyte, sie wehren vornehme von Adel auss Wolinien und dergleigen lieblige Anmutterungen mehr. Jch aber danckte vor das gutte Anerbitten und sagte, das jch noch zu junck wehre, um ein Weib zu nehmen, gesweige 2, dazu wehre es bey den Christen gans nicht gebruchlich, 2 Weiber zu haben, welges jhnen wol wissentlich sein muste so wol als mir. Sie aber sagten: so lang als wier jn der Christenheit seint gewehsen, hadt man geleet nach die Christlige Ordnung, sie wehren aber hier unter die Mahometaner, so könte es ja keine Sünde sein, weilen diese Nation ja wol 10, ja 20 Weiber nehmen. Sie hetten mir diesen Vorslag gethan, weilen jch jhres Nations einer wehre, sie könten sonst Menner genuch bekommen, sie wolten aber keine Tarter haben. Wie jch nuhn sahe, das es diese Nimfgens ernst wahr, bate jch, sie solten etwas Verdrach haben, das jch die Landsprage und Sitten lernen wolte, als den so wurde es sich schon besser schicken und könte jch den [18] auch mitlerweil Gelegenheit haben, mich bey dem Herrn bestermasen bedient zu machen.

Um diese Zeit waren die Partey jndianische Kouffleute mit Buttler und Termundt jn Targu angekommen, um weiter nach Derbent zu gehen, worzu sich meine Reisgefahrten auch fertig machten, um jn eine Karawana vortzureisen, also man noch 3 tartarische Herrschafftten durchreisen muste, ehr man nach Derbent kehme. Nuhn wahren meine Reisgefahrten, ob sie schon Heiden wahren, hetten sie doch ein chistliges Mitleiden mit mir und waren bedacht, wie sie mich aus diese swere

Slavery erretten möchten. Sie spragen den mit meinen Patronen und reonstrirten jhm,<sup>a</sup> wie das jch jhnen schon jn Astrican wehre etwas Geldt schuldig gebliben, nuhn wolten sie gern wissen, ob es nicht müchlig wehre, das ehr mich jhnen wolte überlassen, damit sie einmal, heüt oder morgen, an jhre aüssgelegte Gelder wider kommen könnten. Mein Tarter war nicht ungeneicht, wie den diese Menschendiebe meist alle seint, den um Geldt sollen sie jhre eigne Blutdfreunde verkouffen. Allein ehr wolte 500 Rubel haben, aber die Jndianer oder Benianen handelten so mit dem Tarter, das der Kouff auff ein hundert Rubel gemindert würde. Damit wurde gleich nach mier gesandt. Jch seünte nicht lange und weil dem Diner war bevolen, das Fihe von mier zu übernehmen, rechnete jch jhm dasselbige zu und wolte damit meine Wehge gehen, aber die Polingens hetten Order, [18 o6.] um Butter und Kehse nach House zu bringen, damit muste jch die Buricken auffladen und mit eine von diese Scheferinen auff den Wech begeben.

1  $\frac{1}{2}$  Meil ungefehr von der Stat war die Scheferey. Wie jch zu House kam, sagte mein Patron: «Gehe hin bey dem Beniaenischen Kouffman Mola, den ehr ist nuhnmehro dein Patron, ehr hadt dich gekoufft». Jch danckte dem Menschendieb, stellte mich an, als wen jch liber bey jhm hette bleiben wollen, weilen es jhm aber so beliebt hette, so müste jch mich damit zufriedn geben. Wie das Scheferinchen hörte, das jch verkoufft war, warff si sich vor die Füsse von der Frowen und batt jnstendig, man möche doch consideriren, sie diente schon 5 Jahren, liette sich vor jhre trewe Dienste nichts bis dato gepretendiret, weilen sie Zusage hette von der Frouen, mit einen gutten Kerll verheiratet zu werden, nuhn wolle sie die Zusage erjnnert haben und begere nichts mehr, als das sie mit mier möchte verheiratet werden, weilen jch von jhre Landtsleüte einer wehre. Der Tarter sagte: «Dein Begeren ist vor dis mal nicht müchlig, ein Vergnügen zu leisten. Du solt ehr gesprochen haben, den jch habe diesen Jüngeling verkoufft und kan ohne Verletzung meiner Ehren den Kouff nicht auffheben». Die Frow aber hette Mitleiden mit der Machdt, sagte: «Hastu den Slaven verkoufft, jch nicht. Jch wil jhm behalten». Dis war ein [19] Donnerstag jn meine Ohren, aber der Tarter war gleichwol so ehrlich und wolte durchaus nicht sein Wordt brechen. Das Weib aber schickte nach dem Benianen und lies jhm sagen, der Kouff solte nicht vor sich gehen. Der gute Beniaen kam hin, begerte zu wissen, was die Ursach wehre, und stellte sich an, als wen jhm nicht viel an mier gelegen wehre, den sagte ehr: «Wen jch Geldt gebe, kan jch Slaven genuck bekommen». Der Tarter aber wurde recht ungehalten auf sein Weib und wolte durchaus sein Wordt ehrlich gehalten wissen. Gleichwoll wurd mier nicht wenich angst bey diese Sache. Jch ersuchte dem Benianen um die Libe Godtes, mier jn diesen Noht nicht stecken zu lassen. Ehr sagte zu mier: «Sey gutts Mutts, das Slimste ist uberstanden, aber jch mus das böse Weib etwas am

---

<sup>a</sup> Написано над строкой.

Halse werffen, damit man ihre guten Willen gewinnen möge», akordirte demnach mit dem Weibe und schenckte sie vor 8 Rubel Seidenzeüch, damit war sie gans vergnügt. Nun wolte das Weib ihre Schirerösitet auch weisen, sagte zu das gute Polingen: «Sey zufriden, du solt wol versorget werden», und gab sie ein Stückgen Seidenzeüch zum Rock. Fro ward jch und ginck gleich und [19 06.] bedanckte dem Tarter und die Tartarine. Allein das Scheferingen wolte sich nicht zufriden geben.

Mein Benian sagte zu mier: «Wier haben hier nichts mehr zu thun», nam mier bey der Handt und furte mich nach sein Quartier. Hier sagte mier der Benian: «Gedencke nicht, das jch dier gekouft habe, um einigen Nuttzen mit dier zu treiben, sondern weghen alte Bekandschaft und das wier viel Böses miteinander haben aussgestanden, und solte jch eine grose Sünde thun, wen jch dier jn diesen elenden Zustandt nicht dinen solte. Und sey versichert, ob wier schon unterscheiden von Relion seint, so wil doch erweisen, was wier jn usere Relion schuldig seint zu thun vor einen ehrlichen Man und guten Freund».

Nuhn<sup>e</sup> hörten Büttler und Termundt, das jch jn Targu auch wehre angekommen. Sie kahmen bey mier und entschuldigten sich auffs beste, wie sie könten. Termundt sagte: «Jch habe mein Wordt gern halten wollen, allein Büttler ist schuldig, das jch mein Zusage nicht habe nachgelebet, den», sagte ehr, «jch wehre slimmer als ein Besti, wen jch nicht an die grose Wolthat solte gedencken; ehr hadt», sagte ehr, «mier vom Tode errettet und sein Leben vor mier jn Pande gesetset. Dasselbige habe jch wider thun wollen, allein Buttler hadt mich verführet». Wie Buttler den auch selber sagte: «Jch wuste, das Fabritius die Spragen zu [20] seinen Willen hette und das ehr sich woll würde aus dem Stoube machen». Dis ware vor mein ehrliches Gemütte, das ich diesen Man nechst Godt von den Tot mit mein Lebensgefahr errettet hette und dabey noch jn solgen schlechten Zustande 200 Rubel Geldt verstrecket. Ehr wuste aber nichts zu sagen, als: «Es jst mier leidt, das jch kein Wordt habe halten können. Nuhn Godtlob, das wier hier seindt.\* Jch höre, das jhr von diesen ehrlichen Benianen seidt geransoniret. Nuhn wollen wier jn Godtes Namen nach Derbent sehen zu kommen. Kommen wier erst jn Persien, so werden wier wol zu Rechte kommen». Mein Benian antworte jhm und sagte: «All, was der Herr Capitein Buttler jetsundt erwehnet, darff Fabritius jhm nicht vordancken, den so lang jch oder die Meinigen leben, sol Fabritius kein Noht haben. Jch habe jhm vreygekouft und jch sol jhm auch nach Persien führen und sol jhm auch weiter verstrecken, was ehr nötig hadt».

Nuhn wurde durch gute Vorsorge von unsere Benianen Karren und Pferde gemittet, wie auch einen guten Geleidsman, der uns nach Derbent solte convoieren. Dieser war mein Tarter sein Vatterbruder, ein hurtiger braver Kerl. Er war ein [20 06.] (ein) Usdehn, oder

---

<sup>e</sup> Далее вычеркнуто hourten.

\* Далее вычеркнуто повторное jch.

Eddelman von dem Schamkal. Dieser hette noch 5 solge, wie ehr selber wahr, mit sich. Wier musten vor einen Man 10 Dücaten geben von Targu bis Derbent vor Fracht und gutt Convoy. So reisten wier den jn Godtes Namen von dis leichtfertige Roubnest jm Namen Godtes nach Derbent. Wie wier 2 Tage zuruckgeleget hetten, kamen wier vor das andre Roubnest Boynack. Unser Geleidsman wolte nicht jn die Stadt hineinkehren, sondern wier bliben alle mit unsere Karawan jm Felde bestehen, ob es schon sehr kaldt wahr. Unsere Speise war ein Stuck hardt Brodt und ein Drunck Wasser, welges bey diesen Barbaren sehr schön und gesundt ist. Um Mitternacht bragen wier mit die Karawana wider auff und kamen nach 2 Tage jn das 3<sup>te</sup> Roubnest <sup>3</sup> Utsmi. Hier futrasirten wier nuhr ein par Stunde und gingen ungefehr Klock 10 wider vordt, weilen es hier etwas gefehrlich wahr vor die Kürali, oder Berchtarter, die vor dis mahl mit dhenen an der Sehe ligenden Tartern Krich hetten.

Wier kamen des Morgens Klocke 10 ungefehr jn die Stadt Derbent, die Frontir von Persien. Wier filen auff unsere Kni und danckten dem höchsten Godt vor seine Genade, das ehr uns so genedig aus so vielen Leibsgevaren an hero gebracht [21] hadte. Nun waren wier zwar soweit freie Leute jn das Gebiete von Persien, allein wier hetten kein Geldt zu unsere Subsistans.

Der Feltscher Termundt nenten die Persianen Wilkom wider jn Persien und sagten, ehr were glücklich, das ehr von die reübrischen Kosacken were entkomen. Sie brachten auch ein und andre Krancken mit Bitte, sie zu helffen, da wier den auss Respeckt, weil Kapitein Buttler der eltste von uns war, jhm zum Dockter nenten, Ehr fülte die Krancken nach den Pulss, ordonirte den gleich ein Rezebt, welges müste gegeben werden an mich <sup>11</sup> als Apoteker. Die Krancken wurden den um ein par Stunden wider zu kommen gebeten, da <sup>12</sup> jn mitlerweil der Termundt den das Beste thun müste. Ehr die Krancken aber wechgingen, musten sie vorauss etwas Geldt geben, um Medikamenta zu kouffen, welche bisweilen slecht genuch waren und bestunden die bisweilen jn etwas Granatapfelschal, gepulvisirt Zigelstein und andre Lapali mehr. Die Zuversicht, die die gutten Leuten zu uns hetten, jnsonderheit zu den Feldtscher, halff jhnen viel malen. Der gutte Termundt muste das Beste thun, den weder Buttler oder jch das Geringste von die Medisin verstanden. Wier bekamen gleichwol durch diese Quacksalberi so viel Geldt, das wier uns jedwider ein Kleid nach die Gelegenheit machen liesen, welges uns sehr woll [21 o6.] zupasse kam, den wier kوم so viel Lumpen anhetten, das wier unsere Leiber könten bedecken.

Wie wier nun ungefehr ein par Monat jn Derbent geweshen waren, kam es vor dem Sultan, oder Guverneur, <sup>13</sup> das einige eropeische Christen

---

<sup>3</sup> *Далее вычеркнуто Ro.*

<sup>11</sup> *Написано над строкой.*

<sup>12</sup> *Написано на поле.*

<sup>13</sup> *Далее вычеркнуто dieser.*

aus Astrican angelanget weren. Dieser schickte nach uns und lise uns vor sich kommen, fragte uns, was wier vor Leute wehren, und was wier bedient hetten und wo wier hin wolten, worauff wier jhm von alles berichteten und baten weiter, ehr möchte uns die Gnade thun und uns mit 'Schüspferde versehen lassen bis nach die Stadt Schamagie, also wier arme ausgeplünderte Leute wehren, worauff der Sultan antworste: «Nicht allein Schüs, sondern auch Unterhalt», und beval gleich dem Stathalter, das wen wier reisen wolten, uns gleich Schüspferde und ein Pristaf solte gegeben werden. Ehr wolte auch an dem Chan von Schamagie durch sein Schreiben uns recomandiren lassen. Wier bedanckten uns vor die Genade und machten uns auff die Reise.

Wier hetten woll jn 3 Tage können nach Schamagie kommen, allein unser Pristaff fürte uns durch das Gebirge, da wolhabende Bouren wonten, auff das wier desto besser mit Lebensmittel möchten versehen werden. Es kam uns zwar wol zupass, aber der Pristaff thete es [22] meist um seinen Nuttsen, den er schinte und schapte die Bouren, gab vor, als wen wier Gesanten, die nach dem Könige wolten, waren. Die Bouren aber verwunderte sich nicht wenich über uns, das wier solge arme Gesanten waren, den wier koum so viel hetten, das wier unser Leib könten bedecken, ja unser Capitein Buttler kam der Durst an, nun war bey der gansen Kominstet nicht ein Schal oder Becher um ein Drunck Wasser auszutrincken, muste also unser eltste Ambasadür sich niederlegen und trincken auss die Revier. Weilen den der Uver etwas hoch waer, müste ehr sich zimlich bücken, um mit dem Munde das Wasser zu erreichen, nun waren<sup>m</sup> die Hosen gans entzwey vor den Hindern, so das man alles blos sehen könnte. Die Bouren sagen dieses und fingen hertslich an zu lachen, sagend zueinander: «Hast du wol mehr solge Gesanten gesehen?». Der gutte Capitein Buttler wolte gern seine Sachen verstecken, aber da waer keine Gelegenheit darzu, den die Hosen waren gans zerrissen.

Wier pilgrimirten den so vort, bis wier jn die Stadt Schamagi ankamen. Hier wolten wier unsere Danckbarkeit an dem Pristaven und Bouren sehen lassen und schenkten jhnen 3 Abasi oder 3 Carolin. Hierüber kamen die Bouren jn Uneyngkeit, den die 2 Pferde hetten, wolten dubbelt so viel haben, als die nuhr eins hetten. Hierüber liffen sie nach dem Richter und verklagten einander. Von diesem kam es vor dem Jsschick agasi Basschi oder Grosmarschalck. Der schickte gleich zu uns, um zu vernemen, was wier vor Gesanten wehren, [22 06.] den er hette keine Nachricht von der Grense, das einige Gesanten solten angekommen sein. Wier berichten dem Diener, was wier vor Leüte weren und hetten wier gern die Ehre gehabt, um unsere Auffwartung abzustatten, aber es felte uns an Kleider. Dieser lachelte und ginck seine Wege.

Hier trafen wier einen polnischen Abgesanten an, mit Namen Bochdan Gurdsetski, ein Georgianer von Geburdt. Er hadte zwar sein

---

<sup>m</sup> Далее вычеркнуто die.

Abscheidt vom Könige in Persien, wegen die Astricanische Rebellion aber könnte er nicht weiter reisen, sondern müste sich hier so lang auffhalten, bis die Rebellen zu paren getriben würden. Weilens ich die polnische Sprache zu meinen Willen hette, so machte ich mit den Abgesanten mich bekant, der den ein sonderlich Mitleiden verspüren lies und offerirte mir gleich ein Kammer und seine Tafel, bis ich mich weiter könnte umsehen, welche Guttat mich warlig in meinen elenden Zustant wol zu Nüttsen kam.

Es waer hier auch ein königlicher persischer abgeschickter Facktor. Er solte mit etslige 100 Balen rohe Seide nach Reüslandt gehen, namens Grigori Lusikoff, ein geborner Armender. Nachdem ich nach Verflisung etslige Monat gutte Kunversation mit demselbigem gemacht hette, wolte ehr wissen, was ich bedient hette und was ich mich weiter vornemen wolte, worauff ich bediente ihm, das ich Adgüdant von der Artolerie were gewesen, verstundt auch ein wenich von die Feuerwerkerei. Hierauff sagte er mir, wen ich Lust hette, dem Könich in Persien zu dienen, wolte ehr mir gleich an dem Groswesier recomandiren [23]. Er wolte mir versichern, das ich sehr angenehm sein würde, versicherte mir auch 100 Reichstaler<sup>o</sup> des Monats in Lohn. Nach die Kapitulation schrieb ehr an dem Wesier, damit gingen etslige Monat hin, ehr das Antwort ankam.

Mitlerweil machte ich mich fertig zu die Reise. Mein Beniaen Mula verstreckte mir Gelt,<sup>n</sup> so viel ich nötig hette, blos auff mein Obligation, welges warlig zu rümen ist von einem Heyden. Wie ich nuhn fertig waer, so reiste ich in Godtes Namen mit einem Diener nach Hispohan, nachdem ich myn Abscheidt von dem Herrn polnischen Abgesanten genommen hette. Mein Beniaen, dem ich nechst Godt meyne Freyheit zu dancken habe, hette die Gutheit und gab mir mein eygen Obligation in einen offenen Brieff mit nach Hispohan an seinen Bruder mit Begeren, wen ich zu Gelde kommen würde, demselben die Gelder abzugeben, und wofern ich ein mehres solte benötigt sein, mir weiter zu assistiren. Ich bedanckte meinen mehr als christligen Guttheter vor solge väterlige Vorsorge mit Versicherung, das das erste Geldt ich würde mechtig werden, ihm solte mit Danck bezalen. «Ich zweiffel nicht», sagte der erlige Heyde, «an dein erliges Gemüte, und solte es so kommen, das du nicht bezalen solte können, so bin ich ein Man, der mehr verloren hadt. Hingegen habe ich auch mehr gewonnen. Unser Ram (Ram) —welges bey diesen Menschen die Godtheit beduytet — wirdt alles zum besten wenden. Du bist ein erliger Man und hast Hülff nötig, und ich kan dier [23 ob.] helffen. Würde ich es nicht thun, so wurde ich von Ram grose Ungenade verdienen. Darum Sorge nicht, die Godter werden vor uns beyden schon Sorge tragen. Ich bin versichert von unser beyder Redligkeit».

---

<sup>n</sup> Написано над строкой.

<sup>o</sup> Последний слог leg написан над строкой.

<sup>n</sup> Далее вычеркнуто (неразборчиво).

Es waer auch vor etslige Wochen ein Hollander, seines Handwerks ein Schiffsegelmacher, mit Namen Jan Jansen Strügs hier jn Schamagi gebracht von die tarkoffsche Tartaren, um zu verkouffen. Jch disponierte dem polnischen Abgesanten, um jhm zu kouffen und versprach jhm, das Gelt wider zu restitewiren durch die Herrn Hollander, so sich jn Hispohan von der Ostindianische Compani auffhalten. Weilen ehr ein Hollander, wurden sie gern ein christliges Werck an demselben thun und jhm ausransoniren lassen, worauff mier der Abgesanter zu verstehen gab, es were Sünde, wen ehr jhm kouffen und verkouffen solte. Wolte jch jhm wass wider schencken, so wolte ehr dem Kerl kouffen, welges den auch gescha. Jch hörte, das ehr jn Handel stünde, um ein<sup>p</sup> schön Pferdt zu kouffen, jch handelte das Pferdt und schenckte jhm das. Davor wurde der Segelmacher erlöset.

Jch fürte jhm auch mit mier nach Hispohan und lifferte jhm an die Herrn Hollander, die den auch gern das Ransun vor jhm bezalten. Sie waren auch so generous, das sie mier nicht wolten auff ein Karwansera mit meinen Diener losiren lassen, sondern nötigten mier, jn jhr Hous zu bleiben und mit jhnen vorlieb zu nehmen, welges mier auch wol zusasse kahm.

Wie jch mich den einige Tage ausgeruhet hette, so offenbarte [24] jch an dem Herrn Opperhoubt mein Desein, um jn des Königs von Persien seine Diensten mich zu unterhalten lassen. Dieser gutte Man wolte daer gans nicht zurahten, sondern sachte zu mier: «Die Persianer seint Mahometaner und seint listig. Sie werden eüch zwar wol halten, was sie eüch versprechen, aber sie werden suchen auff allerhand Ardt und Weyse, wie sie eüch von die Christliche Relion mögen abbringen können. Sie werden eüch verschicken an solchen Ohrt, dae jhr keine Konversation mit einige Christen haben könt, dabey so werden sie eüch mit grose Geschencken suchen zu korompiren, davor eüch Godt wil bewaren. Jch sage eüch dieses alles als ein Freundt», sagte der redlige Man, «jch wil zwar eur Glück nicht verhinderlig sein, aber so wirdt es mit eüch gehen, bedenckt eüch wol». Jch bedanckte dem redlichen Man vor seine gutte Vorsorge und nam diese Sache jn Weiterbedencken. Nach etsligigen Tagen vragte mier das Oberhoubt, wie jch mich bedacht hette und wie jch<sup>c</sup> geresolviret wehre. Jch danckte dem gutten Man nochmalen und sachte, das jch die Sache gans aus meine Gedancken geslagen hette. «Wolan», sagte ehr, «wolt jhr Dienst nehmen unter die Companie, so wil jch eüch an dem Generael jn [24 o6.] Batavia recomandiren und solt jhr von diese Stunde an Leütenantsgasio zu geniesen haben. Capitein solt jhr sein, sobald jhr jn Batavia kommen werdet, den der Generael Speelman jst mein gutter Früent». Jch danckte vor die gutte Promessen und begerte Zeit, mich zu bedencken.

Nuhn hette jch einen Diener, so vormalts die Herrn von der Companie gedient hette vor Konstapel. Dieser sachte zu mier: «Der Herr

---

<sup>p</sup> Далее вычеркнуто (неразборчиво).

<sup>c</sup> Написано на поле.

ist jn Diensten von einen grosen Potentaten gewehsen und nuhn so solte ehr sich jn Diensten von die Ostindiehsche Companie begeben. Es wirdt jhm swehr ankommen, den die Herrn von der Feder füren hier das Directoirum und comandiren die Khriesbedienten bisweilen mit schlechtem Respekt, und dieses wird nicht nach eürem Kopfe sein. Jch habe die Companie gedient, sie estimiren einem Meliteren nicht mehr als einem Hundt». Dieses alles sties mich vor dem Kopf.

Nach Verflisung etslige Monat so lieff Zeitung ein, wie das jhro Z[arische] M[ajestät] ausgeschickte Folcker weren vor Astrican ankommen und hetten die rebellischen Cosacken belagert und würden sich die Hunde baldt ergeben müssen, wie es den auch jn der Warheit so waer. Den nach 4 Wochen ausgestandne Belagerung müsten sie sich ergeben. Hierauff schickte der reüssische General Miloslawski Expressen aus nach allen [25] angrensenden Orten und lies notifiksiren. das durch Gottes Genade alle Rebellen geslagen und die Stadt Astrican wieder erobert were, könten sich also alle treue Untertanen, die sich etwa mit der Flucht gesalviret hetten, wider einvinden. Sie solten vor jhre ausgestandnes Elend jhre Z[arischer] M[ajestät] Genade haben, ein jetweder nach seine Meriten und Standt.<sup>†</sup>

Hierauff resolvierte jch jn Godtes Namen mich wider nach Astrican zu begeben, bedanckte die <sup>y</sup> Herrn Hollandr vor alle erwiesne <sup>φ</sup> Wolthat und machte mich fertig zu der Reyse. Jch sprach den Brüder von meinen Indianer wider um Geldt an, welges ehr mier auch gern versprag. Wie den die Zeit heran nahete zu meine Reise, gab er mier auff mein Begeren 100 Reichstaler. Hiermit begab jch mich jn Namen Godtes mit meinen Diener Carsten Brand wider auff die Reise nach Schamagie, dar jch den nach etslige Wochen Reisens meinen gutten Freundt und Woltehter Mola wider antrauff, der sich auch vertig machte, widder nach Rüsland zu reisen. Wier gingen den jn Godtes Namen nach Nisowa, dar wier ein kleines Fahrzeüg antrafen und damit nach Astrican reisten.

Der Generael und Gouverneur Boiaer Jvan Bochdannowits Miloslawski nam mier sehr gnedig an, lies mier gleich 40 Rubel Gelt auff mein restirendes Lohn ausgeben, lobte mier auch mit sich nach Mosko zu nehmen und wehgen mein ausgestandnes Elend vor jro Z[arischer] M[ajestät] Hand zu stellen. [25 06.]

Nach etslige Wochen kam ein ander Boiaer, der diesem solte ableösen. Er hiese Knees Jakoff Nikitowits Adoifski, ein brutaler Man. Er ward sehr verbittert auff die Reblen. Und weil der General Astrican mit Akord hadte einbekommen, so versprag ehr, ausgenommen die Rädelsfürer, Pardon. Allein dieser Adoifski <sup>x</sup> lies alle Astricanische Untertanen mitsamt dem General und seine ganse Armee jn Arest nemen, housirte greulig. Er liese vielen lebendig virteilen, lebend verbren-

<sup>†</sup> Написано над строкой.

<sup>y</sup> Далее вычеркнуто гергн.

<sup>φ</sup> Далее вычеркнуто повторное Wolthat.

<sup>x</sup> Далее вычеркнуто ehr.

nen, die Zunge aus dem Halse sneiden, lebendig in die Erde graben. Dieses geschah sowohl an Schuldigen als an Unschuldigen. Zuletzt, wie wenig Leute mehr übrig waren, so lies ehr die ganze Stadt abbrechen. Die Häuser sollten sie vor der Stadt wider aufbauen. Wenn sie halbvertig waren, müssten sie die wider niederreißen und führen das Zimmer wider in das Schloss. Und dieses mussten die Menschen mit Weib und Kind selber mit Karren ab und zu ziehen, denn es waren keine Pferde vorhanden. Ja es hatte sich zugetragen, dass viel schwangere Weiber durch die große und schwere Arbeit niedervielen und mitsamt der Geburt wie Beesten hinstarben. Wenn sich nun ein oder ander einfand, der aus Mitleiden diesem Wüterich das vorbrachte, dass es gleichwol Sünde wehre, die Christen so zu tractiren, gab ehr zu Antwort, es were noch viel zu gelinde vor die Hunde, und dergestalt, der wider mit einige Vorbitte kommen würde, wolte ehr gleich auffhencken lassen, welches den guten Leuten solgen Schrecken einjachte, dass keiner sich mehr unterstehen durfte, [26] einige Vorbitte zu thun. Wie ehr nun lang genuch getirannisiret hette, war nichts mehr nach als alte abgelebte Weiber und kleine Kinder. Ehr wurde das Menschenplagen so gewonet, dass ehr des Morgens nichts geniessen könnte, vor dass ehr auff die Tortur war gewesen und hette braeff knutten, braeten und recken lassen. Denn könnte ehr vor 3 andre Menschen essen und trincken.

Endtlich nach vielen Verdrieslichkeiten liese ehr dem Generalen Miloslavskoy nach Hause, doch die meisten von seine Leuten behielte ehr in Astrichan, weiln ehr wenig Menschen hatte übrig gelassen, musste ehr mit diese Soldaten die Stadt wider besetzen. Ich vor meine Person, weil ich das Glück oder Unglück hette, dass ich die reüsch Sprache zu meinen Willen hette, musste wider meinen Willen auch daer bleiben und beyne ein ganz Jahr unter diesen Barbaren zu bringen.

Da es sich denn zutruh, dass die Kalmüchen sich wider einfunden, um sich zu submitiren, mit diese wichtige Aferen wurde vor gutt bevunden, mich nach Mosko zu schicken. Weiln ich aber ein Aussländer waer, wolte der Boiaer mir die Sache nicht anvertrouen. Allein der Unterwoywodt Wasile Pussesnikof berichte ihm, wie dass ich schon vor diesem gedient und in unterschiedne Aferen were gebroucht worden, wolte ich nun wol faren, so musste ich wol smiren. Damit wurde ich angesagt, mich fertig zu halten. Mein Oberster, so ein Holländer war, wolte mir nicht gerne missen, [26 06.] allein wie der gutte Man sich verlauten liese, dass man einen Offisier von seinem Regimente neme, dem ehr so hoch nötig hette, lies ehr den guten Obristen die Batogen geben, mit Bedroungen, dass ehr wolte ihm gaer auffhencken lassen. Der gutte Obriste war dis Tracktement nicht gewont, saghte: «De duyvel haelt de vent!».

Mitlerweil würden die Brieffe fertig gemacht und ich wurde abgeschicket mit solger Instruktion, wofern ich mich eine Stunde solte auffhalten, solte ich mein Dienst verlüstigt sein. Hiermit reiste ich in Gottes Namen vort und kam inner 11 Tage nach Mosko. Es war just um das Fest der Heiligen Dreifaltigkeit. Der Zaer war in die Kirche

3 Tage nacheinander, wie ehr den sehr devot war. Jch muste von den Morgen bis Mittag und von Mittag bis Abends continewirlich bey der Kirchen auffwarten, den jn der Kirchen muste jch nicht kommen, weilen jch kein grigischer Christ war. Der Zar fragte mier selber nach alle Umstende von Astrican und wie die Guverneurs sich verhielten. Jch hette jn 10 Tage wenich geslafen, so das jch bisweilen halbslafend Antwortt gab. Endtlig wurde jch begnadigt mit die Capiteinsscharsi und bekam fein Laken zum Rock und Damast zu ein Unterrock, wie auch 25 Rubel Geldt, und damit hedt jch frey nach mein Qwartir zu gehen und einmahl recht auszuslafen.

Ein  $\frac{1}{2}$  Jahr ungefehr war jch stil, das jch aussruhte von meine swere ausgestandne Gefangenschaft und Slaverney. So word jch nach Sewski gekomandiret unter das Regiment von dem Obristen Hindrich Hamelton. Dieser Obrister hette ein Regiment Dragoner, war vom Zaren gegeben zur Leibguardie an dem Hettman Jvan Samoylowits. Dieser Herr würd mier sehr günstig, weilen jch die [27] asiatische Weldt so was gesehen hette, so müste jch alle Zeit bey jhm essen und thet mier viel Guttes. Er war begirich zu wissen, ob der König jn Persien <sup>u</sup> solgen grosen Magnevisans helt, wie ehr wol berichtet war, worjn jch jhm den sehr contentirte, wie ehr hörte, das jch es selber gesehen hette.

Unter dieses Leibregiment war jch ungefer  $2\frac{1}{2}$  Jahr. Alle Vorjar müsten wier marsiren, welges den gansen Sommer dourte. Spet jm Herbst würden wier jn die Winterquartir geleet. Entlig begerte jch meine Demission, um nach der Mosko zu reisen, um meine Restanten anzuhalten, könte aber nicht woll von meinen Obristen loskommen. So begabe jch mich unter ein ander Regiment und wurd Maior und wurd auch nach Mosko gelassen, um meine private Sachen zu verrichten.

Meine Restanten würden mier zwar gegeben, allein jch solte gleich wider zu Felde gehen. Mittlerweil wurde eine generale Munstrung von des Zaren sein Oheim gehalten. Nuhn waren ein Houfen auslendische als reüssisge Offitsire mehr durch Faveür als durch Meriten zu grosen Scharsien gekommen. Diese solten alle jhre Diensten quitiren. Etslige Obristen würden gar wider zu Fendrich gemacht. Da ginck es auff ein Weheklagen undt Lamentiren loss. Ein jeder suchte Hülff bey jhren gutten Geunneren. Allein dieser Oheim war gros und mechtig, teht alles nach seinen Kop. Ehr war reich und disponirte dem jungen Zaren, wie ehr wolte. Blos wer eine schöne Fraw oder Tochter hette, der konte zu Rechte kommen, so das durch das liebliche Frowenzimmer fiele jhre Dienste wider krichten. Ungefer vor ein Jhar war jch bevolemtiget vor Obristleutnant. Weilen es den so liderlig zuginck, begerte jch mein Abscheid. Hierüber [27 o6.] were jch bald jn die eüsserste Elende

---

<sup>u</sup> *Далее вычеркнуто об дер.*

geraten: es wurde nicht anders als von Knudt und nach Sibirgen geschickt zu werden gedrowet.

Es traff sich aber bey diese Gelegenheit, das der Baron von Keller seine Volmacht bekam von die Herrn Staten, als Resident sich hier auffzuhalten. Von diese Gelegenheit bediente jch mich, Jch badt dem Residenten, das ehr sich doch meiner jn diesen elendigen Zustande wolte annemen, die weil jch jn Amsterdam were unterhalten. Dieser redlige Man lobte mier, allen mügligen Fleis anzuwenden, wie ehr den auch in seine ehrste Converens meiner eingedenck war, sachte zu dem Reichscansler, das willen jch jn Holland kapituliret hette und were <sup>1</sup> ein Untertan von die Herrn Staten, so ersuchte ehr jm Namen seiner Principalen, das mier mein Abscheidt möchte gegeben werden, welges auch doch mit grose Verdrisligkeit erfolgte. Nimant war frölicher als jch. Damit so ginck jch gleich bey dem englischen Envoie Ritter Jan Hebdon. Er solte seine Retur über Riga nemen, ersuchte jhm also, ehr möchte mier unter seine Switte mitreisen lassen, welges ehr mier auch gern vergunte.

Wie jch jn Rige ankam, da hörte jch, wie das der Könich von Sweden Carl der 11<sup>m</sup> mit Dennemarck jn Krich begriffen war. Jch resolvirte also nach Sweden zu gehen und mein Fortün zu suchen. Wie jch jn Stockholm war angelanget, machte jch meine Auffwartung bey einige vorneme Herrn als Graff Magnus de la Gardie, Knudt Korck, Steen Bielkie, Güstaff Sop und andre mehr. Alle diese Herrn deten mier die Genade und recomandirten mier an dem Könige. Jch suchte jm Anfang employeret zu werden unter die Melits. Allein wie Steen Bielki dem Könige Bericht tat von meine Reisen und Wanderschaft, begert der König [28] zu wissen, was jch bedient hette und wie lang, das jch gedient hette und ob jch die reüsche Sprache, wie auch die persianische reden könte. Wie jch dem Könige jn Unterthenigkeit Bericht von alles getan hette, vragten sie mier, ob jch nicht Lust hette, eine Reise nach Persien zu thun, sie wolten mier mit Kreditiuen und einen gnedigen Karackter versehen lassen. Jch nam dis gnedige Anerbitten mit tiffster Untertenigkeit mit Freuden an. Allein es fehlte an Reisgelt, welges damalen jn Schonen wehgen der 5-jarigen Krige rahr wahr. So kam hier auch zu, das enige gutte Günner Defikülteit machten, weilen jch ein Fremder und gans unbekandt hier jm Lande were, op man nicht Bedencken tragen solte, einem Fremden gleich zu karacktrisiren undt mit Königlige Kreditiuen zu versehen.

Wie jch nuhn sahe, das <sup>m</sup> die gröste Difikültet jm Gelde bestundt, so resolvirte jch jm Namen Godtes, meine eigne Mittel vorzustrecken, mit Beding, wen jch das ausrichten würde, was der König verlangte, meine ungesparte Mühe und Unkosten mier zu belohnen, welges sie auch allergenedigst mit diese Worte verspragen: «Richt was Guts auss,

---

<sup>1</sup> Далее вычеркнуто повторное were.

<sup>m</sup> Исправлено, было 12.

<sup>n</sup> Далее вычеркнуто wie jch den sahe das.

jch wil euch belohnen als ein König», welges sie auch allergenedigst gehalten haben, jndem jch bey meine Zurückkomst mein ausgelegtes Gelt rihtig bekommen habe.

Wie jch die ehrste Reise gethan hette, muste jch gleich wider vort, undt innerhalb 6 Wochen begabe jch mich wider auff die Reise. Weilen jch nuhn jn Persien was mehres als zuvorn zu negotiren hette, werette diese Reise 5 Jahr, doch mit gutte Verrichtung, jndem jch gleich eine Karewane persische Kouffleute mit ihre rohe Seide mit mier herausbrachte, welges dem Könige sehr lieb war und namen diese Verrich(tu)-tung sehr genedig [28 o6.] auff.

Und weil es das ehrste Mahl waer, das persiansen Kouffleute jn Sweden waren angekommen, befall der König jhnen zu defrieren, wie auch Wagen und Ferde zukommen lassen. Wie sie auch alle Lustheuser und Garten und was sonstun Remerkabel zu sehen waer, besichtigten, wie den nach einige Wochen Verlouff sie jhre Seide verkouft hetten, reisten sie nach Hollandt, um jhre Retur da einzukouffen. Der König beordrete auch Klingenstierna, jhnen bis die Grenze zu konvoiren. Jch hette diesen Leuten 2 Jahr zollfrey zu sein versprochen und hette jch viel beswer wegen die Hol- und Engländer, welge den Persianern Sweeden so swarts alss die Helle machten. Jch gebrouchte aber das meinige und half mier <sup>7</sup> viel, das jch selber mit die Leute reden könnte, dae ein ander sein Anbringen durch einen Tolcken müste vorbringen lassen [29].

Hierauff nam jch jn Godtes Namen meine ehrste Reise vor mit einer Switte von 18 Man. Wie jch aber jn Mosko ankam, machten die Reusen grose Swerigkeit, mich passiren zu lassen, wie den ein grober Dumney Diack oder Kansler jn der Posolschen Prikas oder Cansley,<sup>8</sup> mier alle Verdriesligkeit anteht. Ehr wolte durchaus behoubten, das jch nicht durch Reuslandt nach Persien solte reisen. Es were niemalen geschehen, es solte auch nimmer jns künftig geschehen. Jch sagte, das ein Mahl das ehrste sein müste, und das ehr die Packta solte vor die Nase nehmen und sehen, ob sie hierdurch nicht verbunden weren, um des Königs seine Minister passiren und repassiren zu lassen, wie sie den dasselbige durch Sweeden nach andre Potentaten jarlig geniessen. Und wofern ehr mier an meine Reise wurde verhinderlig sein, das jch wol wurde jn Persien kommen, ohne jhm ein gutt Wordt zu geben, aber sie solten versigert sein, das sie auch hinfüro sich nicht mehr von die Pascasie durch Sweden solten bedienen. Ehr sagte, jch rede von die Packten, was mier von die Packten doch bewust sein könnte, dae jch doch nur vor 1 und  $\frac{1}{2}$  Jahr aus jhren Diensten wehre. Jch gab zu Antwort, das jn Sweden die Kinder auff der Gasse die Packten lesen könnten und were die Oxcenprzeptrey hier nicht nötig.

---

<sup>7</sup> Далее вычеркнуто das jch.

<sup>8</sup> После слова Cansley в рукописи пропуск.

2 Tage hiernach schickt ehr einen Schreiber zu mir und lies mir sagen, ehr hette mein Begeren dem Zaren vorgetragen hette, aber viel zu thun gehabt, ehr der Zar sich hadt bequemen wollen, um mich passiren zu lassen, jch wurde aber kein Schüs vor mich und meine Switte bekommen. Jch sagte zu dem Schreiber, jch habe niemahlen an Freyschuss gedacht und wen ehr mir auch wolte Schus geben, so begere jch es nicht, sondern jch habe so viel von meinem allergenedigsten Könige bekommen, das jch die ganse Weltdt kan durchreisen. Den wen jch Schüs hette nem[en] sollen, hette jch warlig dem Kansler 3 mal meer Geldt müssen, als das Furlon mir kosten solte. Es [29 06.] verdros dem Diack sehr, das ehr mir nicht schinden könte, den jch hette einige Vornehme mir zu Günner gekouft, welges unumgencklig ist, den ein Rüss und Persianer müssen Presenten haben, sie sehen mehr auff Geschencken als auff das Petikum.

Hierauff nam jch meine Reise weiter durch Reusland nach Persien vor. Mit Slitten kam jch nach Sinbirski, eine Stadt an die Wolga gelegen. Hier nam jch ein Vaerkost, eine Struse genant, und reiste nach Astrican. Hier muste jch <sup>b</sup> (jch) in ander Faerzeuch mieten, um über das Mare Kaspium zu kommen <sup>c</sup> (Kost 100 Rubel) <sup>d</sup>.

Wie jch in Persien angelanget, nemlig zu Nisowa, ist ein Ohrt, so am Mehr liget. Es fliest ein klein Revier aus dem Lande und feldt hier in die Seh, und nach diese Revier hadt dieser Ohrt den Namen Nisowa. Es ist eine offne Reide. Die Schiffe haben einen platten Botten. Wen sie mit grose Mühe undt Beswer haben ausgeladen, zihen sie die Fahrzeüge auff dem Lande, weilen in die Brandung gefehrlich ist zu ligen.

Den andern Tag nach meine Ankumft schickte der Guverneür von Schawran, ein kleine Stadt 6 Meilen von Nisowa, zu mir, um sich zu erkundigen, wovon jch were und wo jch hin wolte. Wie jch den berichte, das jch ein Abgesanter von dem Könige in Sweden were, um meine Gewerbe bey dem Könige von Persien abzulegen, kam der Guverneür den andern Tag jegen Abent mit zwantsig wollgemuntirte Edleute mir zu ferwilkommen, begerte einen Bedienten von meine Switte, um mit seinen Expressen nach Schamagi, die Houbtstadt in Medien, an den Chan zu schicken, um meine Ankumft zu notifisiren und zu berichten, wieviel Kamel und Ferde jch notig hette. Den andern Tag, nachdem jch dem Guverneur ein Present gegeben undt wol tracktirt hette, nam ehr Abschidt, schickte meinen Bedienten mit seinen Expressen voraus.

Nach 3 Tage Reisens kam mein Abgeschickter in Scamagi. Der Gan <sup>a</sup> lies ihm gleich vor sich kommen, bezeigte sich sehr [30] freundlich, fragte, wie weidt Sweden von Persien gelegen were und wie lang jch auff die Reise hette zugebracht, versprach auch gleich, Kamel undt Ferde anschaffen zu lassen, wie jch den auch in zehen Tage hiernach

<sup>b</sup> Далее вычеркнуто müsste.

<sup>c</sup>—<sup>d</sup>ю Написано на поле.

<sup>a</sup> Написано над строкой.

mit Kamel undt Ferde neben einen Pristaven versehen wurde. Der Chan schickte mier 4 Kamelen mit Wein und allerhand Landtfrüchte und lies mit dem Pristaven sagen, das jch versichert sein solte, das jch dem Könige ein angenemer Gast sein würde und wolte ehr vor sein Person mier alle müglige Assistens erweisen.

Jch brach jn Godtes Namen von Nisowa auff und kam nach 5 Tage Reisens vor die Stadt Schamagi, da mier den des Chan sein Marschal mit einig hundert wolausgestoffirte Leüte mier entgegen kam und mier Wilkom hiese und ein Gruss von dem Chan überbrachte undt fürte mier jn ein gutt<sup>a</sup> Quartier mit Bitte, mier nuhn ein wenig auszuruhen. Nach 3 Tagen lies mich der Chan zu Malzeit einladen, schickte mier wolausgeputzte Ferde, so viel nötig, tractirte jhrer Art nach mier wol unter der Malzeit. . .

*Шведский государственный архив,  
колл. Biographica, F 1.*

#### Л. ФАБРИЦИУС. ЗАПИСКИ \*

Лета 1660 я, Людвиг Фабрициус, и мой отчим Пауль Рудольф Беем были приняты в Амстердаме на царскую службу фактором царя Хиндриком Свелленгревелем; отчим в полковники артиллерии, а я в адъютанты.<sup>1</sup>

По прибытии в Москву мы были сразу же посланы в поход, поскольку его царское величество вел войну с поляками и татарами. На Украине мы отогнали с большим успехом литовского генерала Паца от нескольких городов, как-то: Брянска, Почепа, Карачева, Стародуба — к Шклову и Могилеву, ибо поляки не могли противостоять нашей огромной силе. Военачальником русских был князь Яков Куденетович Черкасский, справедливый и благочестивый господин. В течение трех лет здесь не раз происходили жестокие бои, приводившие то к победе, то к поражению.<sup>2</sup>

После того как наступил мир, около года царил покойствие, а затем в понизовье у Астрахани объявился донской казак по имени Стенька Разин, а с ним человек 800 всякого без разбору набранного лихого люда. Они чинили на Волге великий разбой, поначалу отбирали добро лишь у частных лиц, но под конец не щадили и царского достояния; грабили и убивали все и вся, что им попадалось под руку. Таким образом эти каналы за два года сильно окрепли, стали захватывать крепости, убивать всех и грабить все, что им попадалось под руку, не щадя никого и ничего. Тиранствовали они ужасно: вешали людей за ноги или прокалывали человека ребра и затем подвешивали его на железные крюки.<sup>3</sup>

<sup>a</sup> *Далее вычеркнуто fartier.*

\* Перевод Г. И. Федоровой, под редакцией С. А. Акулянца.

Когда дело дошло до такого буйства, царь послал в Астрахань на усмирение бунтовщиков 4000 стрельцов и иных воинских людей под началом князя Ивана Семеновича Прозоровского, снабдив их превосходной артиллерией.<sup>4</sup> Не оказав сопротивления, разбойники ретировались к морю и дальше вверх по реке Яику, хитростью заняли крепость, повесили правителя города за ноги, зверски расправились с офицерами, а простых воинов перебили на месте. При этом Стенька набрал пороху, свинца, много пушек, всевозможного оружия и съестных припасов.

Тут подошла зима, так что мы не смогли продвинуться дальше Саратова и нам пришлось здесь перезимовать. Тем временем из Астрахани было послано 4000 человек, чтобы блокировать Стеньку на Яике до весны. Однако из-за того, что генерал Федор Безобразов был плохим начальником, из 4000 человек обратно вернулось около 400.

С наступлением весны за дело принялись с большей настойчивостью, стремясь выбить бунтовщиков из крепости. При Стеньке, однако, был отряд донских казаков, которые знали все пути и дороги и уже не раз на своих малых судах чинили большой разбой на *Mare Caspium*.<sup>а</sup> Они разбили наш сторожевой отряд и ушли под парусами в море.<sup>5</sup>

Но сначала Стенька весьма необычным способом принес в жертву красивую и знатную татарскую деву. Год назад он полонил ее и до сего дня делил с ней ложе. И вот перед своим отступлением он поднялся рано утром, нарядил бедняжку в ее лучшие платья и сказал, что прошлой ночью ему было грозное явление водяного бога Ивана Гориновича, которому подвластна река Яик; тот укорял его за то, что он, Стенька, уже три года так удачлив, столько захватил добра и денег с помощью водяного бога Ивана Гориновича, а обещаний своих не сдержал. Ведь когда он впервые пришел на своих челнах на реку Яик, он пообещал богу Гориновичу: «Буду я с твоей помощью удачлив — то и ты можешь ждать от меня лучшего из того, что я добуду». Тут он схватил несчастную женщину и бросил ее в полном наряде в реку с такими словами: «Прими это, покровитель мой Горинович, у меня нет ничего лучшего, что я мог бы принести тебе в дар или жертву, чем эта красавица». Был у вора (*Schelm*) сын от этой женщины, его он отослал в Астрахань к митрополиту с просьбой воспитать мальчика в христианской вере и послал при этом 1000 рублей.<sup>6</sup>

Астрахань-то этот разбойник оставил теперь в покое, зато персам, живущим по берегу моря, от его разбоя приходилось тяжело, ибо они подвергались нападениям, их грабили и убивали, уводили и продавали на чужбину. Часть провинции Решт была начисто разорена. Наконец, персидский государь послал большое

<sup>а</sup> Каспийское море.

войско, чтобы изгнать этих головорезов. Тут вор перепугался, челны у него были старые, требовали починки, чего в Персии сделать нельзя было, он и подался опять на астраханскую сторону, надеясь найти путь через степи на Дон.<sup>7</sup>

Когда в Астрахани стало беспокойно, навстречу Стеньке был послан товарищ воеводы князь Семен Иванович Львов (Unterwoywod) с 3000 солдат и стрельцов. Тут-то и можно было перестрелять всех воров, да в Астрахани вытащили на свет царскую грамоту, писанную еще три года назад, в которой Стеньке были обещаны царская милость и прощение в случае, если он со своим воровским скопищем утихомирится и вернется на Дон. Над такой милостью он уже не раз потешался и насмеялся, однако теперь он был в безвыходном положении и потому охотно принял эту милость. Он взял царскую грамоту, поцеловал ее и положил за пазуху. Затем обе стороны палили из пушек. Русского дворянина, который привез Стеньке грамоту, он щедро одарил прекрасными золотыми вещами, шубами на собольем меху и разными дорогими персидскими тканями. Что получил генерал, неизвестно, но точно известно, что была привезена куча ценных вещей, в особенности жемчугов, прекрасных конских сбруй, усыпанных жемчугом и бирюзой, а также куча серебра и золота. Дешево достали, дешево и отдали. Затем генерал принял Стеньку в названные сыновья и по русскому обычаю подарил ему образ Девы Марии в прекрасном золотом окладе. В надлежащем месте, однако, к этому отнеслись весьма неодобрительно.

Затем Стенька вместе с нами прибыл в Астрахань, где ему и его воровским людям была дана воля открыто торговать захваченными в Гиляне вещами и людьми, так что персидские купцы выкупили тут всех людей. Одного знатного дворянина вор велел повесить за ребра. Эта торговля людьми продолжалась около шести недель, в течение которых господа правители города неоднократно звали Стеньку к себе в гости, что не проходило без богатых подарков.<sup>8</sup>

В это время у Стеньки была прекрасная возможность ознакомиться с состоянием Астрахани и разведать, что думает простонародье. Он сулил вскоре освободить всех от ярма и рабства боярского, к чему простолюдины охотно прислушивались, заверяя его, что все они не пожалеют сил, чтобы прийти к нему на помощь, только бы он начал.<sup>9</sup>

После этого он со своей братией пошел на веслах вверх по реке до Царицына. Оттуда он дошел за один день до Паншина, городка на Дону. Здесь он сразу же начал тайком привлекать к себе простых людей, одаривая их деньгами и обещая им большие богатства, если они будут с ним заодно и помогут ему истребить изменников-бояр.<sup>10</sup>

Так продолжалось всю зиму, пока он не собрал к весне около 4 или 5 тысяч человек. С ними он подошел к городу Царицыну

и сразу же потребовал, чтобы ему открыли ворота города. Подлые каналы сразу же согласились. Правитель города спасся было, укрывшись в башне, но вскоре вынужден был сдаться, так как он был один и покинут всеми. Стенька тут же велел повесить несчастного правителя и прикончить всех царских начальных и торговых людей, кого только удалось найти, а все их имущество отдать на разграбление этим каналам.<sup>11</sup>

Затем Стенька стал снова снаряжаться. По всему понизовью и в городах земледелием не занимаются, а получают все потребное зерно из Нижнего Новгорода и Казани, причем все везется оттуда вниз по Волге на больших баржах, которые называются насадами (nasadi), и, таким образом, все, что везут в Астрахань, идет мимо Царицына. Это прекрасно учел Стенька Разин. Он занял все течение Волги, так что ничто не смогло попасть в Астрахань. Тут он захватил несколько сот купцов и их товары, дорогие и превосходные по качеству, как-то: всевозможные тончайшие льняные ткани, сукна, канаты, соболя, юфть, дукаты, рейхсталеры, много тысяч рублей русскими деньгами и всякие иные товары, поскольку эти люди вели большую торговлю с персами, бухарцами, узбеками и татарами.<sup>12</sup>

Тем временем из Москвы было послано четыре приказа (Prekasen), т. е. полка стрельцов, чтобы усмирить этих разбойников; но они приплыли на больших стругах (Strusen), к воде были непривычны, и их разбили наголову. При этом Стенька Разин получил большое количество амуниции, артиллерийских орудий и всего, в чем у него была нужда.<sup>13</sup>

Одновременно с тем, как упомянутые выше стрельцы были отправлены из Москвы, из Астрахани выступило около 5000 человек по реке и по суше, чтобы таким образом зажать Стеньку Разина в тиски. Но, справившись с предыдущими, он оказался в выгодном положении, и так как его хорошо осведомляли о нас, он вышел из Царицына и на полпути встретился с нами у Черного Яра, появившись перед нами прежде, чем мы могли ожидать этого или получить какие-либо сведения о нем. Мы уже несколько дней стояли в Черном Яре и высылали по реке и по берегу разведки, но не смогли получить достоверных сведений.<sup>14</sup>

10 июля собирався военный совет, на котором было решено выступить и искать встречи со Стенькой. 11 июля в 8 часов утра примчался наш дозор и поднял тревогу, так как казаки преследовали их по пятам.

Мы вышли из стругов и построились в ordre de bataille.<sup>6</sup> Гоподин генерал князь Семен Иванович Львов обошел строй, призывая всех и каждого помнить о своем долге, хранить верность присяге, данной его царскому величеству, и сражаться с бессовестными бунтовщиками, как подобает честным воинам. В ответ все

<sup>6</sup> Боевой порядок.

как один закричали, что, разумеется, они все готовы отдать свою жизнь за его царское величество и будут биться до последней капли крови.

Тем временем Стенька вышел в поле, построил широко развернутый фронт и дал в руки каждому, у кого не было огнестрельного оружия, длинную палку, обожженную немного с одного конца, а к ней был прибит лоскут или небольшой флажок, все это издали в открытом поле имело необычайно парадный вид. Простые воины и вообразили, что там, где много флажков и штандартов, должно быть и много людей. Они стакнулись и, решив, что им представляется возможность, по которой они так давно вздыхали, тотчас перешли к врагу с развернутыми знаменами и барабанным боем. Там они стали целоваться и обниматься и договорились стоять друг за друга душой и телом, чтобы, истребив изменников-бояр и сбросив с себя ярмо рабства, стать вольными людьми.<sup>15</sup>

Тут генерал глядел на офицеров, офицеры на генерала, и никто в растерянности не знал, что нужно предпринять. Один говорил одно, другой — другое, наконец, порешили, что следует сесть с генералом в его струг и таким образом ретироваться в Астрахань. Но воровские стрельцы в Черном Яре, стоявшие на валу и башнях, повернули пушки и открыли огонь по нам. Часть их выскочила из крепости и перерезала нам дорогу к стругам, так что некуда было податься. Между тем наши собаки, те, что присоединились к казакам, налетели на нас с тыла. Нас было всего человек 80 офицеров, дворян и писарей. И тут бы быть резне, да Стенька Разин сейчас же отдал приказ не убивать больше ни одного офицера, ибо среди них, верно, есть все же и хорошие люди, таких следует пощадить. Напротив, тот, кто плохо обращался со своими солдатами, понесет заслуженную кару по приговору атамана и созванного им круга (Kuguch).

Круг — это когда казаки по приказу атамана собираются и становятся в круг, а посреди круга втыкается головное знамя, около которого становится атаман со своими старшими офицерами, которым он сообщает свой замысел с тем, чтобы те довели его до сведения рядовых сотоварищей и выслушали их мнение об этом. Если рядовым сотоварищам по душе атамановы предложения, то все в один голос выкрикивают: «Любо, любо (lubbo)!».

Итак, был созван круг, и Стенька через своих есаулов спросил, как обращались со своими солдатами генерал и офицеры, на что бессовестные кровавые собаки, как стрельцы, так и солдаты, в один голос закричали, что среди офицеров нет ни одного, кто заслуживал бы пощады, что они единодушно просят, чтобы отец их, Степан Тимофеевич Разин, повелел всех начальников порубить саблями. На что и было дано согласие, одному только генералу Семену Ивановичу Львову Стенька самолично даровал в тот раз жизнь.

И вот затем господ офицеров по их рангу одного за другим выволакивали из башни, куда они с туго связанными за спиной руками и ногами были брошены день назад, разрезали на них веревки и выводили их за ворота, где стояли все кровавые псы, и каждый из них рвался нанести первый удар своему бывшему военачальнику, один саблей, другой пикой, одни боевым молотом, другие бердышем. Как только офицера сталкивали в круг, кровавые собаки умертвляли его, нанося ему бесчисленные раны. Некоторых даже порубили в куски и тут же сбросили в Волгу. Мой отчим Пауль Рудольф Беем, подполковник Вундрум и многие другие высшие и низшие офицеры были зарублены на моих глазах.<sup>16</sup>

Мой смертный час еще не настал, в чем я мог убедиться по чудесному спасению, ниспосланному мне богом. Ибо в то время как я стоял вместе с другими в кругу и, полуживой от страха, уже ожидал смертоносного удара, ко мне подошел мой слуга (Ordonans), молодой солдат, взял меня за связанные руки и дал понять, чтобы я вслед за ним шел под гору. А я, будучи уже полумертвым, не сдвинулся с места и не понял, что мне надо делать. Тогда он вернулся, взял меня за руки и повел так, связанного, сквозь скопище кровавых собак под гору в струг. Там он тотчас освободил мне руки, разрезав веревки, и сказал, чтобы я успокоился, он де за меня заступится и сделает все, от него зависящее, чтобы сохранить мне жизнь. Ножниц под рукой не оказалось, чтобы остричь мне длинные волосы, которых эти собаки не терпят, тогда он взял небольшой хлебный нож и срезал мне волосы, что было ужасно щекотно. При этом он утешал и приободрял меня. Платье мое, шитое из тафты по местному покрою, чтобы не видно было сразу, что я иностранец, он снял и дал мне платье из грубой мешковины. Отныне оно было всем моим обмундированием — верхним платьем, рубахой, накидкой и подстилкой. Затем мой ангел-хранитель наказал мне не выходить из струга. С этим он ушел от меня. К вечеру он вернулся и принес краюху хлеба, который показался мне необычайно вкусным, так как я два дня ничего не ел.<sup>17</sup>

На следующий день все наши вещи были разграблены и снесены к головному знамени, или бунчуку (Buntsuch), и тут наши кровавые собаки получили вместе с казаками свою долю из наших вещей. После этого убийцы, так долго упивавшиеся человеческой кровью и до сих пор не пресытившиеся ею, захотели еще и водки, и пива, объявили царские погреба своей собственностью и вылакали все начисто. Когда же ничего больше не осталось, воры стали совещаться, как им повести дело дальше: углубиться ли в страну вверх или сначала обезопасить себя от Астрахани. Последнее посчитали более благоразумным и выгодным, поскольку, захватив Астрахань, они обеспечили бы себе тыл и, таким образом, смогли бы беспрепятственно подниматься вверх по Волге до самой Казани. В Казани де все жители с ними заодно

и при их приближении уж расправятся с правителем города и со всеми офицерами.<sup>18</sup>

Затем они выступили. Наш генерал князь Семен Иванович Львов был оставлен в живых, ибо он, как было сказано выше, подарил Стеньке год назад образ Девы Марии. Подобные подарки очень ценятся у русских. Тот, кто делал такой подарок, считается отцом, принявший подарок — сыном. Однако, если бы бедный князь остался в живых, власти не слишком одобрили бы все это. Но поскольку он был убит, тоже во время резни, еще до взятия Астрахани царскими войсками, то и воздано ему за добропорядочное поведение не было.

Перед самым выступлением на Астрахань неожиданно прибыл польский дворянин Вонзовский, который год назад был взят казаками в плен, и со временем так прельстился разгульной жизнью, что поступил на службу к этим разбойникам. И вот я попросил его по старому знакомству взять меня под защиту, ибо я не смел показываться на глаза нашим бывшим солдатам. Мой слуга действовал в одиночку, и ему хватало хлопот просьбами и мольбами добиваться того, чтобы меня не убили на струге. Этот поляк пошел сразу к Стеньке и заявил, что один молодой офицер остался еще в живых после последней резни и что я его сводный брат, поэтому он просит, чтобы меня отдали ему под начало, а он командовал сотней этих висельников. Стенька в знак милости тотчас дал ему свою печать, оттиснутую на воске. После этого я мог свободно выходить из струга. Все же я не осмеливался далеко отходить от моего ангела-хранителя.

Выступление на Астрахань началось. По ночам меня связывали по рукам и ногам, что было неслыханной пыткой и мукой. Через несколько дней все скопище появилось под Астраханью. Стенька сразу послал трубача и одного слугу генерала Львова потребовать сдачи города. Правитель города велел отрубить головы обоим. Это вызвало большое ожесточение среди астраханских каналов, они сразу начали роптать и открыто говорить, что власти бояр скоро наступит конец и тогда уж они сумеют отомстить за невинно пролитую кровь.<sup>19</sup>

Тем временем Стенька приблизился к городским садам. Отсюда изменившие нам стрельцы и солдаты стали кричать, что если даже их братья, отцы или дети вздумают обороняться, они не пощадят своих собственных родителей, жен и детей, а всех порубят в куски; пусть они откроют ворота и выйдут навстречу своему отцу-избавителю Стеньке и с радостью его примут, бояр же и всех больших и малых начальных людей схватят и порубят в куски. Тогда их отец и спаситель Стенька примет их как друзей и братьев.

Между тем персы из посольства, находившегося в городе и направлявшегося в Москву, сделали вылазку на конях, порубили головы нескольким из наших собак и привезли их в город.

Пока заготавливали множество осадных лестниц, каждый день приходили перебежчики и заверяли Стеньку, что как только он подойдет под стены крепости, они с радостью примут лестницы; но ему следует остерегаться голландцев-корабельщиков, ибо им поручена охрана одних ворот, и они должны пушкой защищать две куртины, а они с орудием обращаться умеют.

Затем был отдан приказ: быть всю ночь наготове. Около четырех часов они пошли на приступ. Лестницы были подставлены к стенам и с радостью приняты осажденными. Прежде всего был взят Кремль. Воеводу, т. е. правителя города, князя Ивана Семеновича Прозоровского сбросили с высокой башни, которая возвышалась посреди Кремля. Его брата, помощника правителя города, и всех начальных людей, кого только смогли поймать, повесили, порубили в куски и сбросили в воду.

Персы, как посольские, так и торговые люди, укрылись в одной из башен и храбро защищались, перестреляли несколько сот казаков, а когда им не хватило пуль, они стали стрелять монетами, так что впоследствии лекари вырезали из воров много монет.

Между тем казаки пустили на штурм того участка, где был пост голландских корабельщиков, простой рабочий люд, или, как они их называют, ярыжек (Jariski). Этих каналий здесь было расстреляно, наверное, более тысячи, и если бы все осажденные так же хорошо держались, казаки никогда не стали бы хозяевами Астрахани. Но здесь была измена, куда ни глянь. В конце концов бедным голландцам пришлось из-за отсутствия пороха допустить, чтобы над ними взяли верх, и при этом все и вся было порублено в куски. Под конец из-за недостатка пороха и свинца пришлось сдаться и персам. Стенька даровал им жизнь.

Когда они стали хозяевами города, они все разорили и разграбили, а затем свалили в кучу, чтобы позже разделить между всеми. В этом побоище многие хорошие люди разного звания, как иностранцы, так и русские, были безжалостно убиты, замучены до смерти, повешены кто за ноги, кто за ребра. Два сына боярина Прозоровского были повешены за ноги, и после того, как они провисели целые сутки, казачий офицер Лазарь сжался над ними и срезал их обоих с виселицы. Младший был еще в полном сознании, только ноги у него совсем омертвели. Его отнесли к матери, а старшего, полумертвого, тоже сбросили с высокой башни, и бедному юноше пришлось повторить путь отца.<sup>20</sup>

Как бы неслыханно этот разбойник не тиранствовал, все же среди своих казаков он хотел установить полный порядок. Проклятия, грубые ругательства, бранные слова, а у русских есть такие неслыханные и у других народов не употребительные слова, что их без ужаса и передать нельзя, — все это, а также блуд и кражи Стенька старался полностью искоренить. Ибо если кто-

либо уворовывал у другого что-либо хоть не дорожке булавки, ему завязывали над головой рубаху, насыпали туда песку и так бросали его в воду. Я сам видел, как одного казака повесили за ноги только за то, что он походя ткнул молодой бабе в живот.

И этот жестокий казак так почитался своими подчиненными, что стоило ему только что-либо приказать, как все мгновенно приводилось в исполнение. Если же кто-либо не сразу выполнял его приказ, полагая, что, может, он одумается и смируется, то этот изверг падал в такую ярость, что, казалось, он одержим. Он срывал шапку с головы, бросал ее оземь и топал ногами, выхватывал из-за пояса саблю, швырял ее к ногам окружающих и вопил во все горло: «Не буду я больше вашим атаманом, ищите себе другого», после чего все падали ему в ноги и все в один голос просили, чтобы он снова взял саблю и был им не только атаманом, но и отцом, а они будут послушны ему и в жизни, и в смерти. Столь беспрекословное послушание привело к такому почитанию этого злодея, что все перед ним дрожало и трепетало и волю его исполняли с низжайшей покорностью.<sup>21</sup>

Спустя несколько дней после взятия Астрахани меня отпустили в город. Я пришел на свою квартиру, но не нашел ничего, кроме моей трехлетней сестренки и ее кормилицы. Наш скерб слуги отнесли в Кремль, полагая, что там он будет в лучшей сохранности, чем в городе. Но теперь и то и другое пошло прахом.

Приходили ко мне все вдовы с детьми, мужья которых были убиты, искать у меня прибежища, и я мог бы иметь тогда, пожалуй, 10 жен, ибо каждая хотела стать мне самым близким человеком, и мне стоило большого труда растолковать им, что я несчастный пленник и никак не могу чем-либо послужить или помочь им и, мало того, даже не смею выдать, кто я таков на самом деле. И в такое-то время у меня на шее оказалась бы еще и злополучная женщина.

В таком плачевном положении я все время еще и болел. У меня начался непрерывный сильный понос, за которым последовало кровотечение. Это плачевное положение и болезнь так изменили мою внешность, что меня было не узнать. Я отрастил бороду в четверть локтя и обрил голову наголо, да к тому же на мне был казацкий кафтан, так что вид у меня был отнюдь не христианский. Кроме того, я съехал с квартиры и поселился за городом на одном царском винограднике, где виноградарем был поляк Каминский. Этот старик-виноградарь и его старуха были очень добры ко мне, что в моем столь жалком состоянии было весьма кстати. Поскольку я владел и русским языком и польским, меня всегда принимали за казака.

Спустя несколько дней после взятия города Астрахани сюда привезли под стражей одного голландца, капитана корабля Да-вида Бутлера, и с ним — лекаря Термунда. Во время осады го-

рода оба несли службу на одном из бастионов Кремля. Однако увидев, что кругом одна измена и что бессовестные солдаты сами убивают своих офицеров, эти двое попытались спастись, пролезли через бойницу, которая была довольно широкая, и, спустившись в ров, подошли к реке, отыскивали лодку, уселись в нее и поплыли на веслах вниз по реке к морю. Но когда эти двое бедняг-иностранцев добрались до царской рыбной ловли, ничего не имея при себе, рыбаки их спросили, куда они плывут и откуда, в ответ на что они рассказали о бедственном положении в Астрахани. Тогда добрые люди прониклись состраданием к несчастным иноземцам и дали им хлеба, сушеной рыбы и вежу для измерения глубины, с чем они и поплыли к морю в надежде таким образом добраться до Персии. Вот что может сделать страх смерти. Бедняги решили, что лучше оказаться в руке божией, чем в руках разбойников.

Но когда они приплыли к месту, где река впадает в Каспийское море, им повстречался русский полковник с 300 стрельцов. Они возвращались из Терков, и им показалось странным, что эти два немца находятся в таком положении. Не зная, что и подумать, они спросили их, куда они держат путь и по какой причине оказались в столь бедственном положении. Тогда немцы тайно поведали полковнику, что Астрахань самим гарнизоном сдана казакам и что все большие и малые начальные люди перебиты и все разграблено, после чего полковник решил было перебраться в их маленькую лодку. Однако этот жалкий трус вскоре передумал и, надеясь спасти себе жизнь, выдал то, что ему доверили немцы, своим стрельцам, а этими кровавыми собаками сразу овладело желание отомстить своим офицерам. Они схватили бедного полковника и трех капитанов (Houbtleute oder Capitains) и связали им руки и ноги за спину. Обоих бедняг-немцев тоже сейчас же связали и пригрозили повесить их за ноги, если они не дадут выкупа за свою жизнь. Тогда из страха они пообещали этим новоявленным казакам выкуп за свою жизнь: капитан Бутлер 200 рублей, а Термунд — 70. Затем их разлучили и под зоркой охраной доставили в Астрахань, где привели к Стеньке. Капитана Бутлера было приказано держать под усиленной стражей, а лекару велено немедля приступить к перевязке раненых казаков.

Термунд в тот же вечер заявился ко мне, и я был сердечно рад, что в моем плачевном состоянии мне довелось еще увидеть христианскую душу, да к тому же и доброго знакомого. Он поведал мне сразу о своих злоключениях и сказал, что капитан Бутлер еще жив, но куда его отвели, он не знает.<sup>22</sup> Мы посидели так немного вдвоем, сетуя друг другу на наше злосчастье и моля бога о милосердном спасении. Тут пришли новоявленные казаки, которым бедняги пообещали выкуп, и потребовали от Термунда 70 рублей. Поскольку они меня не знали, я повел себя довольно грубо и сказал, что Стенька, атаман, строго повелел, чтобы этот

Термунд перевязывал и лечил раненых казаков, и он уже многим принес великое облегчение от полученных ран. Если они будут так приставать к нему, я пойду и доведу все до сведения Стеньки, как они ради своей ничтожной корысти лишают столь многих славных казаков помощи и даже могут привести их тем самым к гибели. Выслушав мои слова с большим вниманием и полагая, что я не иначе, как тоже настоящий казак, они стали уступчивее и давай просить меня, чтобы я только ничего не говорил атаману, уж лучше им потерпеть урон, чем пропадать стольким хорошим людям из-за этого. Однако они сказали мне: «Есть еще другой, который обещал нам 200 рублей, и уж он-то должен доставить их, а не то мы повесим его за ноги». Тут снова надо было спешно искать выхода. Я, прикинувшись, будто вовсе не знаю этого человека, спросил их, как его звать и где он находится. Они сказали мне, что он сидит под Арбузными воротами, и после этого ушли.

Я же не мог придумать, как помочь бедняге. Денег не было, а денег-то и требовали кровожадные псы. Наконец, мы с лекарем пошли и разыскали Бутлера. Руки у него были связаны за спиной. Мы снова посетовали на наше злосчастье. Ну надо было спешно искать выхода. Он взывал то к господу богу и ко мне, то ко мне и к господу богу, умоляя помочь ему спастись из рук убийц. Я же говорил, что ему следовало быть более благоразумным и не сулить вора́м так много. В ответ он воскликнул: «Jik hadde weel dee heele werelt beloфт, om mein leven te behouden».<sup>в</sup> Мне было и смешно и противно, но я утешил его, как мог и сколько можно было в таких условиях, и ушел. Я собирался в тот же вечер отправиться к Стеньке, но он был страшно пьян, так что пришлось отложить все до следующего дня.

На следующий день я пришел к Стеньке Разину и, призвав на помощь господу бога, сказал, что один немецкий офицер сбежал с корабля из страха перед приходом казаков. Его вскоре схватили в маленькой лодке. Поскольку казаки грозили зарубить его саблями, он со страху посулил им 200 рублей, а раздобыть денег сейчас не может, так как у него все забрали, и теперь он хочет только узнать, какая смерть его ожидает. Стенька, будучи в хорошем расположении духа, сказал мне: «Забирай себе своего офицера, а казакам следует дать что-либо за труд. Постарайся, чтобы обе стороны были довольны». Некоторые из тех воров, что поймали Бутлера, были при этом, слышали все и решили, что я близкий друг и любимец Стеньки. Я поблагодарил Стеньку и хотел было уйти, но он заявил, что у него похмелье (ehr wehre roschmeli), и велел подать ему чарку водки, что мне и пришлось сделать. Он вылакал две чарки, дал и мне одну, после чего я ушел.

---

<sup>в</sup> Я, пожалуй, посулил бы весь мир, чтобы сохранить жизнь.

Превеликая опасность пронеслась над моей головой, ибо по стенькиному указу того, кто станет просить за другого, следовало повесить самого, но вопреки этому господь внушил тирану, чтобы он обошелся со мной дружелюбно.

Вернувшись к Бутлеру, я рассказал ему, что произошло. Этот детина запрыгал от радости, кинулся обнимать и целовать меня, клятвенно обещая мне золотые горы. Я забрал его из-под ареста и привел к себе на квартиру. Теперь мы трое были вместе. Возблагодарив бога за то, что он до сих пор столь милостиво охранял нас, мы вознесли страстные моления о милостивом избавлении.<sup>23</sup>

Между тем разбойничья ватага требовала от Бутлера денег. Дело дошло наконец до того, что они собрались жаловаться Стеньке. Я улещал их сколько мог, обещая в кратчайший срок удовлетворить их. Тем временем награбленное добро было разложено по кучам, рассчитанным на 1000, на 100, на 50 и на 10 человек, а затем было приказано под страхом смерти явиться под знамя, чтобы получить свою долю добычи. Даже митрополита и генерала-воеводу обязали получить свою долю от этой добычи. Я тоже был одним из получающих, но, что творилось у меня на душе, одному богу известно.

Тем временем бессовестная ватага пришла в надежде получить обещанные деньги от Бутлера или от меня, но, поскольку эти бессовестные бродяги ожидали, что доля, приходящаяся на душу, намного превысит то, что они требуют от капитана Бутлера, они сказали, что если я отдам им свою долю, то этого будет достаточно. Я, не раздумывая долго, охотно согласился на их предложение и сказал, что, если даже будет лишек, пусть они возьмут его себе, после чего они, довольные, ушли.

Однако когда добычу стали делить, оказалось, что людей было на несколько тысяч больше, чем предполагалось, так что volens-polens<sup>г</sup> добычу пришлось делить на меньшие части и стоимость всей рухляди на душу не превысила и 10 рейхсталеров.<sup>24</sup> Вот тут-то дьявол и совсем сорвался с цепи. Взбешенные воры напустились на меня, чтобы потащить к Стеньке. Плохо мне пришлось оттого, что я ради другого подверг свою жизнь опасности. Я умолил их немного подождать, пока я постараюсь что-либо раздобыть для них, пошел к индийским купцам и спросил, не могут ли они одолжить мне 200 рублей. «Денег, — сказали они, — у нас нет, но товары есть, ибо мы выкупили часть наших товаров». Так что эти добрые люди с радостью одолжили мне товаров на 200 рублей, и я, таким образом, отдал кровавым собакам то, чего они требовали, да еще с радостью, только бы мне избавиться от проклятых гадов. Ибо идти с ними на суд, да еще к ворами и разбойникам, было мне совсем не по душе, я и без того опасаюсь, что может обнаружиться, кто я таков, ведь эти проклятые

---

<sup>г</sup> Волей-неволей,

собаки полагали, что убийством иноземца они заслужат награду божью. Вот мы и должны были еще помалкивать, уповая на бога.

После дележа награбленного Стенька приказал всем собираться, и за короткое время было снаряжено несколько тысяч больших и малых судов. Спустя несколько дней начался поход вверх по Волге.<sup>25</sup>

Стенька оставил тогда начальствовать в Астрахани одного из своих близких друзей — Федьку Шелудяка, чтобы в его отсутствие соблюдать порядок. Этот сразу велел огласить, что купцам-иноземцам даруется право свободной и беспошлинной торговли. Однако у иноземцев не было охоты торговать с ворами и мошенниками.<sup>26</sup>

Примерно через 14 дней после ухода Стеньки собралась толпа этих воров в несколько сот человек. Они вломились в дома людей, уцелевших во время первой резни, и порубили и разорили все, что еще оставалось.<sup>27</sup>

Я сейчас же снова направился к моему виноградарю. Бутлер полез в подпол, а пол был весь прогнивший и обрушился на него, так что, если бы он забрался туда с головой, он бы задохнулся. И под такой-то тяжестью ему пришлось все же пролежать до самого вечера, пока хозяева не кинулись искать его повсюду и не нашли наконец полуживого, с обрушившимся полом на спине. Когда его оттуда вытащили, он был как дурной, то ли от великого страха, то ли из-за большой тяжести, которая лежала у него на спине. У меня был слуга, русский по рождению, он пришел на другой день и рассказал мне обо всем, что произошло. Когда каналы снова утихомирились, я вернулся в город, и мы стали снова размышлять о нашем ужасном положении: все, что мы имели раньше, было раскрадено грабителями; ни друзей, ни денег, ни запасов! Меня болезнь в конце концов так скрутила, что я при ходьбе должен был пользоваться двумя костылями. И тем не менее у меня не было никакого желания оставаться дольше среди этих варваров. Мы втроем начали подумывать о побеге. Термунд сказал, что ему, пожалуй, удастся уйти, я сказал то же, но капитан Бутлер не знал ни одного иностранного языка, и, следовательно, брать его с собой было опасно. Он же умолял нас ради всего, что есть на земле и на небесах, не покидать его. Он-де будет всю жизнь благодарить нас и даже прольет за нас кровь, если понадобится.

Тогда мы решили направиться в Персию вместе с несколькими баньянами, товары которых были разграблены, вследствие чего они решили уехать в Персию под тем предлогом, что они вернутся с товарами и будут снова торговать здесь. Но на отъезд нужно было испросить разрешение. Для всех трех сразу было бы неразумно, ибо мы опасались, что это выдаст нас. Поэтому было решено, что Термунд попросит пропуск для себя и своего слуги. Он-де хочет в Персии закупить лекарства, потому что его ап-

течка совсем пуста. Эту выдумку и пустили в ход. Атаман,<sup>28</sup> правда, не отказал в пропуске, но потребовал от Термунда поручительства, что он вернется. Такой узелок развязать было трудно. Ни у кого подобного одолжения нельзя было попросить. Но Термунд не отказался от своего намерения, а пришел ко мне с просьбой подумать, в каком ужасном положении мы находимся, как с каждым днем оно будет ухудшаться и в любой день мы можем ожидать смерти от этих злодеев. Потом он стал умолять меня бога ради выдать себя за жителя Астрахани: раз я владею русским языком и атаман меня не знает, я с успехом смогу поручиться за него. В подтверждение честности своих намерений он предложил скрепить своею кровью расписку в том, что он либо сам придет, либо пошлет за мною кого-либо другого, и тогда мы все втроем уедем. Я обдумал все про себя и решил, поскольку я и без того болен и, может, недолго проживу, сослужить этим людям перед моею кончиной добрую службу.

Тогда Термунд пошел к атаману и попросил проезжую грамоту. Атаман сразу задал вопрос: «А есть ли у тебя кто-либо, кто поручится за твое возвращение?» Термунд ответил: «Да, он здесь, за дверью». Меня позвали. Атаман спросил, ручаюсь ли я за возвращение этого лекаря. Я сказал: «Да». Атаман спросил: «Откуда ты знаком с ним, и знаешь ли ты, что если он не вернется, то спросят с заложника?» Затем Термунд получил вместо проезжей грамоты кончик веревочки с двумя пуговицами, и там, где она была связана, была наложена печать. Две пуговицы означали двух путешественников, а именно Термунда и его слугу. С тем мы и пошли домой, радуясь, что наш замысел так хорошо удался. Но если бы атаман послал вслед нам своего слугу разузнать, что мы за люди, они нас, особенно меня, без сомнения, подвергли бы самой жестокой казни. Но господь всемогущий сохранил нас и на этот раз.

Термунд, не теряя времени, поговорил с индийскими купцами, у которых было нанято татарское судно, о том, чтобы ему и его слуге ехать с ними, на что те охотно дали согласие. Затем лекарь, взвалив на спину своего слуги, капитана Бутлера, большой мешок с сухарями, приказал ему идти следом и нести это в лодку. Волосы Бутлеру сбрили наголо, лицо вымазали дочерна, и к тому же на нем был старый рваный кафтан, так что он походил на татарина. Взойдя на судно, он, чтобы не быть узнаваемым, сразу улегся, будто ему захотелось спать.

Затем Термунд пришел еще раз ко мне и наиторжественнейше поклялся, что он сговорился с одним стражником и тот через три дня зайдет за мной и доставит меня к ним на судно индийских купцов, а они будут ждать меня там, где Волга впадает в море, на что я с радостью дал согласие. Уж не знаю: жажда ли свободы сделала это, или болезнь действительно отпустила меня, но я выздоровел.

Однако как только они почувствовали себя на свободе, они забыли клятву, данную мне. Капитан Бутлер сказал Термунду: «Фабрициус — парень молодой и знает язык, он уж сам придумает, как ему удрать». Забыв вот так верность и дружбу, выказанную им, и клятвы, которыми они были связаны со мной, они пошли под парусами, пока не прошли примерно 30 миль вдоль берега. Здесь им повстречалась разбойничья шайка казаков и татар. Те сразу же накинулись на наших бедных пленников, сорвали с них и те старые лохмотья, которые еще на них были, и нещадно избili их, угрожая, что если они сразу не отдадут всех своих денег, то их всех прикончат. Купцы, бедняги, для спасения жизни отдали все, что у них было запрятано в лохмотьях; у Термунда же был маленький кожаный кошелек с 70 дукатами, которые он умел в таких случаях с особой ловкостью засовывать во внутренности, и он твердо решил лучше умереть, чем отдать эти дукаты. Затем разбойники отпустили бедных ограбленных людей, которым пришлось более полумили брести по шею в воде, после чего они через 3 дня, выдержав великие испытания, прибыли в город Терки. Там язычники-черкесы так пожалели этих бедных ограбленных людей, что кинули им старого тряпья прикрыть срам.

Там нашим пилигримам пришлось задержаться на некоторое время, так как у бедняг не было больше денег, чтобы нанять повозки в Тарки или Дербент.<sup>29</sup>

А между тем я остался в Астрахани совсем один и ежедневно глядел смерти в глаза, ожидая, что проклятые злодеи станут пытаться меня самым жестоким образом. Наконец, господь бог послал удобный случай. Тут был один татарский священник (Pfaff), или по-татарски абис. Он родился в Вильде, в Литве, и в молодости был уведен и продан в Тарки. Через семь лет службы хозяин женил его и отпустил на свободу. Этому татарину удалось с помощью своего господина купить небольшую лодку. На ней он приходил в Астрахань и привозил для продажи рис, грецкие орехи, яблоки и груши. Этот татарин посочувствовал моему бедственному положению и обещал мне помочь чем может, только бы я раздобыл 20 рублей денег, частью для него, частью для его людей на лодке. Деньги я достал.

Теперь мне нужно было получить и проезжую грамоту от атамана. Это была нелегкая задача. А таких воровских атаманов было двое: один в городе, другой в Кремле. В прошлый раз я поручился за Бутлера и Термунда Федьке Шелудяку, этот начальствовал в городе. Карне, столетний старик, начальствовал в Кремле, и такому-то старику наша брeнная жизнь была еще так мила, что он на 104-м году жизни снова женился. К нему я и заявился с просьбой разрешить мне съездить в Тарки, чтобы закупить немного припасов, поскольку время осеннее и приближается зима.

Этот старый висельник отпустил меня охотно, но приказал, чтобы я еще уговорил и других доставить съестные припасы в Астрахань, что я и пообещал. Я получил кончик веревки с двумя нанизанными на нее пуговицами и с печатью атамана. Два узелка означали двух человек. Я не стал терять времени, и, как только татарин справился со своими делами, мы, уповая на бога, выехали из Астрахани.<sup>30</sup>

Не теряя времени, мы шли на веслах день и ночь, чтобы вырваться из рук кровавых собак. Но на шестые сутки плавания по морю мы направили лодку к тростнику, чтобы посмотреть, не была ли там вода попреснее, ибо все, что мы взяли с собой с Волги, уже было выпито. Однако вскоре мы заметили три судна, которые, быстро приближаясь к нам, открыли стрельбу и убили четырех наших татар. Нашего бедного лодочника они сволокли на свой струг и тут же допросили его, что за люди у него на струге. А среди них были несколько индийских купцов и армяне. Последние по всей Азии никогда не продаются, поскольку они покорены турками и персами и считаются рабами. Нас вмиг обобрали до нитки, хотя у нас немного чего и было. Татарам, а также армянам ничего больше не сделали, индийцев же и меня посадили под стражу и отвезли в Тарки.<sup>31</sup>

Здесь мой хозяин дал мне стрелы, лук и саблю за пояс и велел мне вместе с несколькими другими рабами пасти скот, к чему я был непривычен.

Перед этим я просил индийских купцов подумать о моем избавлении, что они и в самом деле приняли близко к сердцу. Будучи весьма добросердечными людьми, они поклялись освободить меня из рабства, но попросили немного потерпеть, во-первых, потому, что они здесь не при деньгах, и, во-вторых, чтобы эти варвары не приметили, как они озабочены моей судьбой, ибо тогда меня можно будет выкупить дешевле.

Между тем работа, которую я должен был ежедневно выполнять для моего господина, была совсем не по мне. Это заметили и запомнили три рабыни-полячки, одна была замужняя, две другие — молоденькие девушки. Они находились большей частью в овчарне, доили скотину, изготовляли масло и сыр и через каждые три дня доставляли изготовленное домой. Эти рабыни-полячки были очень добры ко мне. В особенности они постарались и послужили делу милосердия, выменяв для меня две рубахи из хлопчатного полотна, которые действительно оказались весьма кстати, ибо на мне ничего не было, кроме овчины. Эти рабыни говорили мне, что не нужно отчаиваться, что я обязательно привыкну и что у хозяина, к которому я попал, не так уж плохо, только бы он меня не продал подальше в горы, а здесь рабам не так плохо живется, как у других татар, живущих не в городе или поселении, и что если я обещаю вести себя с ними по чести и совести, то они добьются от хозяина, чтобы меня содержали по-

лучше. Они даже заверяли меня, что я смогу их обоих получить в жены и тогда нам можно будет со временем подумать и о своем собственном хозяйстве, они-де не простолюдинки, а знатные дворянки из Волыни. Много еще было подобных заманчивых предложений, тем не менее я, поблагодарив их за добрые намерения, ответил, что я еще слишком молод, чтобы обзаводиться женой, а уж о двух и говорить не приходится, да у христиан такого вовсе и не заведено, чтобы иметь двух жен, что им, надо думать, столь же хорошо известно, как и мне. А они возразили, что, пока они жили среди христиан, они следовали христианскому обычаю, но что теперь они среди магометан, и греха тут никакого не может быть, поскольку у этого народа имеют по 10 и даже по 20 жен, что они предложили мне это, потому что я их соплеменник, а то бы они могли иметь сколько угодно мужей, да не хотят они татарина. Как только я увидел, что эти девицы не шутят, я попросил их немного повременить, пока я освоюсь с языком и местными обычаями. Тогда, мол, это будет легче сделать, и к тому же будет больше возможностей выслужиться перед хозяином.

В это время в Тарки прибыли индийские купцы с Бутлером и Термундом по пути в Дербент, куда собрались и мои спутники, чтобы ехать одним караваном, поскольку надо было проехать еще три татарских княжества, чтобы добраться до Дербента. Мои спутники, хоть и язычники,<sup>32</sup> все же имели ко мне христианское сострадание и очень хотели вызволить меня из рабства. Они поговорили с моим хозяином и заявили ему, что будто бы еще в Астрахани я задолжал им некоторую сумму денег и вот они хотят знать, не может ли он уступить им меня, чтобы они как-нибудь — не сегодня, так завтра — получили свои одолженные деньги. Мой татарин был не против, ведь по большей части все эти торговцы людьми таковы, что, как говорится, ради денег продадут и кровного друга. Запросил он, однако, 500 рублей, но индийцы, или баньяны, так торговались с татаринком, что цена была снижена на 100 рублей. Тогда сразу же послали за мной. Я не стал мешкать, и, поскольку слуге было велено принять от меня скот, я тотчас сдал его по счету и после того хотел было идти домой, но полячкам было приказано привезти масло и сыр, поэтому мне пришлось взвалить на себя бурдюки и отправиться в путь с одной из этих пастушек, а овчарня находилась примерно в полутора милях от города. Когда я пришел домой, хозяин сказал мне: «Иди к баньянскому купцу Муле, ибо отныне он твой хозяин, он тебя купил». Я поблагодарил торговца людьми, прикинувшись, будто мне приятнее было бы остаться у него, но раз ему так угодно, то мне приходится покориться. Когда пастушка услышала, что я продан, она бросилась в ноги своей госпоже, умоляя принять во внимание, что она служит уже пять лет и до сих пор ничего не просила за свою верную службу, поскольку

госпожа обещала выдать ее замуж за хорошего парня. Теперь она просит вспомнить об этом обещании, а ей ничего больше не надобно, только бы ее выдали замуж за меня, ибо я из ее соотечественников. Татарин сказал: «На этот раз твое желание нельзя удовлетворить. Тебе надо было просить раньше, а теперь я продал этого юношу и не могу без ущерба для моей чести расторгнуть сделку». Но госпожа пожалела служанку и сказала: «Ты продал раба, я — нет. Я его оставляю». Это, словно удар грома, прямо ошеломило меня, но татарин оказался все-таки весьма честным и ни за что не захотел нарушить своего слова. Тем не менее жена послала к баньяну и велела сказать ему, что торг не состоится. Добрый баньян явился к татарину и спросил о причине, прикинувшись, будто ему нет особой нужды во мне, а затем сказал: «Раз я даю деньги, то рабов я достану сколько угодно». Татарин же сильно разгневался на свою жену и потребовал, чтобы уговор был непременно честно выполнен. Все же я тут сильно испугался и стал молить баньяна ради всего святого не покидать меня в такой беде. Он ответил мне: «Не падай духом: худшее позади, мне только нужно заткнуть чем-либо глотку этой злой бабе, чтобы добиться ее согласия». Он поладил с хозяйкой, подарив ей шелку на 8 рублей, чем она вполне удовлетворилась, но, желая показать свое великодушие, сказала бедной полячке: «Успокойся, я тебя обеспечу» — и дала ей кусок шелковой ткани на юбку. Я был несказанно рад и тотчас пошел проститься с татариним и татаркой, только пастушку никак было не успокоить. Мой баньян сказал мне: «Нам здесь больше нечего делать», — взял меня за руку и повел к себе на квартиру. Здесь баньян сказал мне: «Не думай, что я купил тебя, чтобы получить какую-либо выгоду, нет, ради старого знакомства и потому, что много невзгод мы пережили вместе. Я тяжело согрешил бы, если бы не помог тебе в столь бедственном положении. Будь уверен, хотя у нас с тобой и разная вера, я все же поступлю так, как велит поступать наша вера с честным человеком и хорошим другом».

Между тем Бутлер и Термунд прослышали, что и я в Тарках. Они явились ко мне и стали оправдываться как только могли. Термунд сказал: «Я очень хотел сдержать слово, Бутлер один виноват в том, что я не выполнил обещания». Потом он сказал: «Я был бы хуже зверя, если бы забыл такое великое благодеяние. Фабрициус спас меня от смерти и ради меня подверг свою жизнь опасности, оставшись заложником; я хотел отплатить тем же. Но Бутлер попутал меня». Да Бутлер и сам говорил: «Я знал, что Фабрициус владеет языком и что он уж сам как-нибудь сумеет удрать». Вот какова была награда за мою верность, за то, что я этого человека по воле божьей спас от смерти, подвергая свою жизнь опасности, да еще, будучи сам в столь бедственном положении, одолжил ему 200 рублей. Бутлер же только

и мог сказать: «Мне жаль, что я не сумел сдержать слова, но теперь мы, слава богу, здесь. Я слышал, что вас выкупил этот честный баньян. Теперь мы постараемся с божьей помощью добраться до Дербента. А уж когда мы доберемся до Персии, то рассчитаемся».<sup>33</sup>

Мой баньян ответил: «Тем, о чем сейчас говорит господин капитан Бутлер, Фабрициусу не придется быть ему обязанным, ибо, пока жив я или мои родные, у Фабрициуса ни в чем не будет нужды. Я его выкупил, я же и отвезу в Персию и одолжу ему еще столько денег, сколько ему понадобится».

Затем стараниями наших баньянов были наняты телеги и лошади, а также хороший проводник, который должен был сопровождать нас до Дербента. Это был дядя моего татарина по отцу, ловкий и смелый парень. Он был узденем (Usdehn), т. е. знатным человеком у шамкала, с ним было еще пятеро таких же, как он сам. Нам пришлось заплатить за проезд и за провоз груза с хорошей охраной от Тарков до Дербента по 10 дукатов с человека. И так, благословясь, мы выехали из этого бессовестного разбойничьего гнезда в Дербент. Через два дня мы подошли к другому разбойничьему гнезду — Бойнаку. Наш проводник не хотел заходить в город, и мы с караваном остановились в поле, хотя было уже очень холодно. Нашей пищей был кусок черствого хлеба и глоток воды, которая у этих варваров очень вкусна и целебна.

В полночь мы с караваном тронулись в путь и спустя два дня пришли в третье разбойничье гнездо — Усмий. Здесь мы провели лишь несколько часов, запаслись кормом для лошадей и около 10 часов утра вновь выступили, поскольку здесь было небезопасно из-за кюралы, т. е. татар-горцев, которые тогда враждовали с татарами, живущими у моря.

В 10 часов утра мы в целости и сохранности прибыли в Дербент, город на границе Персии. Мы опустились на колени и воздали хвалу всевышнему за его милосердие и за то, что он столь милостиво привел нас сюда после многих смертельных опасностей. В персидских владениях мы хоть были вольными людьми. Денег на пропитание у нас, правда, не было нисколько.

Персы поздравили лекаря Термунда с возвращением в Персию и сказали, что он очень везучий, раз вырвался из рук разбойных казаков. Они стали также приводить то одного, то другого больного с просьбой помочь им. Поскольку капитан Бутлер был старшим среди нас, то его мы возвели, почета ради, в доктора. Он щупал больным пульс и тут же выписывал рецепт, который следовало отдать мне как аптекарю. Затем больных просили через несколько часов снова зайти. А пока Термунду приходилось трудиться вовсю. Перед уходом больные должны были дать в задаток немного денег, чтобы купить лекарства, которые были иной раз весьма просты и нередко состояли из гранатовой

кожуры, тертого кирпича и еще всякой всячины. Доверие, которое бедные люди питали к нам, особенно к Термунду, часто помогало им. Бедняге Термунду пришлось трудиться всюду, ибо ни я, ни Бутлер ничего не смыслили в медицине. Тем не менее мы заработали благодаря такому знахарству столько денег, что каждый смог сшить себе подходящее верхнее платье, а это было нам весьма кстати, ибо оставшиеся на нас лохмотья едва прикрывали тело.

Через несколько месяцев после нашего приезда в Дербент до султана, или правителя, дошел слух, что несколько европейцев-христиан прибыли из Астрахани. Султан послал за нами и повелел явиться к нему. Он спросил нас, что мы за люди, чем занимаемся и куда держим путь, в ответ на что мы рассказали обо всем и затем попросили его оказать нам милость и дать казенных лошадей до города Шемахи, поскольку мы ограблены и раздеты. Султан ответил нам: «Не только лошадей, но и корма», — и без промедления приказал наместнику, чтобы, когда мы пожелаем ехать, нам дали лошадей и пристава. Он обещал также написать шемаханскому хану (Chan von Schamagie) и препоручить нас ему. Мы поблагодарили за оказанную нам милость и отправились в путь.

Мы могли бы добраться до Шемахи дня за три, но, чтобы лучше обеспечить нас съестными припасами, пристав повел нас через горы, где крестьяне жили в достатке. Это, правда, было нам весьма кстати, но пристав старался больше о своей корысти, ибо он нещадно обирал крестьян, выдавая нас за послов, которые будто бы направляются к государю. Крестьяне же немало удивлялись, что это за такие нищие послы, ибо нашего тряпья едва хватало, чтобы прикрыть тело, и даже случилось так, что на нашего капитана Бутлера напала жажда, а ни у одного путешественника не нашлось чарки или кубка, чтобы напиться, и поэтому нашему старшему послу пришлось лечь на землю и напиться прямо из реки, а поскольку берег был довольно крутой, Бутлеру пришлось сильно наклониться, чтобы достать ртом до воды, и тут его штаны лопнули сзади, так что вся нагота оказалась на виду. Крестьяне увидели это и от души посмеялись, спрашивая друг друга: «Видал ли ты когда-либо таких послов?» Капитан Бутлер, бедняга, и рад был бы упрятать свое добро, да не было никакой возможности, ибо штаны совсем разлезлись.<sup>34</sup>

Вот мы и побрели так дальше, пока не прибыли в город Шемаху.<sup>35</sup> Здесь мы решили отблагодарить пристава и крестьян и подарили им три абасы, т. е. три каролина. Из-за них крестьяне поссорились, ибо те, у кого были две лошади, хотели иметь вдвое больше, чем те, у кого была только одна. Поэтому они побежали к судье и нажаловались друг на друга. От судьи это дошло до эшик агасы баши (jsschik agasi basschi), или великого маршалка. Тот послал тотчас за нами, желая узнать, что мы за послы, ибо

ему не сообщали с границы о прибытии каких-либо послов. Мы рассказали слуге, кто мы такие и как мы были бы рады иметь честь представиться, да нет у нас никакой одежды. Слуга улыбнулся и ушел.

Здесь мы повстречали польского посла по имени Богдан Гурдзецкий, грузина по рождению. У него хотя и было отпускное письмо от персидского государя, но из-за астраханского бунта он не мог ехать дальше, и ему пришлось ждать здесь, пока с мятежниками не покончат. Поскольку я владел польским языком, я познакомился с послом, который преисполнился особым сочувствием ко мне и предложил сразу же жить и столоваться у него, пока я не осмотрю, каковое благодеяние было для меня в моем плачевном состоянии, по правде сказать, вовсе не лишним.

Здесь пребывал также фактор, посланный персидским государем. Он направлялся в Россию с несколькими сотнями тюков шелка-сырца. Его звали Григорий Лусиков, а по рождению он был армянин.<sup>36</sup> Во время дружеской беседы, имевшей место по прошествии нескольких месяцев, он осведомился, чем я занимаюсь и каковы мои дальнейшие намерения, на что я ему ответил, что служил адъютантом от артиллерии и немного смыслю в фейерверкном деле. Тогда он сказал мне, что ежели у меня есть охота служить персидскому государю, то он немедленно рекомендует меня великому везирию. Он заверял меня, что мне будет хорошо, и пообещал мне также 100 рейхсталеров ежемесячного жалованья. Получив мое согласие, он отписал везирию, но прошли месяцы, прежде чем пришел ответ.

Я же пока готовился к отъезду. Мой баньян Мула одолжил мне денег сколько мне было надобно, не взяв с меня ничего, кроме расписки, что со стороны язычника поистине похвально. Как только я собрался, я попрощался с господином польским послом и, благословясь, отправился со своим слугой в Исфahan. Мой баньян, после господа-бога второй, которому я обязан своим освобождением, был столь великодушен, что отдал мне мою собственную расписку в незапечатанном письме брату в Исфahане с тем, чтобы я, ежели буду при деньгах, отдал их брату, а ежели я буду опять нуждаться в деньгах, то чтобы тот снова помог мне. Я поблагодарил моего наихристианнейшего благодетеля за отеческую заботу и заверил его, что первые же деньги, которые попадут в мои руки, я с благодарностью верну ему. «Я не сомневаюсь, — сказал благородный язычник, — в твоём благородстве, и ежели так случится, что ты не сможешь вернуть мне долг, то я человек, который и не то еще терял, зато и выигрывал больше. Наш Рам — так у них называется божество — обратит все к лучшему.<sup>37</sup> Ты честный человек и нуждаешься в помощи, а я могу тебе помочь. Ежели я не сделал бы этого, то я заслужил бы великую немилость Рамы. Так что не тревожься, боги помогут нам обоим. Я уверен и в твоей, и в моей добропорядочности».

Несколько недель тому назад сюда, в Шемаху, тарковскими татарами был привезен на продажу один голландец, парусных дел мастер, по имени Ян Янсен Стрейс. Я уговорил польского посла купить его и обещал, что деньги ему вернут господа голландцы, пребывающие в Исфахане от Ост-индской компании.<sup>38</sup> Поскольку парусный мастер голландец, они охотно исполнят христианский долг по отношению к нему и дадут за него выкуп. На это посол дал мне понять, что покупать и перепродавать человека — грех. Однако ежели я чем-либо отблагодарю его, то он купит этого мастера, что и было выполнено: я слышал, что посол торговал прекрасного жеребца, этого жеребца я выторговал и подарил ему. Так был вызволен парусных дел мастер.

Я привез его даже с собою в Исфахан и сдал господам голландцам, которые, как и следовало ожидать, охотно выплатили за него выкуп. Они были также столь великодушны, что не дали мне со слугой остановиться в караван-сараяе (Karawansera), а настояли, чтобы я поселился в их доме и оказал им честь быть их гостем, что мне было также весьма кстати.<sup>39</sup>

Отдохнув несколько дней, я открыл господину старейшине мое намерение поступить на службу к персидскому государю. Этот почтенный человек всячески отсоветовал мне и сказал: «Персы — магометане, и они коварны. Они Вас, правда, будут хорошо содержать, как они Вам обещали, но всяческими способами будут добиваться, чтобы Вы отступились от веры христианской. Они зашлют Вас в такие места, где Вы не сможете и словом обмолвиться с христианином, к тому же и богатыми дарами они будут пытаться, сохрани господь, совратить Вас. Все это я говорю Вам как друг, — продолжал почтенный человек, — я ведь не хочу мешать Вашему счастью, но так с Вами все и произойдет, обдумайте все хорошенько!» Я поблагодарил почтенного господина за его добрый совет и еще раз обдумал все. Спустя несколько дней старейшина спросил меня, что я надумал и решил. Я поблагодарил доброго человека еще раз и сказал, что выкинул эту мысль из головы. «Ну, что ж, — сказал он, — ежели Вы желаете получить службу при компании, то я рекомендую Вас генералу в Батавии, и Вы с сего часа будете получать жалованье лейтенанта. Капитаном вы станете, как только приедете в Батавию, ибо генерал Спильман — мой хороший друг». Я поблагодарил за добрые обещания и попросил время на размышление.

У меня был слуга, который некогда служил господам из компании в качестве стражника. Он сказал мне: «Господин был на службе у великого государя, а теперь собирается пойти на службу Ост-индской компании. Нелегко ему будет, ибо управители там — чернильные души, они и воинским чинам указывают, да подчас без малейшего почтения, что Вам будет не по нраву.

Я служил компании и знаю: они уважают военного не больше, чем собаку». Все это сильно раздосадовало меня.<sup>40</sup>

Несколько месяцев спустя пришло известие, что снаряженные его царским величеством войска подошли к Астрахани и осадили взбунтовавшихся казаков, и этим собакам придется скоро сдаться, что и произошло на самом деле, ибо после четырех недель пребывания в осаде им пришлось сдаться. После этого русский генерал Милославский разослал нарочных во все окрестные местности с известием, что милостью божьей все бунтовщики разбиты и город Астрахань отвоеван, а, следовательно, все верноподданные, которые спаслись бегством, могут вернуться. За перенесенные испытания его царское величество пожелает их каждого соответственно заслугам и званию.<sup>41</sup>

Тогда я решил с божьей помощью вернуться в Астрахань и, поблагодарив господ голландцев за все оказанные мне благодеяния, стал собираться в путь. Я снова попросил у брата моего индйца денег, и он охотно обещал их. И действительно, когда приблизилось время моего отъезда, он по моей просьбе дал мне 100 рейхсталеров. С ними я, благословясь, отправился с моим слугой Карстеном Брандом в Шемаху, где я через несколько недель пути вновь встретился с моим добрым другом и благодетелем Мулой, который тоже готовился к новому путешествию в Россию. Мы с божьего благословения дошли до Низовы, где нашли небольшое судно, и на нем поплыли в Астрахань.<sup>42</sup>

Генерал и правитель города боярин Иван Богданович Милославский принял меня весьма милостиво, повелел сразу же выдать мне 40 рублей денег в счет недополученного жалованья и пообещал взять меня с собой в Москву и представить ради перенесенных мною испытаний к руке его царского величества.<sup>43</sup>

Спустя несколько недель прибыл другой боярин, которому надлежало сместить Милославского. Его звали князь Яков Никитович Одоевский, это был безжалостный человек. Он был сильно ожесточен против бунтовщиков. Так как генерал взял Астрахань подобру, то он обещал прощение всем, кроме главарей. А Одоевский велел взять под арест всех астраханских жителей вместе с генералом и всем его войском. Свирепствовал он до ужаса: многих повелел кого заживо четвертовать, кого заживо сжечь, кому вырезать из глотки язык, кого заживо зарыть в землю. И так поступали как с виновными, так и с невиновными. Под конец, когда народу уже осталось мало, он приказал скрыть весь город. По его приказу люди стали вновь строить дома за городом. Когда дома уже были наполовину выстроены, их приказали снова разобрать, и людям пришлось снова перевозить срубы в Кремль. При этом им приходилось самим с женами и детьми таскать телеги взад и вперед, ибо лошадей не было. Часто бывало даже, что беременные женщины падали от тяжелой и непосильной работы и подыхали вместе с младенцем, как ско-

тина. Ежели выискивался кто-либо, кто из сострадания представлял этому злодею, что все же грешно так поступать с христианами, то он отвечал, что это еще слишком мягко для таких собак, а того, кто в другой раз станет заступаться, он тотчас велит повесить. Он нагнал на бедных людей такой ужас, что никто не осмеливался больше просить его за кого-либо. После такого его длительного тиранства не осталось в живых никого, кроме дряхлых старух да малых детей. Он настолько привык к людским мукам, что по утрам ничего не мог съесть, не побывав в застенке. Там он приказывал, не жалея сил, бить кнутом, поджаривать, вздымать на дыбу. Зато потом он мог есть и пить за троих.<sup>44</sup>

После многих досадительств он отпустил генерала Милославского домой, но большинство его людей задержал в Астрахани: поскольку он мало кого оставил в живых, ему нужно было набрать этих солдат в охрану города; что же до моей персоны, то я был вынужден, поскольку я, к счастью или несчастью, владел русским языком, также остаться против моей воли здесь и почти целый год провести под началом такого варвара.

А тут снова появились калмыки для того, чтобы покориться. Было сочтено желательным послать в Москву с этим важным делом меня. Однако из-за того, что я был иностранцем, боярин не хотел доверить мне такого дела, но товарищ воеводы Василий Пушечников доложил ему, что я выполнял уже подобную службу и мне поручались различные дела, а ежели мне теперь ехать, то надо торопиться. Тут мне было приказано собираться. Мой полковник-голландец не хотел расставаться со мной, но когда этот почтенный человек заикнулся о том, что из его полка забирают офицера, который ему позарез нужен, боярин приказал всыпать бедному полковнику баатов (Batogēn) и даже пригрозил повесить его. Бедняга к такому обращению не привык и выругался: «De duyvel haelt de vent!»<sup>4</sup>

Тем временем были составлены грамоты, и меня направили в Москву с таким напутствием, что ежели я задержусь хоть на час, то потеряю службу. С тем я, благословясь, и отбыл, а через 11 дней прибыл в Москву. Был как раз праздник святой троицы.<sup>45</sup> Царь пребывал три дня подряд в церкви, ибо он и вообще был весьма набожен. Мне пришлось с утра до полудня и с полудня до вечера неотлучно находиться у церкви, в церковь я не должен был входить, ибо я не греческого вероисповедания. Царь сам расспросил меня обо всех делах астраханских и о том, как вели себя правители города. Я десять суток не досыпал и поэтому иной раз отвечал в полусне. В конце концов я был пожалован капитанским чином и получил тонкое сукно на верхнее платье и

---

<sup>4</sup> Черт поберн этого негодая!

дамаск на кафтан, а также 25 рублей деньгами, после чего я был волен идти на квартиру и выспаться как следует.

Около полугода я провел спокойно, чтобы отдохнуть после перенесенных мной испытаний в плену и рабстве. Затем я был направлен в Севск под начало полковника Хиндрика Гамельтона. Этому полковнику был вверен полк драгун, пожалованный царем гетману Ивану Самойловичу для личной охраны. Этот господин очень благосклонно относился ко мне, так как я повидал кое-что в азиатском мире. Он постоянно приглашал меня обедать и был очень добр ко мне. Ему очень хотелось знать, действительно ли у персидского государя такое великолепие, как ему рассказывали, и он был очень доволен, услышав, что я видел это собственными глазами.<sup>45</sup>

В этом полку личной охраны я пробыл около двух с половиной лет. Всякий раз весной нам приходилось маршировать, что продолжалось все лето. На зимние квартиры мы вставали поздней осенью. В конце концов я попросил отставки, чтобы поехать в Москву и получить остаток причитавшегося мне жалованья, но мне не удалось подобру получить освобождение от моего полковника, поэтому я перешел в другой полк, стал майором и был отпущен в Москву по своим надобностям.

Остаток жалованья мне, правда, выдали, но приказали опять немедленно отправляться в войска.<sup>47</sup> Между тем дядя царя произвел генеральный смотр. А среди иноземцев, начальствовавших в русских войсках, было много таких, которые получили свои высокие чины скорее по благоволению, чем по заслугам. Им пришлось уйти в отставку. Иные полковники были даже разжалованы снова в прапорщики. Тут началось великое сетование и стенание. Каждый искал помощи у своих добрых покровителей. Однако дядя царя был знатен и могуществен, делал все, как ему вздумается. Он был богат и внушал молодому царю все, что хотел. Лишь тот, у кого была красивая жена или дочь, мог чего-либо добиться. Так благодаря красивой женщине многие вновь получили свои чины.<sup>48</sup> Примерно год до этого я был назначен подполковником. Поскольку дело теперь обернулось так недобропорядочно, я попросил отставки, что едва не повергло меня в крайне бедственное положение: мне угрожали не чем иным, как кнутом (Knudt) и высылкой в Сибирь.

В это время, однако, случилось так, что барон фон Келлер<sup>49</sup> получил от господ Штатов назначение пребывать здесь в качестве резидента. Я воспользовался случаем и попросил резидента войти в мое бедственное положение, поскольку я был принят на службу в Амстердаме. Этот почтенный человек обещал мне помочь всем, что было в его силах.

Он и в самом деле во время своей первой конференции вспомнил обо мне и сказал рейхсканцлеру, что поскольку я был при-

нят на службу в Голландии и являюсь подданным Штатов, то он просит от имени своего правительства дать мне отставку, что и произошло, хотя и после больших досадительств. Счастливей человека не было! Затем я, не теряя времени, отправился к английскому посланнику кавалеру Яну Хебдону.<sup>50</sup> Он собирался возвращаться на родину через Ригу, и я попросил его позволить мне ехать вместе с его свитой, что он и разрешил с большой охотой.

Когда я прибыл в Ригу, я услышал, что король Швеции Карл XI ведет войну с Данией,<sup>51</sup> поэтому я принял решение направиться в Швецию и поискать там счастья. Когда я прибыл в Стокгольм, я посетил нескольких знатных господ, а именно: графа Магнуса Делагарди, Кнута Корна, Стена Бьельке, Густава Сопы и многих других. Все эти господа были ко мне столь добры, что рекомендовали меня королю. Вначале я стремился поступить на военную службу. Однако после того, как Стен Бьельке поведал королю о моих путешествиях и странствиях, король пожелал узнать, какую службу я выполнял, и как долго я был на службе, и могу ли я говорить по-русски, а также по-персидски. Когда я нижайше доложил обо всем королю, он спросил, нет ли у меня желания совершить путешествие в Персию, мне милостиво дали бы верительные грамоты и соответствующий ранг. Я в нижайшей покорности с радостью принял милостивое предложение. Однако денег на путешествие не было, поскольку в казне их тогда вследствие длившейся пять лет войны было мало. К тому же кое-какие «доброжелатели» ставили мне препоны, поскольку я был иноземцем и совсем не известен в стране. Они высказывали сомнение, можно ли так сразу давать иноземцу ранг и королевские верительные грамоты.

Когда я увидел, что самой большой препоной являются деньги, я решил, с благословения божьего, одолжить мои собственные при условии, что, ежели я выполню то, чего требует король, мне оплатят мои неустанные труды и понесенные расходы. Это мне король милостивейше и обещал в таких словах: «Добейтесь хорошего исхода, я награжу Вас по-королевски», что король всемилостивейше и сдержал: по возвращении я сполна получил затраченные мной деньги.

Когда я вернулся из первого путешествия, оказалось необходимым, чтобы я снова уехал, и через шесть недель я снова отправился в путь. Поскольку мне было поручено больше коммерческих дел, чем в первый раз, это путешествие продлилось пять лет. Но исход был хороший, ибо я привел караван персидских купцов с шелком-сырцом, что королю было очень приятно, и он очень одобрил мои действия.<sup>52</sup>

Поскольку персидские купцы впервые прибыли в Швецию, король повелел принять их с почетом и снабдить их повозками и лошадьми. Они осмотрели также все загородные дворцы и сады

и все, что было примечательного в Швеции. После нескольких недель пребывания в Швеции они распродали свои шелка и поехали в Голландию, чтобы закупить там товаров на обратный путь. Король приказал Клингширне сопровождать их до границы. Этим купцам мною было обещано два года беспошлинной торговли, но у меня тогда было много трудностей из-за голландцев и англичан, которые чернили Швецию, как преисподнюю. Но я, со своей стороны, постарался, и мне очень помогло, что я сам мог разговаривать с купцами, в то время как другим приходилось растолковывать свое намерение через толмача.

Тогда я, благословясь, со свитой в 18 человек отправился в свое первое путешествие. Но когда я прибыл в Москву, русские стали чинить мне всякие препятствия, не желая пропускать меня. Так, один гонимый думный дьяк, или канцлер (*dumney Diak oder Kansler*) в Посольском приказе, или канцелярии (*in der posolschen Prikas oder Canzley*), всячески досаждал мне и решительно утверждал, что я не получу разрешения на проезд в Персию через Россию, такого-де никогда не бывало и ни в коем случае не будет и впредь.<sup>53</sup> Я отвечал, что всегда какой-то раз должен быть первым и ему следует поднести пакты к своему носу и посмотреть, не обязаны ли они по ним пропускать сановников короля туда и обратно, так же как они, русские, пользуются правом проезда через Швецию при ежегодных путешествиях в чужие государства. Ежели он помешает мне, то я в Персию попаду все равно, но уж его-то добрым словом не помяну, и пусть они твердо запомнят, что и они тогда не будут больше пользоваться правом проезда через Швецию. Он возразил, что вот я тут рассуждаю о пактах, а что я могу смыслить в пактах, коли я всего полтора года назад и служить-то у них перестал. Я отвечал, что в Швеции и уличные мальчишки умеют читать пакты, и ни к чему здесь эти глупые наставления.<sup>54</sup>

Спустя два дня он послал ко мне писаря и сказал, что он доложил о моей просьбе царю, но ему пришлось много потрудиться, прежде чем царь соизволил разрешить мне проезд; но казенных лошадей для моей свиты мне не дадут. Я ответил писарю, что никогда и не помышлял просить даровых лошадей, и если бы мне их и пожаловали, то мне этого ненадобно: я, мол, получил от моего всемилостивейшего короля столько денег, что могу объехать весь мир. Сказал я так потому, что, если бы я принял лошадей, мне надобно было бы заплатить дьяку в три раза больше, чем обошлись бы наемные лошади. Дьяк был весьма раздосадован тем, что он не может меня обобрать, так как я купил благоволение нескольких именитых покровителей, что было неизбежно, ибо русским и персам обязательно нужно делать подарки, они смотрят больше на подарки, чем на прошения.

Затем я продолжал путешествие через Россию в Персию. Я доехал на саях до Симбирска, города, лежащего на Волге.

Здесь я нанял лодку, называемую стругом, и направился в Астрахань. Здесь мне пришлось нанять другое судно, чтобы переплыть через mare Caspium. Это обошлось мне 100 рублей.

Вскоре я прибыл в Персию, а именно в Низову, местечко на берегу моря. Здесь небольшая речка, берущая начало в окрестностях, впадает в море, и по речке место называется Низова. Это открытый рейд. Суда плоскодонные, разгружают их с большим трудом, затем волокут на сушу, ибо оставлять их в море во время прибою опасно.

На следующий день после моего приезда правитель из Шабрана, маленького городка в шести милях от Низовы, послал ко мне узнать, откуда я и куда держу путь. Я сообщил, что я послан королем Швеции для переговоров с персидским государем, и на следующий день к вечеру правитель с двадцатью прекрасно снаряженными дворянами явился ко мне, чтобы сказать: «Добро пожаловать». Он пожелал послать какого-либо слугу из моей свиты вместе со своим нарочным к хану в Шемаху, столицу Медии, чтобы известить его о моем приезде и сообщить, сколько верблюдов и лошадей мне надобно. На следующий день после того, как я сделал правителю подношение и хорошо угостил его, он спросался и послал вперед моего слугу и своего нарочного.

Спустя три дня мой гонец прибыл в Шемаху. Хан повелел ему тотчас явиться к нему, принял его весьма приветливо, спросил, как далеко Швеция от Персии, как долго я был в пути, обещал также без промедления дать верблюдов и лошадей, и через 10 дней я получил верблюдов, лошадей и пристава. Хан прислал мне 4 верблюдов с вином и всевозможнейшими местными плодами и заверил меня через пристава, что государю я буду любезным гостем, а сам он окажет мне всяческую поддержку.

Я, благословясь, покинул Низову и через 5 дней приехал в город Шемаху, где меня встретил маршал хана, пожалуй, с сотней сопровождающих, очень нарядно одетых, поздравил меня с приездом и передал привет от хана, после чего он отвел меня на хорошую квартиру, предложив отдохнуть теперь немного. Спустя 3 дня хан пригласил меня к обеду, послал за мной богато украшенных лошадей, сколько мне было надобно, хорошо потчевал меня по их обычаю во время обеда.

## КОММЕНТАРИЙ

<sup>1</sup> С целью повышения боеспособности войска русское правительство с начала 30-х годов XVII в. предприняло организацию полков нового строя — солдатских, рейтарских и драгунских. Так было положено начало созданию в России регулярного войска. Если рядовой состав полков набирался из беспоместных дворян и «охочих людей», а в середине века — из даточных людей, набираемых в принудительном порядке с определенного количества кре-

стьянских и посадских дворов, то командный состав, особенно в 50-е годы, комплектовался в основном из иностранцев наемников.

После Русско-польской войны 1632—1634 гг. часть иностранных офицеров была отпущена со службы. Опыт войны показал, что далеко не все из них оказались надежными, добросовестными и хорошо сведущими в военном деле людьми. Но в связи с Русско-польской войной 1654—1667 гг. прием иностранцев на военную службу вновь возрос. В качестве вербовщиков-посредников нередко выступали иностранные же доверенные лица. В марте 1660 г. из Москвы в Голландию «для покупки солдатских мушкетов и бандеролов» был отправлен купец Матвей Свеллингребель (Бантыш-Каменский, I, стр. 185). Возможно, что это русский вариант имени того агента, о котором пишет Фабрициус. Теперь от поступающих на русскую службу требовались патенты, свидетельства о службе, рекомендации королей.

Наряду с этим царское правительство постепенно проводило замену инородцев русскими начальными людьми. Уже в 1662—1663 гг. большинство капитанов составляли русские. Капитан был средним чином. Выше его стояли майоры, подполковники и полковники (Чернов, стр. 149—150).

<sup>2</sup> Речь идет о Русско-польской войне 1654—1667 гг. На стороне Польши выступали крымские и ногайские татары, за спиной которых стояла Оттоманская империя.

К моменту приезда в Россию Л. Фабрициуса и его отчима война находилась в заключительной стадии. Весной 1660 г. между Польшей и Швецией был заключен Оливский мирный договор. Польско-литовское командование получило возможность перебросить из Лифляндии и Пруссии значительные контингенты войск на русский фронт. Русские войска, истощенные предшествующими годами тяжелой войны с Польшей и Швецией (1656—1658 гг.), стали отступать, теряя ранее завоеванные города в Литве, Белоруссии и Украине, в том числе Могилев, Шклов, Стародуб и Брянск. Местами военные операции 1661—1665 гг. шли с переменным успехом.

Переход указанных Л. Фабрициусом городов (за исключением Могилева) вновь в руки русского войска явился результатом наступления значительных сил под командованием воевод Я. К. Черкаского, И. С. Прозоровского и И. А. Воротынского летом 1666 г. В то же время в деревне Андрусове происходили мирные переговоры. Кампания 1666 г. имела целью ускорить ход переговоров и добиться наибольших уступок со стороны представителей Польши. 30 января 1667 г. было подписано Андрусовское перемирие.

Пац Христофор — литовский канцлер, участник войны.

<sup>3</sup> Располагая лишь слухами о начале движения С. Т. Разина, Л. Фабрициус, помимо резко тенденциозного освещения характера восстания, дает заниженные данные о его численности. Царицынский воевода А. Унковский, державший связь с домовитыми казаками и неоднократно посылавший лазутчиков в места сосредоточения повстанцев, доносил царю в марте 1667 г., за два месяца до выступления Разина на Волгу, что в районе Паншина городка собрались «многие воровские казаки, а чаять де их будет с 2000 человек» (Кр. война, I, стр. 73). Правда, и показания русских источников разноречивы. В отписке царю того же Унковского от 12 июня 1667 г., по данным начала мая, полученным им через лазутчиков, указывалось, что «воровских» казаков в Паншине городке было «с 800 человек и больше. И еще де за ними . . . проехали многие, а чаять де их будет всех в зборе человек с 1000 и больше» (там же, стр. 88).

<sup>4</sup> Воевода И. С. Прозоровский с товарищами — братом Михаилом и князем С. И. Львовым — был послан в Астрахань на смену воеводе И. А. Хилкову в конце июля 1667 г. С ними были отправлены значительные воинские силы, артиллерия, а в числе командного состава П. Р. Беем и Л. Фабрициус.

В царской грамоте воеводе Хилкову указывалось: «А с ними посланы с Москвы для промыслу над воровскими людьми наши великого государя ратные люди с пушки и з гранаты и со всеми пушечными запасы, да салдацкого строю полковник с начальными людьми, да 4 приказы московских стрель-

цов з головами» (Кр. война, I, стр. 95). Так как в приказ (полк) обычно входило 500 стрельцов, последние составляли примерно половину общей численности воинских сил, указанной Фабрициусом (4000).

<sup>5</sup> В данном месте Фабрициус так ведет повествование, что у читателя может сложиться представление об отходе С. Разина к Яицкому городку под давлением сил И. С. Прозоровского. На самом деле, как это и видно из дальнейших слов самого Фабрициуса, зиму 1667/68 г. Прозоровский провел в Саратове. В Астрахань он прибыл не ранее второй половины июня 1668 г. Первые отписки Прозоровского из Астрахани датированы не ранее 1 июля 1668 г. (Кр. война, I, стр. 110—111). Яицкий же городок (г. Гурьев) был взят Разиным год назад.

Отправка из Астрахани к Яицкому городку воеводы Якова Безобразова (у Фабрициуса ошибочно Федор) относится к февралю 1668 г. Я. Безобразов действительно потерпел поражение, и часть его войска вернулась в Астрахань (там же, стр. 103, 139).

Перезимовав в Яицком городке, отряд казаков во главе с Разиным в марте 1668 г. вышел в Каспийское море.

<sup>6</sup> Внимание историка и фольклориста, бесспорно, привлечет рассказ о прекрасной и знатной татарке, которую С. Разин бросил в воды Яика перед походом в Персию. Эта версия дает новый вариант к легенде о персидской княжне, известной из повествования Я. Стрейса и вошедшей в позднейший песенный репертуар о С. Разине.

Стремясь как бы подкрепить реальность прекрасной татарки, Л. Фабрициус сообщает о существовании сына С. Разина от этой женщины, не подтвержденном никакими другими документальными свидетельствами. Перед нами версия, которая, возможно, дает объяснение к упоминанию в фольклоре сына Разина, якобы находившегося в Астрахани перед ее осадой разинцами (см.: Исторические песни. Л., 1956, стр. 186).

<sup>7</sup> Лаконичная запись о действиях отряда С. Разина в Персии содержит ряд передержек и неточностей. Разинцы действительно грабили многие населенные пункты между Дербентом и Шемахой и далее до Баку, забирали имущество и часть местного населения «в полон». Но, как следует из показаний очевидцев, пленные персы предназначались для обмена на русских, находившихся в неволе у местных феодалов, купцов и правителей. Казаки «на тот полон выменивали русских людей, имели за одного кизылабашенина по 2 и по 3 и по 4 человека русских» (Кр. война, I, стр. 143).

С деятельностью Разина в Персии связана, таким образом, определенная освободительная миссия. Она имела не только национальный, но и социальный аспект. В показаниях русского толмача (переводчика), прибывшего из Персии, отмечалось, что к казакам «пристали ... иноземцы скудные многие люди» (там же, стр. 143—144).

Персидский шах действительно направил в июне 1669 г. к Свиному острову возле Баку, на котором обосновались разинцы, вновь выстроенный с помощью иностранцев большой флот в составе 50 плоскодонных судов под командованием Менеды-хана. Но, как сообщает секретарь шведского посольства в Персии Кемпфер, подвижные казацкие отряды на малых судах наголову разбили шахскую флотилию в абордажном бою. Лишь после этого ввиду возможности прихода нового войска шаха и в результате больших потерь из-за болезней и сражений разинцы, забрав с собой добычу, отплыли к Астрахани.

<sup>8</sup> С этого момента Записки Фабрициуса носят более достоверный и конкретный характер. Он выступает как свидетель и даже участник событий. Был он и в составе войска С. И. Львова, посланного в Каспийское море, что видно из случайно оброненной фразы: «Между тем Стенька в м е с т е с н а м и прибыл в Астрахань». Тем не менее эта фраза не вполне точна. Флот Львова прибыл в Астрахань утром 21 августа 1669 г., а после полудня прибыл флот казаков (Анонимное письмо, стр. 351). По данным русских источников, Львов вернулся 22 августа (П о п о в. Материалы, стр. 36—37).

Цифра войска Львова в 3000 солдат и стрельцов подтверждается анонимным письмом с корабля «Орел». Я. Стрейс называет 4000 человек (Стрейс, стр. 199, 350). Русские источники не сообщают этих сведений.

Предложение мирных переговоров как нельзя лучше отвечало положению С. Разина, боевые силы которого, подорванные изнурительным походом, не смогли бы выдержать натиска царского войска.

О царской «миловитвой грамоте» сообщает и Стрейс (стр. 199), и русские источники (Кр. война, I, стр. 144—145). Царя и астраханских воевод заставляло искать примирения с Разиным несколько причин: растущее движение голутвенного казачества на Дону, сочувствие и тяготение к разинцам стрельцов и городского люда Астрахани и, наконец, корыстолюбивые расчеты воевод поживиться за счет богатой добычи казачества, прибывшего из Персии.

Свидетельство Фабрициуса дает гораздо более глубокую трактовку существа отношений между Разиным и Львовым (дарение иконы), чем имеющаяся в источниках версия об их братании. Подобное заигрывание с Разиным по возвращении его из Персии было свойственно тогда не одному Львову. В Астрахани, как пишет Фабрициус, «господа правители города неоднократно звали Стеньку к себе в гости, что не проходило без богатых подарков». С. Разин пил и «за здоровье его царского величества», но, как замечает Стрейс, «каким лживым языком и с какой хитростью в сердце было это сказано» (Стрейс, стр. 200).

<sup>9</sup> Данное свидетельство Фабрициуса особенно ценно. Оно вскрывает социальный характер и классовую направленность движения уже на раннем его этапе. Это те самые идеи, которые получают отражение в знаменитых «преlestных грамотах» Разина в период борьбы в Среднем Поволжье и в Слободской Украине 1670—1671 гг. (см. стр. 122).

Русские источники не говорят об обращении Разина к низам населения Астрахани с призывами борьбы против угнетателей при первом его там появлении. Стрейс подчеркивает огромное впечатление, произведенное казаками и Разиным на простой народ, но связывает это с награбленными в Персии богатствами и с тем, что Разин, ходя по улицам города, «разбрасывал дукаты и другие золотые монеты» (Стрейс, стр. 200, 202), хотя этот эффектный штрих, несомненно, заимствован Стрейсом у автора анонимного Сообщения (см. стр. 108).

<sup>10</sup> И при кратком упоминании о подготовке нового похода в Паншине Фабрициус подчеркивает антибоярскую направленность движения, не мысля себе, однако, как и его соотечественник Стрейс, участия низов общества в восстании иначе, как в результате алчности народа и его подкупа.

Призывы Разина в Паншине к казакам о походе против бояр засвидетельствованы в русских источниках (Кр. война, I, стр. 235).

<sup>11</sup> По свидетельству казака Костьки Косога, «Стенька Разин с войском проехал в Паншин городок, а людей де с ним тысячи 4, а сверху де Доном беспрестани к нему идут казаки и иные беглые люди» (Кр. война, I, стр. 163).

<sup>12</sup> Важно отметить, что осуществлявшийся Разиным перехват на Волге судов, шедших с товарами в ее низовья, Фабрициус рассматривает как сознательно установленную блокаду, в результате которой наносился урон снабжению Астрахани и торговле с восточными купцами.

<sup>13</sup> Автор тонко подметил непригодность и неопытность стрельцов в военных действиях на воде в противоположность казакам, которые хорошо владели этим искусством.

<sup>14</sup> Особое значение приобретает свидетельство Фабрициуса о направлении стрельцов из Москвы, а войска Львова из Астрахани как согласованных мероприятий, имевших целью «зажать Разина в тиски». Ценно и то, что, несмотря на принятые меры разведки, С. Львову не удалось своевременно получить сведения о приближении разинцев. А Разин заранее знал о движении Львова и настроениях его солдат. Ему и в данном случае удалось блестяще применить свой излюбленный прием упреждения врага и внезапного перед ним появления.

Фабрициус называет общую цифру войска («около 5000»), посланного из Астрахани против Разина «по реке и по берегу». Бутлер сообщает цифру примерно 2600 солдат, которые, кроме 500, были астраханскими солдатами (очевидно, стрельцами). Эти силы были посланы на 40 судах по Волге (Бутлер, стр. 350). О посылке войск по берегу Бутлер не сообщает. Стрейс, повторяя данные Бутлера, объединяет обе его цифры, что дает 3100 человек (Стрейс, стр. 207).

В русских источниках есть ссылка на письмо Разина, посланное из Черного Яра на Дон, в котором он сообщал, что при Львове «ратных людей была 2000 с лишком» (Кр. война, I, стр. 220). Здесь, видимо, указана та часть сил Львова, которая прибыла в Черный Яр на судах до того, как сюда подошел Разин. Но, как видно из других свидетельств русских источников, какая-то часть воинских сил (численность не указывается) была послана из Астрахани берегом («коными») и достигла Черного Яра, когда Разин был уже там (там же, стр. 211).

Общая численность войска, посланного из Астрахани, несомненно, была больше, чем указывают Бутлер и Стрейс, которые не были участниками этого похода. Фабрициус был участником похода и мог знать общую цифру войска от старших офицеров из иностранцев — поляка Ружинского, шотландца Виндронга и своего отчима Беема. Тем более что если со Львовым летом 1669 г. навстречу Разину в Каспийское море было послано 3000 человек, то теперь, при ситуации куда более сложной, войско должно было быть численно большим.

Бутлер, перечисляя иностранных офицеров, участников похода, называет среди них Пауля Рудольфа и его пасынка юношу Людвига Фабрициуса (Бутлер, стр. 353).

<sup>15</sup> Фабрициус допустил ошибку в обозначении месяца. События под Черным Яром происходили не в июле, а в июне 1670 г. Красочно изображая переход солдат и стрельцов на сторону «противника», Фабрициус видит в этом измену клятве и воинскому долгу, но вместе с тем подчеркивает революционный, антифеодальный смысл этого акта.

<sup>16</sup> Картина народного суда в Черном Яре в форме привычного для казачества круга красноречиво подтверждает глубокий смысл основной пружины организации власти в разинском войске и на захваченной им территории: воля восставшего и вооруженного народа претворялась через санкцию его вождя и командира. Сам народ выступал в качестве исполнителя своих решений. И решение судьбы С. И. Львова, вопреки замечанию Фабрициуса, не было актом произвола самого Разина. Из русских источников известно, что «... князь Семена де Львова казаки ево Стенькины хотели посадить в воду, и он де Стенька в кругу казаков об нем, князь Семене, бил челом, чтоб ево в воду не сажать, и козаки де ево в воду не посадили» (Кр. война, I, стр. 220).

Если вслед за Фабрициусом связывать сохранение Разиным жизни Львову с фактом дарения иконы и проистекавших из него отношений между ними, то вместе с тем нельзя не видеть в этом шаге Разина акта крупного политического значения: «переход» на сторону повстанцев князя и видного военачальника имел большое агитационное значение. Разин прекрасно использовал это, немедленно сообщив в Царицын, что «идет под Астрахань вскоре со князем Семеном Львовым» (там же, стр. 210).

<sup>17</sup> Фабрициус не указывает причины столь великодушного отношения к нему его ординарца. Возможно, что это был не русский солдат. Заподозрить же Фабрициуса в гуманном отношении к солдатам едва ли возможно, так как он более всего боялся покинуть убежище в лодке, чтобы не встретиться со своими солдатами. Как видно из дальнейшего изложения, в спасении Фабрициуса не меньшую роль сыграл польский дворянин Вонзовский, находившийся в рядах повстанцев с тех пор, как год назад был пленен казаками (см. стр. 52). Несомненно, Фабрициусу помогло и знание русского языка.

Но возможно и другое объяснение. Торговый человек И. Колокольников, попавший в плен к Разину в Царицыне и бежавший оттуда, сообщил на допросе, ссылаясь на слухи, ходившие в Царицыне, что Разин под Черным Яром «начальных де людей немец всех пометал в воду, только де оставил начального одного человека немчина, потому что де он умеет стрелять ис пушак» (там же). Вполне вероятно, что речь идет здесь о Фабрициусе. К тому времени он мог научиться искусству артиллериста от своего отчима и был вместе с тем наиболее молодым из иностранных офицеров (ему шел 22-й год). Нуждаясь в специалисте, Разин мог сохранить Фабрициусу жизнь и использовать его в войске. Сам же Фабрициус, видимо, предпочел умолчать об этом в своих Записках.

<sup>18</sup> В Записках Фабрициуса примечательно указание на дележ повстанцами имущества офицеров и начальных людей, убитых в Черном Яре. Подчеркнуты демократические начала дележа: каждый получил свою долю.

Особую ценность имеют сведения о круге в Черном Яре, на котором стоял вопрос, куда идти: вверх по реке или в Астрахань с целью укрепить ее как тыл при последующем движении вверх по Волге. Было принято последнее. Эти сведения вносят коррективы в утвердившееся в литературе мнение о том, что уже в Царицыне было принято решение взять Астрахань с целью укрепления тыла.

На самом деле ни в Паншине, ни в Царицыне вопрос о взятии Астрахани с этой целью не стоял. Лишь получение сведений о выходе из Астрахани войска Львова заставило Разина изменить план похода, предложенный в Царицыне, причем на специально собранном круге им было сказано буквально следующее: «Итить в Астрахань всем грабить купчин и торговых людей: не дороги де им бояря, дороги де им купчин и торговых людей животы» (Кр. война, I, стр. 237).

Соблазняя войско перспективой легкой добычи, Разин не менял основных задач движения. Он завершил свой призыв идти под Астрахань такими словами: «Быв де под Астраханью, итить им вверх по Волге под Казань и под иные государевы городы» (там же). Таким образом, как с очевидностью следует из Записок Фабрициуса, впервые с чисто стратегической точки зрения — с целью укрепить тыл для похода по городам Средней и Верхней Волги — решение о взятии Астрахани было принято на круге в Черном Яре.

<sup>19</sup> Бутлер в числе парламентаров, посланных Разиным с требованием сдачи Астрахани, называет казака и русского попа (Бутлер, стр. 357). О попе и «человеке князя Львова» говорят и записи митрополического сына боярского П. Золотарева. Он даже называет имя попа — Василий Маленький, и сообщает, что «человек» Львова после пытки был казнен на виду у повстанцев, а попа с кляпом во рту бросили в каменную темницу (Попов. Материалы, стр. 219). Важно, что и в данном случае Разин пытался использовать имя князя Львова и его «переход» на сторону повстанцев.

Ценно свидетельство Фабрициуса, находившегося в то время среди повстанцев под стенами Астрахани, о враждебной реакции астраханцев, прикnuвших к Разину, на казнь парламентаров. Автор и здесь подчеркивает антибоярскую, т. е. антифеодальную, настроенность повстанцев.

<sup>20</sup> Астрахань была взята в ночь на 24 июня 1670 г. Описание хода осады и взятия Астрахани в основном совпадает с тем, что известно из письма Бутлера, записок Стрейса и русских источников — Сказания Золотарева, актов и пр. Фабрициус, однако, сообщает любопытные данные о требовании повстанцев к родственникам, находящимся в Астрахани, не оказывать сопротивления, открыть городские ворота и принять Разина как отца и спасителя, подчеркивает осведомленность Разина через перебежчиков о положении в городе и состоянии его обороны.

Фабрициус превозносит стойкость «голландских корабельщиков», т. е. офицеров и матросов с корабля «Орел». Однако он умалчивает здесь о том, что многие иностранные офицеры и матросы, в том числе Бутлер и Стрейс,

бежали из города в начале его осады (Стрейс, стр. 209, 359). Тем, кто не сумел бежать, ничего другого не оставалось, как защищать себя до последней капли крови.

Сохранение жизни персам, включая посла, его свиту и купцов, обясняется намерением Разина обменять их на пленных казаков, участников персидского похода (Кр. война, I, стр. 251).

Фабрициус, как и другие авторы, склонен подчеркивать вакханалию убийств и казней при взятии Астрахани. Противник повстанцев П. Золотарев сообщает, что при взятии Астрахани было казнено около 66 человек — ненавистных народу правителей города и начальников войска. Общее количество погибших при штурме города, включая казенных, составило 411 человек. Все они были захоронены в одной могиле у Троицкого монастыря (А. Попов, Материалы, стр. 252).

<sup>21</sup> Стрейс пишет: «В некоторых других вещах он (Разин, — А. М.) придерживался доброго порядка и особенно строго преследовал блуд» (Стрейс, стр. 201). Свидетельство Фабрициуса о борьбе Разина за установление определенного правопорядка и упоминание тех же сюжетов у Стрейса, бесспорно, важны для уточнения степени организованности и сознательности крестьянских войн.

Вызовет интерес у историков и свидетельство Фабрициуса о высоком, непрекаемом авторитете в народе и войске самого предводителя восстания С. Разина. Нарочито выпячивание животного страха приближенных Разина перед крайностями его деспотической и неуравновешенной природы, как представляет Фабрициус, показывает неприязненное отношение иностранца к восставшему народу и его предводителю, но не в состоянии скрыть несомненный факт высокого авторитета Разина.

О том же говорит описание появления Разина в Астрахани у Стрейса: «... Стеньку нельзя было бы отличить от остальных, ежели бы он не выделался по чести, которую ему оказывали, когда все во время беседы с ним становились на колени и склонялись головою до земли, называя его не иначе, как батка или отец...». Стрейс не упустил случая связать при этом по адресу Разина: «... и, конечно, он был отцом многих безбожных детей» (там же, стр. 200).

<sup>22</sup> Описание побега из Астрахани Д. Бутлера, хирурга Яна ван Термунда и других иностранцев и возвращения их в Астрахань схватившими их в устье Волги стрельцами см. в письме Бутлера (Бутлер, стр. 359—361). Оно подтверждается показаниями стрельцов на следствии в Астрахани в 1672 г. (Кр. война, III, стр. 237, 268).

Дарование Разиным жизни хирургу Термунду и использование его для лечения ран у повстанцев — лишнее доказательство натяжек в описании у иностранцев ужасов террора в Астрахани.

<sup>23</sup> Спасение Бутлера Фабрициусом подтверждается в письме Бутлера, однако описание последнего отличается рядом деталей: Фабрициус впервые пришел к нему, когда Бутлер был еще в лодке в качестве пленника казаков, а после визита Фабрициуса к Разину Бутлера доставили к «казачьему предводителю», т. е. к Разину, где был и Фабрициус.

Наконец, Бутлер называет обещанную им сумму выкупа в 100 руб., тогда как Фабрициус несколько раз указывает сумму выкупа в 200 руб. (Бутлер, стр. 362—363). Последнее вероятнее, так как Фабрициус на эту сумму занял товары у индийских купцов и передал их казакам (см. стр. 57).

Бутлер, нарочито подчеркивающий свое самообладание и отсутствие страха за свою жизнь, мог сознательно снизить сумму выкупа, чтобы она не слишком отличалась от суммы выкупа, обещанной хирургом Термундом (75 руб.).

В этой части рассказа Фабрициуса не лишено интереса то обстоятельство, что, несмотря на закон Разина, по которому просящий за пленника сам подлежит смертной казни, ходатайство Фабрициуса за Бутлера окончилось самым благополучным образом.

<sup>24</sup> Интересны сведения о принципах дележа имущества, собранного после взятия Астрахани: полный демократизм и равноправие дележа и обязательное (под страхом смерти) получение своей доли каждым жителем Астрахани, не исключая митрополита и воеводы. Принудительный характер дуванов (дележа имущества) подтверждается многими показаниями последственных лиц в Астрахани — «дуваны имали неволею» (Кр. война, III, стр. 263 и сл.).

<sup>25</sup> По данным Бутлера, Разин отбыл из Астрахани 20 июля 1670 г. (Бутлер, стр. 363). Это примерно совпадает с показаниями русских источников (Кр. война, I, стр. 251, 257).

<sup>26</sup> Подобных сведений нет в других источниках. Из них видно, что попытки повстанческих властей наладить экономическую жизнь города путем предоставления права беспошлинной торговли иноземным купцам наткнулись на саботаж с их стороны.

<sup>27</sup> Автор Записок в обычной для него тенденциозной форме сообщает о событиях, смысл которых состоял в новой вспышке антифеодальной борьбы народных масс против оставшихся в городе враждебных народу элементов, центром которых был двор митрополита Иосифа. Интересны в этом смысле показания подьячего Н. Колесникова, очевидца событий: «А как де вор Стенька взял Астрахань и жил в Астрахани полчетверты недели (три с половиной недели, — А. М.), и астраханские де жители, которые великому государю изменили, приходя, говорили ему, Стеньке, — многие де дворяне и приказные люди перехоронились, и чтоб он поволит им, ссылав их, побить для того: как де от великого государя будет в Астрахань какая присылка, они де им будут первые неприятели. И Стенька де им сказал — как де он из Астрахани пойдет, и они б чинили так, как хотят, а для де расправы оставляет он им казака в атаманы Ваську Уса» (Кр. война, I, стр. 251).

<sup>28</sup> Имеется в виду Федор Шелудяк, о котором упомянуто выше (стр. 58). См. также стр. 60.

<sup>29</sup> Эти же события изложены и в письме Бутлера (Бутлер, стр. 364—369).

<sup>30</sup> Бутлер сообщает, что, уходя из Астрахани «казачий атаман» (Разин) оставил в городе «двух начальников: одного старого казака Василия Родионова, родом с Дона, другого крещенного в русскую веру, его звали Ивановичем» (там же, стр. 363). Василий Родионов — Ус Василий Родионович, который, согласно многочисленным свидетельствам русских источников, был первым атаманом Астрахани после ухода Разина. Вторым лицом (до смерти В. Уса) был Федор Иванович Шелудяк. И хотя его отчество совпадает с тем, что указывает Бутлер, Шелудяк, как и В. Ус, происходил из донских казаков. Остается заманчивая загадка, почему ни один из русских источников не упоминает о каком-либо иноземце, который был в Астрахани в качестве одного из начальствующих лиц.

Фабрициус лично обращался к Карне, получил от него пропуск, сообщает конкретные сведения о его возрасте и женитьбе, в силу чего какие-либо сомнения относительно его показаний едва ли возможны. И тем не менее остается непостижимой загадкой, почему ни один из русских источников не упоминает о каком-либо иноземце, который был в Астрахани в качестве одного из начальствующих лиц.

Русские источники обычно называют В. Уса, Ф. Шелудяка, есаула Ивашку Самойлова сына Терского, а после того как В. Ус умер, а И. Терский ушел на Дон, — Ф. Шелудяка, стрельцов Ивашку Красулина и Обоимку Андреева (Кр. война, III, стр. 207, 377). Правда, упоминается имени, которое может дать материал для некоторых размышлений, встречается во вновь опубликованных расспросных речах казака Н. Самбуленко: «А при нем де (Разине, — А. М.) старшина донские казаки Лазарко да Мишко, да Чертенюк ясаулы да Ивашко Лях...» (там же, I, стр. 257). Ивашко Лях — больше никде этого имени не встречаем.

Возможно, что пребывание Карне (он же Иванович?) на посту коменданта астраханского Кремля было кратковременным ввиду его крайне преклонного возраста (104 года) и не получило отражения в документах приказного делопроизводства. В таком случае сведения Фабрициуса имеют определенную ценность. Заслуживают внимания и его данные о разделении сферы власти между Шелудяком и Карне. Отсутствие у Фабрициуса упоминания о В. Усе может быть объяснено тем, что вопросы выдачи пропусков, которые и столкнули его с начальствующими лицами, были прерогативой помощников В. Уса.

<sup>31</sup> Тарки во второй половине XVII в. — небольшой город в северо-восточной части Дагестана, центр Тарковского шамхальства.

<sup>32</sup> Понятие «язычник» употреблено здесь в широком смысле — нехристианин.

<sup>33</sup> По Бутлеру, встреча с Фабрициусом в Тарках произошла 17 октября 1670 г. Краткое упоминание о ней см.: Стрейс, стр. 369.

<sup>34</sup> Этих подробностей у Бутлера нет.

<sup>35</sup> По Бутлеру 25 октября 1670 г. (Бутлер, стр. 372).

<sup>36</sup> О Г. Лусикове см. стр. 134.

<sup>37</sup> Рама у индусов — одно из воплощений бога Вишну, божества индуизма.

<sup>38</sup> Имеется в виду Ост-индская голландская торговая компания, основанная в 1602 г. В ее руках сосредоточивалась торговля между Европой и Востоком (преимущественно Индией). Вся островная часть Ост-Индии (Молуккские, Зондские острова, Цейлон), а также Малабарский берег Индии и Малакка перешли в ее руки. Кроме голландской, были крупная английская Ост-индская компания и не получившие значительного развития Ост-индские компании в ряде других государств — Франции, Дании, Швеции, Пруссии и др.

<sup>39</sup> Стрейс, который описывает события со значительными подробностями, обстоятельства своего освобождения из неволи изложил несколько иначе. Выкуп его польским посланником приписывается инициативе двух францисканских монахов (Стрейс, стр. 246—247). И только после этого он встретил в Шемахе Бутлера, Фабрициуса и других (там же, стр. 251).

На деньги, занятые у Фабрициуса, Стрейс купил хорошую арабскую лошадь. В обмен на нее он получил свободу от польского посланника, в услужении у которого ему жилось очень несладко. И только после этого Стрейс вместе со своим бывшим хозяином персом Хаджи Байрамом, который, по словам Стрейса, относился к нему очень хорошо, выехал в Исфаган, тогдашнюю столицу Персии. По просьбе Стрейса и с разрешения Хаджи Байрама к ним примкнули Фабрициус и Бранд, «выкупленные на волю стараниями благородной Ост-индской компании и трудами Яна ван Термунда» (там же, стр. 279—280). Последнее обстоятельство тоже не совпадает с тем, что сообщает Фабрициус, который приписывает свой выкуп на волю баньяну Муле.

Какими богатствами обладал дом (подворье) Ост-индской компании в Исфагане, см.: там же, стр. 308.

<sup>40</sup> Любопытно, что Стрейс иначе не пишет, как «благородная Ост-индская компания», а ее руководящих лиц называет не иначе, как «благородный господин» такой-то (Стрейс, стр. 307). И неудивительно, так как своей свободой и выездом из Персии на родину он обязан Ост-индской компании. Ничего подобного у Фабрициуса нет. И если бы действительно он был обязан освобождением Ост-индской компании, то едва ли бы привел в своих Записках столь неслестные для нее слова своего слуги.

<sup>41</sup> Появление в Персии первых вестей из России о пленении Разина и готовящейся осаде Астрахани Стрейс датирует 3 февраля 1671 г. Это были явно неточные слухи, которые опередили действительность. Разин был пленен донскими казаками в Кагальнике в середине апреля 1671 г. (Кр. война, III, стр. 59 и сл.). Но уже при первых слухах, по словам Стрейса, «Людовиг Фабрициус с курьером нашего посла поехал верхом в Дербент (из Ше-

махи, — А. М.), чтобы отправиться в Москву при первой надежной доброй вести» (Стрейс, стр. 259).

<sup>42</sup> В записи от 19 мая 1671 г. Стрейс, будучи в Шемахе, сообщает: «Сегодня мы получили достоверное известие, что Астрахань взята его царским величеством, войска мятежников разбиты и Стенька взят в плен живым» (Стрейс, стр. 270). Относительно взятия Астрахани это неверно. Повстанцы сдали Астрахань царским войскам в конце ноября 1671 г.

17 февраля 1672 г. у Стрейса, находившегося тогда в Исфahanе, записано: «Наш Христиан Бранд и Людовиг Фабрициус уже выехали несколько раньше, чтобы отправиться через Россию, я же поехал с караваном благой Ост-индской компании» (там же, стр. 319—320).

<sup>43</sup> И. Б. Милославский прибыл с войском под Астрахань в конце августа 1671 г. (Попов. Материалы, стр. 257). После длительной осады 27 ноября, «слезы точа» от радости, он вступил в город, который был сдан без боя тогдашним предводителем восставших Ф. И. Шелудяком (там же, стр. 258).

Весть о сдаче Астрахани достигла Москвы 1 января 1672 г. (Кр. война, III, стр. 187).

Вполне вероятно, что Шелудяк сдал Астрахань Милославскому под условием прощения участников восстания, о чем говорит факт их безнаказанности за время пребывания Милославского в Астрахани. Об этом говорит и Фабрициус.

<sup>44</sup> Я. Н. Одоевский прибыл в Астрахань в конце июня 1672 г. Отстранение Милославского и замена его Одоевским, который до этого стоял во главе Приказа Казанского двorca и Приказа сыских дел, были вызваны недовольством правительства мяжкой политикой в отношении повстанцев со стороны первого воеводы. Даже глава повстанцев Ф. Шелудяк спокойно жил при дворе Милославского (Кр. война, III, стр. 204).

Режим жестоких пыток и массовых казней, установленный Одоевским, о котором в лаконичных, но ярких выражениях пишет Фабрициус, вполне подтверждается большим числом русских документов (там же, стр. 203—288).

Любопытно сообщение Фабрициуса об аресте Милославского Одоевским. Прямых указаний на это нет, но, что дело могло обстоять таким образом, едва ли приходится сомневаться, так как Одоевским был предпринят розыск об укрывательстве Милославским участников восстания (там же, стр. 208). Лишь по завершении основной части следствия о восстании Милославский был отпущен из Астрахани.

<sup>45</sup> День троицы в 1673 г. приходился на 18 мая. Следовательно, Фабрициус отбыл из Астрахани 5—6 мая 1673 г.

<sup>46</sup> Самойлович Иван — гетман Левобережной Украины (1672—1687 гг.). В русско-турецкой войне 1677—1681 гг. командовал украинскими частями в составе русского войска.

<sup>47</sup> В делах Посольского приказа имеется запись «распросных речей» Фабрициуса от 6 мая 1676 г., в которой он назван драгунского строя капитаном. Следовательно, Фабрициус был в Москве и до получения звания майора. В допросе он засвидетельствовал гибель своего отчима (в записи назван отцом) Павла Рудольфа и то, что он видел «неподалеку от Вознесенских ворот на Вознесенском мосту убитого иноземца корабельщика Ламорта Элта, изсечен во многих местах» (Кр. война, III, 355). Фабрициус, очевидно, и был допрошен в связи со следствием по делу о гибели в Астрахани Ламорта Элта.

<sup>48</sup> Речь идет об Иване Михайловиче Милославском, главе партии Милославских, родственников царя Федора Алексеевича по его матери, М. И. Милославской, первой жены царя Алексея Михайловича. При Федоре Алексеевиче (1676—1682), вступившем на престол в 14 лет, И. М. Милославский сосредоточивал в своих руках управление важнейшими приказами страны.

Коррупция и произвол были обычными явлениями феодально-крепостнической администрации, и Фабрициус прав, рисуя методы такого рода в сфере

управления войском. Но несомненно и то, что эти строки отражают обиду иностранца на русское правительство, проводившее политику ущемления иностранных офицеров и сокращения их числа среди командного состава полков нового строя. В восьми рейтарских полках, определенных на службу в 1674 г., по одним сведениям было шесть русских полковников и два из числа иноземцев, а по другим — все восемь полковников были русскими, а посланные в 1675 г. в Путивль и Белгород шесть полков имели только русских полковников (Чернов, стр. 150).

<sup>49</sup> Келлер фон Яган Вильгельм — голландский резидент в Москве (1676—1698).

<sup>50</sup> Хебдон Ян (Джон) — английский посланник в России в 1667 и 1677 гг. (см. стр. 127). Фабрициус, получив отставку, выехал из Москвы вместе с английским посланником 5 марта 1678 г. (Бантыш-Каменский, I, стр. 121).

<sup>51</sup> Шведско-датская война 1675—1679 гг.

<sup>52</sup> О поездках Фабрициуса в Персию через Россию в качестве посланника Швеции см. стр. 145—154 данного издания.

<sup>53</sup> Фабрициус при первой поездке в Персию был в Москве в январе 1680 г. (Бантыш-Каменский, IV, стр. 197). Вероятнее всего, что переговоры с ним вел дьяк Посольского приказа Е. И. Украинцев, который 27 января, за день до отъезда Фабрициуса, выехал в Варшаву (Белокуров, стр. 123).

<sup>54</sup> Имеется в виду Кардисский мирный договор 1661 г. Противодействие дьяка Посольского приказа проезду Фабрициуса в Персию связано с тем, что целью его поездки было «разведать, возможно ли установить торговлю Персии со Швецией через Россию» (стр. 145). Русское правительство энергично противилось установлению такой торговли со стороны западных держав. Но времена изменились. Решительный тон Фабрициуса в разговоре с представителем Посольского приказа показывает, что шведский посланник рассчитывал на возможность получить уступки со стороны Москвы в отношении дипломатических и торговых связей Швеции с Персией в условиях, когда Россия вела войну с Турцией (1679—1681). Так это и произошло. Установление непосредственного торгового контакта Швеции с Персией через Россию принадлежит как раз Фабрициусу. (Об этом см. «Краткую реляцию», предисловие и комментарий на стр. 132—156).

## ПЕРВОЕ СОЧИНЕНИЕ О ВОССТАНИИ С. РАЗИНА

Записки иностранцев о восстание С. Разина подразделяются на две группы.

К первой относятся воспоминания очевидцев восстания. Помимо событий, лично виденных авторами, записки нередко сообщают факты, услышанные или узнанные каким-либо другим путем, но и эти события не выходят за рамки времени пребывания авторов в России.

Первую группу записок, таким образом, можно целиком отнести к мемуарам. Она представлена главным образом астраханским циклом записок, принадлежащих Л. Фабрициусу (см. стр. 47), Д. Бутлеру и автору анонимного письма с корабля «Орел».<sup>1</sup> К этой группе можно отнести и сочинения о России общего характера, в которых страницы, посвященные Разину, имеют мемуарный характер. Таково Сказание о Московии Я. Рейтенфельса, очевидца смотра войска в Москве в 1670 г. перед отправкой его против Разина, привоза Разина в Москву и его казни. Именно об этих событиях, связанных с восстанием, сообщается в обширном Сказании Рейтенфельса.<sup>2</sup>

Другую группу записок иностранцев составляют сочинения о восстании Разина. В них в той или иной мере представлены и личные воспоминания авторов.

Первым по времени написания и издания с наиболее полным охватом событий восстания от его начала и до конца является «Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разным», автор которого остается неизвестным. В тот же год, когда Сообщение было написано (1671), в Германии и Голландии появились его издания на немецком и голландском языках.<sup>3</sup> Год спустя появились почти одновременно английское и французское издания.<sup>4</sup> Французский перевод был сделан независимо от английского издания. Об этом свидетельствует, как справедливо отметил В. И. Веретенников, наличие во французском издании приписки к заключительной фразе текста, сделанной, надо полагать, переводчиком: «Мо-

<sup>1</sup> Я. Я. Стрейс. Три путешествия. [М], 1935, стр. 349—374.

<sup>2</sup> Я. Рейтенфельс. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Перевод А. Станкевича. М., 1905, стр. 119, 128—129.

<sup>3</sup> Kurtze doch Wahrhaftige Erzählung von der blutigen Rebellion in der Moscau etc. Emden, 1671; голландское издание: Kort Waerdchtigh verhael van de bloedige Rebellie in Moscovien etc. Haerlem, 1671.

<sup>4</sup> A Relation Concerning the Particulars of the Rebellion Lately Raised in Muscovy by Stenko Razin... Newcomb, 1672 (полное название см. стр. 91); французский перевод: Relation de particularites de la rebellion de Stenko Razin contre grand Duc de Moskovie... Traduit de l'anglais par C. Desmares. Paris, 1672.

литва о благоденствии царя указывает, что это повествование прислано в Архангельск из Москвы, оттуда оно пришло в Англию и сюда».<sup>5</sup>

Сообщение является оригинальным и самостоятельным произведением. Его большой резонанс в Европе выразился не только в появлении указанных выше изданий и ряда дальнейших переизданий, но и в том, что вскоре же после появления оно стало источником для заимствования многих сведений и целых кусков текста при написании сочинений о Разине другими иностранными авторами. Голландец Я. Стрейс в описании своего третьего путешествия, протекавшего главным образом в России и Персии, три главы (XIII—XV) посвящает начальному этапу восстания Разина до второго его появления в Астрахани в июне 1670 г.<sup>6</sup> Первые страницы рассказа Стрейса, посвященные описанию днепровских и донских казаков, причине выступления Разина, его Каспийскому походу в 1667 г., есть прямое, местами дословное заимствование из Сообщения.<sup>7</sup> Для всей книги Стрейса характерны многие заимствования от своих предшественников.<sup>8</sup> В данном случае даже при описании первого пребывания Разина в Астрахани в августе 1669 г., очевидцем которого он был, Стрейс не удержался от заимствования из Сообщения сцены с разбрасыванием Разиным дукатов на улицах Астрахани.<sup>9</sup> Сказанное не снимает большого значения тех страниц книги Стрейса, на которых автор излагает лично виденное и слышанное им о Разине.

Автор другой книги, посвященной описанию голландского посольства в Москву в 1675—1676 гг., изданной в Амстердаме в 1677 г., член этого посольства Б. Койэтт<sup>10</sup> не был очевидцем событий восстания Разина. Единственное, что, как сообщает в своей книге, он видел лично, это воткнутые на колья в Замоскворечье останки С. Разина и то, как вели на казнь его брата Фрола. Тем не менее в книге Койэтта содержится краткий, но обстоятельный рассказ о восстании Разина.<sup>11</sup>

Однако сравнение его с Сообщением и соответствующими местами книги Я. Стрейса, произведенное В. И. Веретенниковым, показало, что «двадцать седьмая глава описания путешествия фон-Кленка, излагающая разинское возмущение, состоит целиком в этой части своей, во-первых, из очень близкого пересказа всего почти „Relation“, т. е. с начала изложения в последнем сочинении самого восстания (чему предшествует всего одна страница вводного характера) и до последнего абзаца последней страницы „Relation“, и, во-вторых, имеются вкрапленные в такое изложение в отдельных местах явные заимствования из описания Стрейса; ничего нового, не находящегося в одном из этих двух источников, у фон-Кленка не имеется».<sup>12</sup> С этим выводом остается согласиться.<sup>13</sup>

<sup>5</sup> В. И. Веретенников. Об иностранных, современных событию, источниках для истории разинского восстания. Научные записки научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры, т. II, 1927, стр. 172.

<sup>6</sup> Я. Я. Стрейс. Три путешествия, стр. 197—209.

<sup>7</sup> Там же, стр. 197—199.

<sup>8</sup> Там же, Приложения, стр. 375—392.

<sup>9</sup> Там же, стр. 202; ср. стр. 108 настоящего издания.

<sup>10</sup> Б. Койэтт. Посольство Куираада ван-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900.

<sup>11</sup> Там же, стр. 446—457.

<sup>12</sup> В. И. Веретенников. Об иностранных ... источниках..., стр. 176. Ниже автор указывает страницы совпадающих текстов.

<sup>13</sup> До какой степени могут быть различны оценки одного и того же, казалось бы, очевидного явления, показывает, например, утверждение Б. Н. Тихомирова, что Койэтт «был дальновиднее Стрейса», что, «не расходясь в передаче фактических данных с английским анонимом и со Стрейсом, Койэттер (sic!), однако, значительно глубже подходил к оценке движения».

К сказанному В. И. Веретенниковым можно лишь добавить, что Койэтт мог иметь сведения о Разине не только из книги Стрейса, но и от него самого, поскольку Стрейс был участником посольства Кураада фан-Кленка в качестве конюха и пушкаря.<sup>14</sup>

Есть еще сочинение на итальянском языке, включающее сжатое изложение событий восстания Разина.<sup>15</sup> Данное изложение не дает ничего нового в сравнении с Сообщением и книгой Стрейса.<sup>16</sup>

Среди сочинений иностранцев о восстании Разина, современных или почти современных событию, есть одно, отличающееся несомненной самостоятельностью и оригинальностью.<sup>17</sup> В противовес А. Попову и Б. Тихомирову, считающимся автором книги К. Шурцфлейша, В. Веретенников путем правильной интерпретации заглавия книги и аналогичных заглавий других книг, приведенных им для сравнения, приходит к выводу, что с большим основанием автором этого сочинения следует считать Иоганна Юстуса Марция. Тем не менее каких-либо сведений о последнем не удалось получить.<sup>18</sup>

И. Ю. Марций говорит о себе на «публичном рассмотрении», т. е. на университетском диспуте, который под председательством К. Шурцфлейша происходил в Виттенберге 29 июля 1674 г.: «Уже идет шестой год, как я ездил в Россию и видел то, что для других осталось лишь молвой». Отсюда следует, что автор был в России в 1669 г. (когда он приехал туда, он не говорит). Далее читаем: «Я сам был зрителем тех волнений, которым дивилась вся Европа. Я присутствовал при многом и наблюдал происходившее. Тогда-то и узнал я (*venit in conspectum meum*) о Стефане Разине, зачинщике мятежей (*auctor tumuluum*). Своей дерзостью и лютостью он не только вызвал в Московии смятение, но даже довел ее до крайней опасности. Это и заставило меня задумать повесть о начале, течении и исходе этого бунта и передать в сочинении то, что я либо видел собственными глазами, либо воспринял тогда же из достоверных источников».<sup>19</sup>

Из приведенного очевидно, что автор не видел самого Степана Разина, а наблюдал волнение, вызванное им, а сам Разин лишь «вошел в его поле зрения». Для этого достаточно было быть в Москве, где, по всей вероятности, и был наш автор, наблюдая там большое волнение (тревогу) среди господствующих кругов и, быть может, рядового населения. Но сами события в 1669 г. происходили далеко от Москвы, на южной окраине России и за ее пределами. В августе 1669 г. Разин со своим отрядом вернулся из каспийского похода, был в Астрахани, а затем отбыл на Дон, где и стал собирать силы для нового похода, начавшегося уже весной 1670 г.

В §§ 2—10 автор дает краткое изложение русской истории, стремясь показать, как Московия «отвоевала себе свободу от татар и как, наконец, сохранила в столь широких пределах свою власть (*imperium*), которая легко

---

(Б. Тихомиров. Источники по истории разинщины. Проблемы источниковедения, сб. 1, М.—Л., 1933, стр. 65—66). Но цитаты, которые Тихомиров приводит из Койэтта, есть не что иное, как перефраз сказанного у Стрейса.

<sup>14</sup> Б. Койэтт. Посольство Кураада фан-Кленка..., стр. XXVI, прим. 11 и стр. 278.

<sup>15</sup> *Historica Russiae monumenta*, собранная А. И. Тургеневым, т. II. СПб., 1842, стр. 249—278.

<sup>16</sup> В. И. Веретенников. Об иностранных... источниках..., стр. 176.

<sup>17</sup> Стенко Разинь донски козакъ изменникъ. *Id est Stephanus Razin Donicus Cosacus, perduellis, publice disquisitione exhibitus, praeside Conrado Samuele Schurtzfleisch, respondente Johanne Justo Martio, Mulhufa — Thuringo. D. XXIX Quintil Anno MDCL MDCLXXIV.* [Место не указано], 1674; 2-е изд. Wittenberg, 1683.

<sup>18</sup> В. И. Веретенников. Об иностранных... источниках..., стр. 174.

<sup>19</sup> Стенко Разинь..., 2-е изд. § 1 (перевод Е. Ч. Скржинской).

могла быть разрушена при тех громадных бедствиях» (имеется в виду восстание Разина). В книге нередки ссылки на источники того времени о России. Мы находим здесь многих авторов, начиная от древних (Страбон) и кончая новыми (Герберштейн, Поссевин, Оларий). Есть и ссылки на документальные материалы. Автор знает Уложение 1649 г. Приводя перечень некоторых городов из числа занятых разинцами в Среднем Поволжье, автор дает такую ссылку: «in commentariis rerum Russicarum reperiri» (§ 21). А в другом случае после некоторых сведений читаем: «ita ex commentariis actorum Russicorum didici» (§ 25). Все это говорит о том, что при написании книги использованы русские источники и сочинения о России.

Описывая в конце книги привоз Разина в Москву, его казнь и, главное, с необычайной точностью и конкретностью то, как поступили с его останками: голову, руки, ноги насадили на колья, а туловище бросили собакам (§§ 29, 30),<sup>20</sup> автор изобличает в себе как бы очевидца событий. В этом смысле указанные места цитируют некоторые историки.<sup>21</sup> Однако и эти сведения могли быть получены автором из «достоверных источников», о которых он говорит в начале своей книги (§ 1).

Сочинение Марция получило общую оценку как источник о восстании Разина уже у А. Попова: «... в его рассказе много рассуждений и гораздо менее исторических подробностей...».<sup>22</sup> Соглашаясь с Поповым относительно бедности «конкретного исторического материала» в этом сочинении, Б. Тихомиров справедливо добавляет, что «работа Шурцфлейша (здесь наш автор неточен, — А. М.) необходима для исследователя, выясняющего международное значение разинщины».<sup>23</sup>

Итак, Сообщение (Relation) неизвестного автора при всей его краткости в сравнении с другими иностранными сочинениями о Разине представляется наиболее полным по сведениям фактического порядка, охватывающим все движение Разина от начала и до конца, дающим его изложение в строго систематическом порядке, с наличием такого ряда характеристик и оценок, которые, несмотря на всю тенденциозность автора и его враждебность к повстанцам, помогают уяснить классовую природу восстания и его направленность.

Эти соображения и побудили нас дать новое издание Сообщение, несмотря на то что оно дважды издавалось в переводе на русский язык. Первый перевод, которым преимущественно пользуются историки, принадлежит А. Станкевичу и издан в 1895 г.<sup>24</sup> Второй перевод, менее известный, принадлежит Т. Ф. фон-Крузе и издан в 1904 г.<sup>25</sup> Оба издания, особенно второе, являются большой редкостью. Их можно найти только в крупнейших библиотеках нашей страны. Бесспорно, оправданным является и воспроизведение английского текста произведения, чего не делалось до сих пор.

---

<sup>20</sup> Этот факт находит подтверждение в русских источниках (Крестьянская война под предводительством Степана Разина, т. III, стр. 366) и в письме Т. Хебдона (см. стр. 130).

<sup>21</sup> М. И. Сменцовский. К истории казни Степана Разина. Каторга и ссылка, 1932, № 3, стр. 132.

<sup>22</sup> А. Попов. История возмущения Стеньки Разина. М., 1857, стр. 20.

<sup>23</sup> Б. Тихомиров. Источники по истории разинщины, стр. 66.

<sup>24</sup> Чтения ОИДР, кн. III, ч. III, Материалы иностранные, М., 1895, стр. 5—21.

<sup>25</sup> Сборник Областного Войска Донского статистического комитета, вып. 4, Новочеркасск, 1904, стр. 15—31.

Сокращенный перевод, названный «Известия о восстании Степана Разина, поднятом им недавно в Московском государстве», принадлежащий А. Ф. Валериной и В. А. Чиликину, с кратким предисловием Е. А. Шведовой опубликован в журнале «Сельская молодежь», 1966, № 1, стр. 41—43.

Долгое время в России было известно только французское издание 1672 г.<sup>26</sup> А. С. Пушкин, занимаясь восстанием Пугачева, отметил редкость этого издания.<sup>27</sup> А. Попов пользовался французским изданием и подчеркнул, что ему ничего не известно о существовании английского издания.<sup>28</sup>

Один из списков этого сочинения был на английском языке, что следует из указания во французском издании на перевод с английского и на то, что «повествование прислано в Архангельск из Москвы, оттуда оно пришло в Англию и сюда».<sup>29</sup> Имя же автора и сведения о том, в качестве кого и с какой целью он был в России, до сих пор остаются неизвестными. Из приписки в конце текста Сообщения «Архангельск, сентября 13/23 1671 г. На корабле „Дарица Эсфирь“»<sup>30</sup> следует, что сочинение если и не было полностью написано в Архангельске, то во всяком случае закончено там. Автор был в России по крайней мере в 1671 г. Описание того, как ввели Разина в Москву, и его казни, несомненно, изобличает в авторе очевидца событий. Есть в его сочинении и ссылки на слухи, ходившие в Москве в период восстания, и сведения о настроениях и поведении низов московского населения в связи с успехами Разина.<sup>31</sup> Все это делает очевидным, что наш автор, по крайней мере в первой половине 1671 г., был в Москве.

Больше возможностей для ответа, хотя и не исчерпывающего, на вопрос об источниках, использованных при написании Сообщения. Основным источником был приговор по делу Разина, зачитанный на месте казни, список которого каким-то образом попал в руки автора. Приговор был переведен на английский язык и приложен к Сообщению. Сличение перевода с русским текстом приговора<sup>32</sup> показывает, что по смыслу и в передаче основных событий перевод точен, хотя и не буквален — в нем есть сокращения в ряде мест, где речь идет о второстепенного значения событиях и лицах. Сличение же текста Сообщения с приговором убеждает в том, что основная канва событий восстания изложена по приговору. Местами чувствуется весьма близкое заимствование и перенесение в текст Сообщения сведений из приговора вплоть до деталей, например дата смерти царевича Алексея Алексеевича (17 января 1670 г.) и обстоятельства его похорон (стр. 111). В основную канву Сообщения, заимствованную из приговора, автор вставляет немало сведений, почерпнутых из других источников. В. И. Веретенников отметил, что в основе рассказа о «еретике-старике» Алене, возглавившей семитысячный отряд крестьян, и ее мученической смерти от руки палачей (стр. 113) лежат сведения официального источника.<sup>33</sup> Они лишь дополнены некоторыми деталями, которые могли быть почерпнуты из слухов, ходивших в Москве.

Внимательное изучение Сообщения бесспорно подтверждает высказанное в литературе мнение, что автор был знаком с рядом официальных правительственных документов о восстании.<sup>34</sup> Добавим от себя, что это знакомство могло быть осуществлено с помощью какого-нибудь лица, близкого к правящим кругам. Не забудем, что в числе переводчиков Посольского приказа были лица иностранного происхождения, например Андрей Виниус. Сам факт использования письменных источников при написании Сообщения говорит

<sup>26</sup> Были и его перепечатки: Archives des voyages ou collection d'anciennes relations inédites ou très rares, de lettres memoires itinéraires etc. — par H. Ternaux-Compans, t. II. Paris—Leipsik, pp. 154—176; Relation etc. Paris, 1856.

<sup>27</sup> А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VI, М., 1950, стр. 234.

<sup>28</sup> А. Попов. История возмущения Стеньки Разина, стр. 20.

<sup>29</sup> См. стр. 85.

<sup>30</sup> См. стр. 115.

<sup>31</sup> См. стр. 110 и комментарий, стр. 122.

<sup>32</sup> Крестьянская война..., т. III, стр. 83—87.

<sup>33</sup> В. И. Веретенников. Об иностранных... источниках..., стр. 172; см.: Кр. война, т. II, ч. 1, стр. 367.

<sup>34</sup> Б. Тихомиров. Источники по истории разинщины, стр. 64.

о «хорошем знании русского языка если не самим автором, то лицом, ему поговашим...».<sup>35</sup>

Второй источник — слухи, разговоры, ходившие по взбудораженной Москве. Автор прямо ссылается на этот источник сведений о событиях восстания. Говоря о том, что С. Разин шептал что-то на ухо И. Прозоровскому прежде чем столкнуть его с астраханского раската, автор предвещает свое сообщение словом «говорят» (стр. 109). Вслед за тем говорится о гибели в Астрахани иностранных офицеров и матросов, и опять-таки употреблено слово «говорят». В Москве, особенно в официальных кругах, имели сведения от беглецов из Астрахани о событиях, произошедших в ней.

Наконец, третьим источником являются непосредственные наблюдения автора. С ними связаны сведения о настроении низов населения Москвы, о казни в ней сподвижников Разина и его самого.<sup>36</sup>

Неясны источники, использованные при описании большого комплекса важных сведений о действиях карательного войска Ю. Долгорукого в Среднем Поволжье и действиях повстанцев в том же районе. Но и в данном случае недостаток в официальной документации, отражающей эти события, не ощущается. Начиная от указа о посылке войска Долгорукого и многочисленных отписок воеводы и кончая записями пытошных и расспросных речей пленных повстанцев такая документация была широко представлена в Москве.<sup>37</sup> Автор мог иметь либо непосредственное знакомство с некоторыми из этих документов, либо располагать информацией об их содержании из вторых рук.

Но в таком допущении, может быть, и нет необходимости. Достаточно прочесть страницы с описанием действий Долгорукого, его расправы с повстанцами, чтобы возникло предположение, что столь конкретное, четкое и, главное, точное описание событий и обстановки может принадлежать только либо участнику и очевидцу событий, либо лицу, которое получило сведения от очевидцев. В данной связи примечательна как бы случайно оброненная в этом месте описаний фраза: «Немецкие офицеры заслужили одобрение его величества за умелое командование своими людьми» (стр. 112). Да, иностранные офицеры были использованы и на этом участке Крестьянской войны.<sup>38</sup> И если автор не был сам участником подавления восстания в Среднем Поволжье, то он мог иметь сведения о событиях от иностранных офицеров, участников событий. Ведь Долгорукий со значительной частью своих сил был отозван в Москву в январе 1671 г.<sup>39</sup> Здесь автор и мог встретить иностранных офицеров. Эти предположения не устраняют того, что загадка относительно автора Сообщения продолжает быть загадкой и, видимо, без разысканий в иностранных архивах не может быть разрешена. Но что касается самого сочинения, то нет никаких сомнений в том, что перед нами искусно сделанный отбор наиболее важных событий, переданных, за немногими исключениями, с большой точностью.<sup>40</sup> Фактическая сторона английского Сообщения заслуживает того, что сказано было о нем еще автором первой русской капитальной работы о восстании Разина: «Это сочинение заключает довольно подробный и, кроме собственных имен и названий, искаженных иностранцем, справедливый рассказ о возмущении Разина».<sup>41</sup> А. Попов солидарен с автором и в области оценки движения. Это понятно, так как оценка в целом враждебна движению. Нередко аноним повторяет официальную правитель-

<sup>35</sup> В. И. Веретенников. Об иностранных... источниках..., стр. 172.

<sup>36</sup> См. комментарий, стр. 122—123.

<sup>37</sup> См.: Крестьянская война..., т. II, ч. 1.

<sup>38</sup> «Да з боярином де и воеводы со князем Юрьем Алексеевичем с товарищи быть — рейтарского строю полковником Давыду фан дер Нисину...» (Крестьянская война..., т. II, ч. 1, стр. 39).

<sup>39</sup> Там же, стр. 545.

<sup>40</sup> См. комментарий, стр. 120—126.

<sup>41</sup> А. Попов. История возмущения Стеньки Разина, стр. 19.

ственную оценку действий Разина и повстанцев.<sup>42</sup> Неточности Сообщения нередко объясняются особенностями использованных источников — официальных документов (приговор и др.), которые нарочито искажали некоторые факты с тем, чтобы сгустить краски, и слухов. Кроме того, в Сообщении нередки искажения имен, географических наименований и пр., без чего, впрочем, не обходилось ни одно иностранное сочинение о России. Не вполне точное знание автором русской действительности сказалось и в обозначении им одних и тех же понятий (например, должностных наименований) разными терминами и, наоборот, разных понятий — одним и тем же термином. Но таких искажений немного. Главное состоит в том, что при всей своей антипатии к восстанию наш аноним, будучи, несомненно, образованным и проницательным человеком, сумел, как и некоторые другие иностранцы (Фабрициус, Стрейс), уловить антибоярский, т. е. антифеодальный, характер движения и передать это в немногих ярких словах (стр. 110). Пораженный стойкостью и мужеством повстанцев, автор неоднократно подчеркивает героизм их в схватках с правительственными войсками, убежденность в правоте своего дела и презрение к пыткам и смерти: «... а захваченные в плен принимали смерть с мужеством необыкновенным, будучи в твердом убеждении, что умирают они за правое дело» (стр. 111). Автор отмечает стойкость жителей села Мурашкино, поражен мужеством славной дочери народа, крестьянки по происхождению, старицы Алены (стр. 113), подчеркивает твердость духа и неустрашимость С. Разина в момент казни (стр. 114). Под впечатлением всего этого автор, быть может против своей воли, выносит приговор палачам народа прежде всего в лице воеводы Долгорукого, когда пишет, что место вблизи Арзамаса, где стоял Долгорукий, «являло зрелище ужасное и напоминало собой преддверие ада».

Мы обязаны автору указанием общей цифры повстанцев в период наибольшего развития Крестьянской войны и тонко подмеченной причины ее неудачи: «Ибо ежелы бы силы мятежников, число которых умножилось до двухсот тысяч человек, соединились и действовали согласно, нелегко было бы государеву войску противостоять им и одолеть их» (стр. 112).

Подводя итог сказанному, следует отметить, что анонимное Сообщение о восстании Разина представляет собою первый в мировой историографии очерк по истории восстания, дающий основной фактический материал, показывающий тенденции и цели движения, его размеры, мужество и стойкость повстанцев, основную причину поражения восстания.

В этом состоит историографическое значение публикуемого произведения. Но Сообщение имеет большое значение и как источник о восстании Разина. Написанное современником по горячим следам самих событий, оно сохранило всю прелесть новизны, непосредственности документа, сообщая нам наряду со многими известными из других источников сведениями и такие, которых более нигде нет. Сообщение как источник ценно тем, что наиболее обстоятельные сведения и оценки оно содержит относительно наивысшего и заключительного этапа Крестьянской войны и тем самым как бы продолжает записки тех иностранцев (Фабрициус, Бутлер, Стрейс), которые оставили нам ценные и яркие свидетельства о начальном периоде восстания.

Текст Сообщения публикуется без изменений с английского издания 1672 г.

Важнейшие разночтения, имеющиеся в голландском и немецком изданиях Сообщения 1671 г., помещены в Приложении (стр. 160—163).

<sup>42</sup> Например, оценка отношения Разина к религии и церкви (стр. 108).

A RELATION CONCERNING THE PARTICULARS  
OF THE REBELLION LATELY RAISED IN *MUSCOVY*  
BY STENKO RAZIN

*Its Rise, Progress, and Stop; together with the manner  
of taking that Rebel, the Sentence of Death passed upon  
him, and the Execution of the same*

Here are two sorts of *Cosacks*, some are call'd *Saporogsky*, and others *Donsky*. The former do from antient times belong to the Dominions of the King of *Poland*, and have their ordinary abode in the Isles of the River *Borysthenes* or *Nieper*. At a good distance from the Town *Kiof*, in the same River, is to be found a Rock, from which the Water falling with great violence, maketh above Fifty Isles; and this Rock, whence the Water falls, is called *Poroch*, and giveth to those *Cosacks*, which are seated in those Isles that lie behinde the *Poroch*, the name of *Saporogsky*. Their business is, to be watchful against the Incursions of the *Tartars*, and other enemies of the Kingdom of *Poland*.

The Name of *Cosack* is said to be derived from the *Sclavonian* word *Cosa*, which signifieth *Spirit*; and it is thought that that name was given to that people by reason of their Agility or Nimbleness,

The *Donsky-Cosacks* are those that have their habitation upon the famous River *Don*, antiently called *Tanais*, and belong to the Czar or Emperor of *Muscovy* and *Russia*, to whom they yield a voluntary, rather than a compelled obedience. They are by the said Czar endowed with many Priviledges, enjoying their own Laws, and chusing their own Governor. They have so great Priviledges, that if any Slave run-away from a *Russian* Nobleman or other great Person, and come unto these *Cosacks*, the Proprietors loose their claim to them.

Of these *Donsky-Cosacks* was *Stenko Razin*, the Person that four years since rose up in Rebellion against the great Czar *Alexis Michalowitz*. The reason or rather pretence of that Insurrection was, the death of the said *Razin's* Brother, inflicted by the Bojar *Kneas Jurge Dolgeroek*. For in the year 1665. he was with an Army in the Field, about the Town *Kiof*, against the *Polanders*, having under him, among others, a Troup of *Donsky-Cosacks*. Autumn being come in, and that Troup esteeming to have done good service against the enemy, desired to be dismissed by the said Commander *Dolgeroek*, who possibly standing yet in need of their service, would not consent to it. Whereupon these *Cosacks*, unwilling to hearken to the command of their General; but following the perswasions and example of their chief Officer, which was the Brother of *Stenko Razin*, did disband, and went every one to his home. *Dolgeroek* being extremly offended thereat, gave order, that this Ring-Leader should be taken; which being done, he commanded him presently to be hanged.

This is the cause, pretended by *Razin*, when he was upon the Rack, of his raising this Rebellion, to revenge the death of his Brother, in-

A  
RELATION  
Concerning the Particulars of the  
REBELLION  
Lately raised in  
MUSCOVY  
BY  
Stenko Razin;

Its Rise, Progress, and Stop ; together  
with the manner of taking that REBEL,  
the Sentence of Death passed upon him,  
and the Execution of the same.

---

Published by Authority.

---

In the *S A V O R* :  
Printed by *Tho. Newcomb*. 1672.

# A RELATION

Concerning the Particulars of the Rebellion lately raised in *Muscovy* by *Stenko Razin*.



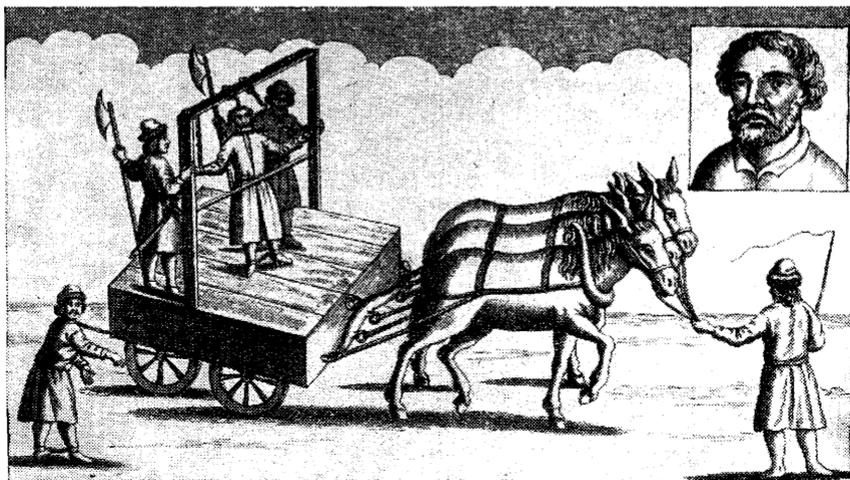
Here are two sorts of *Cofacks*, some are call'd *Saporogsky*, and others *Donsky*. The former do from antient times belong to the Dominions of the King of *Poland*, and have their ordinary abode in the Isles of the River *Borysthenes* or *Nieper*. At a good distance from the Town *Kiof*, in the same River, is to be found a Rock, from which the Water falling with great violence, maketh above Fifty Isles; and this Rock, whence the Water falls, is called *Poroch*, and giveth to those *Cofacks*, which are seated in those Isles that lie behinde the *Poroch*, the name of *Saporogsky*. Their business is, to be watchful against the Incurfions of the *Tartars*, and other enemies of the Kingdom of *Poland*.

The Name of *Cofack* is said to be derived from the *Sclavonian* word *Cofa*, which signifieth *Spirit*; and it is thought, that that name was given to that people by reason of their Agility or Nimbleness.

The *Donsky-Cofacks* are those that have their habitation upon the famous River *Don*, antiently called

nocently executed, as he understood it. But that this was but a meer pretext, is sufficiently apparent, in regard that this Insurrection was made not onely against the Czar, but also against the King of *Persia*, from whom he never could alledge to have received any injury. So that nothing but his malicious, and rebellious temper, hath impelled him to this infamous undertaking.

The beginning of his villanous attempt was, hts robbery upon the River *Volga*, An. 1667, where he took several great Boats laden with Commodities, belonging partly to Cloisters and Ecclesiasticks, partly to private Merchants of *Jereslaf*, *Wologda*, and other places. Thence



Привоз С. Разина в Москву. Из кн. «Сообщение», изд. 1672 г.

he went to the Town *Jayck*, which he took by force, assisted by his *Cosacks*. Soon after he proceeded to the *Caspian Sea*; and from thence he returned to the *Volga*, where he did great mischief in giving interruption to Fishing, and in ruining many Houses. Thence he marches to the Town *Teock*, and further to the Frontiers of *Persia*, where he did great damage to the Subjects, both of the great Czar of *Muscovy*, and the Chach of *Persia*. The Inhabitants of a certain small *Persian* Town, being informed of his approach, betook themselves to a Neighboring Fort for security. Whereupon *Stenko* sent them word, that they had no reason to fear, and invited them to return, assuring them, That he and his Men were not come to do them any hurt, but for Money to buy Provision, and other Necessaries for his Troups. They came back with great confidence to their Town, and opened their Shops, where *Stenko* and his Soldiers bought what they needed, and paid for what they bought that time; but afterwards he gave a sign to his *Cosacks*, that passing over the Marketplace, when he should put his Cap into

a certain posture, they should fall upon and kill all the Inhabitants; which was executed accordingly, and practised in several other places upon the Borders of *Persia*.

To stop these cruel actions, the *Kneas Iwan Simonewitz*, then Waywode or Governor of *Astracan* sent some Troups against him. Whereupon *Stenko*, finding himself too weak, and apprehending a bad issue, asked pardon; to which, the said Governor returned this answer. That if he would desist from his violence and robbery, he doubted not but the great Czar would shew him Mercy. He came with his companions to *Astracan*, almost all sick and swelled, because having been a little before, upon a certain Island in the *Caspian Sea*, beset by the *Persians*, they had been necessitated to drink Salt-water. And he at length received pardon from the Czar for his crimes, and promised, That he and his Company would henceforth serve him with all faithfulness, nor exercise any robbery on the *Volga*, or the *Caspian Sea*, or elsewhere.

*Stenko* being recovered, shewed his generosity to the Inhabitants of *Astracan*. For as he was walking thorough the Streets, he scattered among the people store of Ducats and other Coyn he had robbed, and thereby was applauded by all; which then sufficiently manifested his aim. And so he, with his associates, went away to their own Countrey about the River *Don*; where he began to act afresh his villainy in Ecclesiastical Matters, driving away many Priests, and hindring Divine Service, and intruding himself into Church affairs. For a pattern of the glorious Ceremonies, which this *Cosack-Pope* introduced, take this, that instead of the usual Ceremonies of Marriage performed by the Priests in *Russia*, he made the contracted couple to goe several times round about a Tree dancing, and thus they were married after *Stenko's* mode. He also cast out blasphemous words against the Saviour of the World; and scrupled not forthwith to break that Oath of Fidelity, which a little before he had sworn to the Great Czar; and put to death divers ancient Cossacks, that had more integrity than to combine with him in his rebellion. The like he acted upon the Waywode of the same place, and upon those that had been sent by the Czar with Letters of Grace and Pardon, and others.

From the River *Don* he return'd to the *Volga*, together with his Associats, and came to the Town *Saretza*, where he perswaded the Inhabitants, that the Army of the Great Czar was at hand to put them all to death; whereas on the contrary that Army was come to assist them against *Stenko*: and thus the Town was surrendred to him; and he having made his entry, killed the Commander and all the Citizens that refused to joyn with him. He marched out again to meet the Army of the Czar; which he defeated, taking and putting to death the General with many others. He took also the Town *Sionejaer*; where he put to the Sword the Governour, all the Officers, and many Muscovian soldiers.

Thence he marched to the City of *Astracan*, seated at the mouth of the River *Volga*, not far from the *Caspian Sea*, walled about, and

having in compass more than two miles. The Suburbs lying round about it, are most of them bare, and exposed to the incursion of any Enemy. Some years since was this Town possessed by the Tartars, from whom it was taken by the Czar *Iwan Waselowitz*, An. 1553. About it grows no Grain at all, but 'tis provided from above. It is rich chiefly in Salt and Fish; the *Caspian Sea* furnishing the people, living on that shore, with store of Salt water, of which they make whole mountains of Salt. And the *Volga* about *Astracan* abounds in Fish above all Rivers. There they catch those great Fishes, *Ossotrina*, *Belouga*, some of the latter being three fathoms long, one of which can hardly be carried by thirty men. In *Astracan* is great Commerce, managed by forrain Nations, Persians, Indians, Boucharen, Armenians, and others, it hath for its ordinary Garison Twelve thousand Soldiers. *Stenko Razin* coming to this City, sent some of his Cossacks into it, to stirre up the Soldiers against the Governor; which wrought so well, that it was concluded the Town should be deliver'd to him, and he received into it: which was executed according to his wish.

*Kneas Iwan Semenov Prosorofskie*, being at Church, in the midst of Divine Service was thence pull'd away, and made to goe up that high square Steeple, which stands in the midst of the Castle of *Astracan*, for a Beacon to direct those that Navigate the *Caspian Sea*, or travel in the vast and little frequented fields called *Steep*. From this Steeple the said Governor was cast down head-long. 'Tis said, that *Stenko* a little before whisper'd him something in his ear, at which he shook his head, being doubtless tempted by this Traytor to take his part, which the *Kneas* refusing to doe, was forced to make this high and Tragical leap.

*Stenko Razin* immediately hereupon committed great slaughter and robbing. The Brother of the Governor, and many Noble-men and others, that would not come in to him, he put to the sword, as also many Dutch and other Officers, and some Holland Mariners, which though they run into the *Caspian Sea*, yet are said to have been fetcht back and killed. Colonel *Thomas Bely*, and Lieutenant-Colonel *Jacob Wanderow*, and others, were put to the Sword, being in Arms upon the walls of the Town, The Churches, Cloisters, and the Houses of the richest Citizens wore plunder'd; the Writings of the Chancery burnt, the Czar's Treasure of the Kingdom of *Astracan* carried away, many Merchants strangers, being there at that time, as Persians, Indians, Turks, Arminians, and others, were put to death with the rest: both the Sons of the Governour *Prosorofskie* he caused to be hung up by the Legs upon the Walls of the Town, and to be taken down again, putting one of them, after much torture, to death, and causing the other to be beaten half dead, and so carried to the Metropolitan. His Lady and Daughters he delivered to the Soldiers, his Companions, to take them for their Wives, or, if they pleased to abuse them. This taking of *Astracan* happen'd *Iuly 28, 1670*.

After this, *Stenko* marched do *Tzaretsa*, and thence to *Tzaratof*, which were also deliver'd to him, and the Governors of them put to death, together with many Noble men; and the Treasure carried away.

The like happen'd to the Town *Tzamatof*: from whence *Stenko* went to the Town *Simbierske*, which he besieged, took by storm, and burnt to ashes, after he had lost a great part of his Cossacks before the Castle of that place. The Governor of it was the Lord *Iwan Bochdaenwitz Micoslafsky*, who with extraordinary courage defended it against this Traytor: so that *Stenko*, conquerour of all the places upon the *Volga*, was stop'd here from going further; without which he was resolved to have marched to the Royal City *Casan*, not far distant from *Simbierske*.

Although *Stenko* was now hindred to pass further, as being beaten, and wounded himself, insomuch that he was constrained to return to his *Astracan-Quarters*, yet did he much mischief in *Russia* by his Emisaries, who here and there stirr'd up the people to insurrection. In *Galitz* the fire began, but was soon quenched. About the Town *Oestiga* some of those Emissaries were caught, taken, and hanged. Every where he promised Liberty, and a redemption from the Yoak (so he call'd it) of the Bojars or Nobles, which he said were the oppressors of the Countrey; In *Mosko* it self, men began to speak openly in his praise, as if he were a person that sought the publick good and the liberty of the people; for which cause the Great Czar was necessitated to make a publick example of some, to deterr the rest.

A certain aged man being asked, what should be done in case that *Stenko* should approach to the City of *Mosko*, answered, that the people should goe and meet him with Bread and Salt, which among the Russians is a token of Love and Friendship. For which this man was taken and hanged.

About the same time, there was brought into the same City, one of the principal Associats of *Stenko*, that had undertaken to debauch the people up and down in the Countrey from their obedience: but he had his due reward; for one of his Arms, and one of his Legs were cut off, and he presently hanged on the Gallows.

All sorts of imaginable mischievous devices were set on foot by *Stenko* to ruine the Russian Empire, and to seduce the common people.

Amongst other Artifices, he had prepared two ships, one of which was lined within round about with Red Velvet; and he gave out, that in it was the Lord *Czarawitz*, of Glorious memory, *Alexis Alexewitz*, the Great Czar's eldest Son; who yet in the year 1670. on the 17th of *January* in the presence of his Father, in the Pallace of *Mosko*, departed this life, and the next day was buried in the Metropolitan Church of *S. Michel*. *Stenko* boldly pretended, that this Prince was yet alive, and with him. And to colour this lye the better, he kept in the said ship a Youth of about 16 years of age, descended of one of the *Peregorsky Circassian Princes*, whom *Stenko* in his former depredations had taken

prisoner: which young Prince hath received the Great Czar's pardon, because he was compelled to act such a person; and he is still in *Mosko*, at the house of *Kneas Jacob Codonietewitz* a *Circassian*. And to drive on these devices, he spread abroad, that this Lord *Czarawitz* had made an escape from the violent hands of the Bojars and great Lords, and taken his refuge to him; adding, that he, *Stenko*, was come by order of the Great Czar to put to death all the Bojars, Nobles, Senators, and other great ones, (that were too near to his Majesty), as Enemies and Traytors of their Country. By these base practises invented and push't on by *Stenko*, the ignorant people was inflamed to fight furiously, and those of them that were taken prisoners underwent death with a wonderful resolution, as being possessed with the perswasion of dying for a good cause.

At *Smolensko* was hanged a certain person, who said, that he died upon having seen with *Stenko* the Prince *Czarawitz*, whereas he saw but a counterfeit one.

The other ship, that *Stenko* had, was lined with with Black Velvet, and he gave out, that there was in it the late Patriarch *Nikow*, who in the year 1666. was, upon the Condemnation passed by the Patriarchs of *Alexandria* and of *Antioch*, by his Majesty, the Great Czar, deposed from his Dignity, and sent to the Monastery of *Belooser*, where he is yet at this day.

By these Arts *Stenko* had so far advanced his design that the whole Tract of Land about the *Volga* and farther up into the Country was engaged in this rebellion, as far as to the Towns *Accateur* and *Arsa*: And the number of the Rebels was augmented to two hundred thousand, and part of the *Czernische Tartars*, and all the Russian Country-men living in this Tract, and belonging to Muscovian Lords, rose up against their Governors killing and hanging them; and the fire of this Rebellion gained at length so much ground, that it began to burn not above twelve miles from *Mosko* it self.

Hereupon the Great Czar raised a great Army, and under the conduct of the Noble *Kneas Jurge Alexewitz Dolgeroek* sent it, about the end of *September*, against the Enemy, of whom he met a party of Fifteen thousand men, who though they fought resolutely and rallied three times, yet were at length beaten and put to flight, very many remaining, dead upon the place, and a great number being taken, who were immediately executed. Six Field pieces fell into the hands of *Dolgeroek*; who encamped under the Town *Arsamas*, where he exercised severe judgment upon these Rebels. The place was terrible to behold, and had the resemblance of the Suburbs of Hell. Round about it were Gallows, each of which was loaded with Forty or fifty Men. In another place lay many Beheaded and covered with Blood. Here and there stood some impaled, whereof not a few lived unto the third day, and were heard to speak. Within the space of Three Moneths, there were by the Hands of Executioners put to death Eleven thousand Men, in a legal way, upon the hearing of Witnesses.

*Dolgeroek* himself remaining upon the place of Judgment, sent his Army out by Parties, that found out, defeated, and dispersed *Stenko's* forces. It was of great importance to *Russia*, and a great Mercy of God, that the Rebels lay here and there divided; as also, that they could not agree amongst themselves, about the Supreme Command. For if this power of the Rebels, consisting of Two hundred thousand Men, had been united and unanimous, it would have been difficult for the Forces of the Czar to have resisted and mastered the same.

The *German* Officers were highly applauded by His Majesty, for having acquitted themselves so well in leading on their Men. The most resolute of the Rebels, were those of the small Towns of *Lisko* and *Morasko*, who had more than once attempted to take by storm the Cloister of *Macariof*, and lost a great number of Men before it, taking it at last by the treachery of a Jew, and putting to death all the Monks that were found in it, and carrying away a rich prey, because the people living thereabout had carried their Goods thither for security.

*Morasko* held out; but those of *Lisko* rendered themselves in good time, and delivered Thirty of the Rebellious *Cosacks*, together with a Nephew of *Stenko Razin*, and so they were pardoned.

Amongst the Prisoners, there was brought to *Kneas Jurge Dolgeroek* a Nun in Man's habit, put over her Monastical dress. This Nun had commanded Seven thousand Men, and done bravely in this War, till she was taken prisoner. There appeared not any alteration in her, nor any fear of death, when the Sentence of being Burnt alive was pronounced against her. Amongst the *Russians* the deserting of a Monastery, is esteemed a black and capital crime. A little before she died, she wished that many more had behaved themselves, and fought as courageously as she had done; that then certainly *Kneas Jurge* would have found his best safety in his heels.

Being now to die, she signed herself after the *Russian* manner, with the cross on her forehead and brest, and so laid her self quietly down upon the Pile, and was burnt to Ashes.

There was also brought to Judgment, one of *Stenko Razin's* Confederates, and his best Counsellor, who had been his, right hand. His Arms and Legs were cut off, and so he was Beheaded and Hunged.

The Prisoners were commonly put upon the Rack, and being examined, what they designed in this Rebellion; they answered, That they intended for *Mosco*, and would have the lives of the Nobles, and other great ones, Their word was *Not'schay*, that is to say, *Unexpected*; intimating, That the Czarawitz *Alexis Alexewitz* was come as it were from Heaven, besides their expectation.

Thus hath *Kneas Jurge Dolgeroek* in the space of Three Moneths made an end of this Rebellion, in the Quarters about the River *Don*; but in other places the Fire was not yet extinguished, when the Czar called him back with his Army.

Mean time *Kneas Constantine Czarbatof* was by His Majesty commanded to march towards *Taneboef*, there to subdue the Rebels of those parts; which also by the assistance of God was effected. So that all the Disquieted and Rebellious Countreys have been, by Hanging, Burning, Beheading, Slaughtering (besides the Eleven thousand Executed by the Hands of Hangmen), and by killing in the Field above an Hundred thousand Men, reduced to their former obedience.

But to return to *Stenko Razin*; after that he had been routed about *Simbierske*, and was retired downwards, he chose a freer Air for his abode, and remained for a while in the Wilderness of *Steep*, leaving to one of his Confederates, call'd *Sjorte-Ous*, that is the *Divels Knuckle*, the command of *Astracan*: *Stenko* in the mean time, wandering up and down, until at length by the Captain *Cornelius Jacolowitz*, and those of the *Donsky-Cosacks* that had remained faithful to the Czar, he was secured and brought into *Mosco*. This *Cornelius Jacolowitz* was God-father to *Stenko*, and always honored by him, as if he had been his Father; whence he never in the least imagined, that that person should contrive any mischief against him. But he that was so persidious to his Prince, deserved no better recompence.

He was laid hold on about *Tzarietza*, and carried that long way of Two hundred Miles to *Mosco*, entertained all along with the hopes, that he should speak with the Great Czar himself, and before him, by word of Mouth, plead his own cause; he always imagining, that he had many things to say, very important for the Czar to know.

His Brother *Frolko* was extremely sad on the way, and, it seems, of a better nature than *Stenko*, whom he charged with all he had done. And *Stenko* seeing his Brother at a certain time more than usually troubled, comforted him by representing, that coming into the City of *Mosco*, they should receive great honor, thousands of people, and the greatest of the Land being (doubtless) ready to meet, and to see them.

*Stenko* coming within a mile of *Mosco*, the Waggon met him that had been made to bring him into the City according to his deserts, In the hind-part of it was erected the Gallows; himself was stripped of his Silken habit, which he had worn hitherto, and an old ragged Sute put upon him; and so he was placed in the Waggon under the Gallows, with an Iron-Chain about his Neck, fastned to the top of the same. Both his hands were locked fast to the Side-beams of the Gallows, and his Legs divaricated. His Brother *Frolko* was with an Iron-Chain fastned to the Waggon, and went a foot on the side of it.

Thus entred *Stenko* with his Brother into the City of *Mosco*, Thousands of People, of great and mean condition, beholding them, and so fulfilling his Prophesie of the honor he should have in entering this Town. And though he comforted his Brother with this honor, yet himself standing in the Waggon looked on no body, but held his Face continually down-ward.

They were both put to the torture, but what they there confessed, is not well known; onely that *Stenko* did very much lament the death of his Brother, who by the command of *Kneas Jurge Dolgeroek* had formerly been hanged.

His Brother *Frolko* behaving himself most pittifully under the torture, *Stenko* went about to comfort him again, and said, That he must remember the good things he had enjoyed; that he had lived so long among his Friends with great credit and reputation, and had commanded thousands; and therefore he was now to bear this hard fortune with patience.

The *Russes* use this manner of Torture; they shave the Crown of the Head of a Malefactor, and drop cold Water upon it, which they say causeth very great pain. It is related, That when the Crown of *Stenko*, and his Brother was shaved, *Stenko* said to his Brother, I have often heard, that none is shaved for a Priest, but he must be Learned; we are both unlearned, and yet they do us the honor of shaving our Crown.

Four days after that he was brought in, he was with his Brother carried to the place of Execution in the Cittadel. The Sentence of Death was read before him, wherein were expressed the Principal Villanies he had committed. He seemed not at all concerned, and spoke not a word but stooped. And when the Executioner was going to do his office, he crossed himself several times, directing his face towards a certain Church, called *Pretsietse Bogorodietse Casaneche*; that is, *The most Holy Mother of God of Casan*. And thereupon he bowed his head thrice towards three several places of the people assembled, saying, *Prostie*, that is, *Forgive me*. And presently he was laid down between two Beams, and his Right Arm cut off to the Elbow, and his Left Leg to the Knee. After this, his Head was, cut off with an Hatchet: All which was done with great speed in a very short time; and *Stenko* gave not the least sigh, nor shewed any sign of sense.

His Brother coming to the place of Execution, cryed out, *That he had the Czar's word*; a manner of expression, when a person hath any secret to reveal, which is to be manifested to none, but to the great Czar alone. Being asked what it was, he said, *It was to be told to none but to the Czar*. Whereupon he was reprieved; and they say, That he hath discovered the place of the Treasure digged under Ground by his Brother *Stenko*.

This was the end of *Stenko Razin*; his Deputy *Sjorte-Ous* whom he had left to command in *Astracan*, is said to have raised new commotions; putting to Death the Metropolitane, and others that are contrary to his design. God Almighty give to the great Czar, *Alexis Michaelewitz*, the Victory over all his Enemies.

*Arch-Angle, Sept. 13/23 1671.*  
On Board of the Ship,  
the Queen *Esther*.

*The sentence of death read before Stenko Razin, on the place  
of execution june 6. 1671*

Thou Villain and Renegado Rebel *Donsky-Cosack Stenko Razin*, in the year 1775 *alias* 1667, abandoning the fear of God, and forgetting thy Duty and Oath, where by thou art bound to His Majesty the great Czar *Alexis Michaelowitz*, Emperour and Defendor of the Greater and Lesser, and the *White Russia*, hast Rebelled against His said Majesty; and having raised othed *Cosacks*, hast marched with them to the River *Volga*, there to act thy Villainous Designs: And coming there, thou hast done great mischief to much people, taking the *Nasaisky* great Boats, laden with Salt-fish and Salt, belonging to the Patriarch, Cloysters, and others: As also the Boats of many Merchants: Which Violence and Robbery, thou hast acted as far as to the very Walls of *Astracan*.

Again, *Thou Villain*, hast, betwixt *Astracan* and the *Sorneiner*, Robbed, Killed, and Thrown into the Water, the Waywood of the great Czar, *Simon Bellemisch*, who was sent to speak with thee. The like villainy thou hast committed upon the Muscovian Officer *Su-sover*, that was likewise dispatched to thee for the same end.

When out of *Astracan* to the Town *Jayck* were sent a Waywood, and two *Russian* Colonels, with some Soldiers, to confer with you in an amicable way, and to perswade you to desist from your Villainous attempts, and to beg his Majesties pardon, thou didst hang both the Colonels, and betake thy self with thy *Cosacks* to Sea from *Jayck*, and return from Sea into the *Volga*, ruinig all places of Fishery, and burning the habitations of the *Tartars*.

*Thou Villain* hast also been under the Town *Tarchi*, and hast exceedingly endamaged the adjacent places; as also part of the Dominions of the King of *Persia*. Being upon the *Caspian Sea* thou didst rob the Subjects of *Persia*, and take away the Goods of Merchants, and their lives also Thou hast also ruined several Towns in *Persia*, and thereby caused great difference between the Two Empires. Besides, the Soldiers of *Astracan* upon thy orders, have killed their Colonel, and joyned themselves to thee, doing great mischief in many places.

*An. 7177 alias* 1669. The Governor of *Astracan*, *Kneas Iwan Simonowitz Prosorofsky* sent against you the Waywood *Kneas Simon Leibof* with His Majesties Army, who had girt you all about; which *thou Villain* seeing, didst dispatch to that Waywood two of thy chief Confederates, praying in the name of all the *Cosacks*, that His Majesty would please to pardon them, promising, That thereupon you would return home, and act no more mischief, but serve the Czar with all Fidelity, without occasining any difference between His Majesty and the King of *Persia*, as also without taking any thing upon the *Volga*, or the *Caspian Sea*: Whereupon those two *Cosacks* having taken an Oath in the name of the whole Body, and sent to His Majesty Seven persons to implore his pardon (which was granted), and your

Forces being permitted to go with safety from *Astracan*, to the River *Don*, the place of your dwelling; notwithstanding all this, *thou Villain* hast forgot the Grace and Favor of the great Czar, and has by the way exercised on the *Volga*, great robbery, and coming to *Tzaretsa*, beaten the Waywood, and committed enorm outrages.

*An. 7178 alias 1670. Thou Villain*, together with thy Companions, forgetting the Fear of God, and deserting the Holy Catholick Apostolick Church, didst, when you were upon the *Don*, speak blasphemous words against our Lord Christ, and prohibit to build Churches, and to perform Divine Service in those that were in being; driving away all the Priests, and making such people, as would marry, instead of practising the usual Ceremonies of Marriage, to go round about a Tree.

*Thou Villain* also, slighting the Grace of the great Czar vouchsafed to thee and thy Associates, hast afresh rebelled against His Majesty, and returned to the River *Volga*, acting the like villainies, with Robbing and Killing as formerly, and particularly plundering and putting to death some honest antient *Cossacks*, that refused to joyn with you, and to approve of your Actions.

Thou hast likewise killed and cast into the Water, those that by the great Czar were sent with Letters of Pardon to the Captain *Cornelius Jacolowitz* and to other *Donsky Cossacks*; and caused the rest to be so beaten that they died of it.

Marching from the River *Don* with thy confederate *Cossacks*, and coming to the Town of *Tsaretza*, thou hast fraudulently perswaded the people of that place, that the Czar's Army was coming to put them all to the sword; whereas on the contrary his Majesties Army went to assist that Town against thee and thy villainous practices: upon which ungrounded perswasion the said Town surrendered themselves to thee, and received thee amongst them. Entering into it, thou hast put to the sword the Commander *Turgonova*, and all those Citizens, that would not be partakers in your villainies, and thrown them into, the water; and thereupon thou didst march out against the Army of the Great Czar, and by fraud rout the same, and didst fling into the water their Colonel *Jwan Lapatin*, and their Lieutenant-Colonel *Tedor Jeckschym*, and others, after having put them to very great torments, Besides thou hast taken away the Czar's Boats laden with Rye, and robbed many Merchants; and after that thou didst march to the Town *Tzor-nojaar*, and there kill the Governor *Jwan Sergeof* and all Officers, and many *Moscovian Soldiers*.

Coming before *Astracan*, thou madest some of thy villanous *Cossacks* enter into it, and by them induce the Soldiers to deliver up the Town, and the Bojar and Waywood into thy hands: which was done accordingly; the *Astracan* soldiers thereupon joyning themselves with thee, and upon thy Orders pulling the Bojar, *Kneas Jwan Simonowitz Prosorofsky*, out of the Church whom thou didst cast down headlong from a high Steeple, commanding also his Brother, together with many Noble-men, Officers, Soldiers, and Merchants, after grievous Tortures,

to be put to death; and robbing the Houses of God, Churches and Monasteries, as also the Czar's Treasure, and many Houses of the principal Citizens, and burning all the Papers of State in the Chancery, with the addition of such scoffings as cannot be parallel'd.

Moreover, thou hast caused, without any shame, many Priests, Monks and Nuns to be stripp'd naked, and many other people besides. Thou hast also commanded most inhumanly to be beaten very many, to make them confess, where they had hid their Treasure, without sparing little children. Further, thou hast put to death some of the chief Merchants of the King of *Persia*, and many other Merchants strangers, *Persians, Indians, Turkish, Armenians, and Boucharen*, who upon the account of Traffick, were at that time in *Astracan*; robbing them their Goods, and occasioning matter of discontent to the Great Chach of *Persia*.

Again, *thou Villain* hast been insatiable of Blood, and continued to spill the most innocent: and thou hast not scrupled to hang up by their Leggs upon the Wall both the innocent Children of the Bojar, *Kneas Jwan Simonowitz Prosorofsky*, and after great Torture to worry the one, and so to beat the other, that thou thoughtest he could not live. And thou hast also caused the Clerks, that served the Great Czar, and would not consent to thy designs, to be put to painful deaths commanding them to be hanged up by their Ribs.

Besides, *Thou Villain*, after having killed in *Astracan* many good people, hast delivered many Wives and their Daughters to be abused by your confederate miscreants; commanding also the Prieste that they should marry none at the Metropolitan's Order, scoffing at the Church of God, and the Ordinances of the Holy Apostles, and annulling the Sacrament of Marriage, and throwing such Priests as refused to comply with thee, into the water.

*Thou Villain* hast also robbed the Treasure of the Great Czar in *Astracan*; and after an effusion of much blood, thou didst march out of that City to *Tsarietza*, and thence up the River to *Tsaratof*, whose Inhabitants surrendred themselves unto thee; and there thou didst rob the Corn-Moneys of his Majesty, and great store of Provision, putting to death the Waywood *Koesmakotesin* and many Noble men.

From *Saratof*, *Thou Villain*, persisting in thy malicious designs, didst come to the Town *Samarof*, which also was surrendred to thee, and whence thou didst carry away the Czar's Treasure, putting to the sword the Governour *Jwan Alsienofsky*, and many Noble-men and Citizens, that would not take your part.

From *Samarof*, thou Miscreant didst proceed to the Town *Simbierske*, to which thou laidst a Siege, and tookst it by storm, doing much mischief there. Thou didst also send to many other Towns some of thy villanous Companions, by false Writings bearing them in hand, that the Eldest Son of our Great Czar, of Glorious memory, our Czarawitz *Alexis Alexewitz*, Great Duke of the Greater, Lesser and the White *Russia*, was yet living, and that thou by Order of his Ma-

jesty, wast come to put to death as Traytors, all Bojars, Councillors, Noble-men and Officers, being in his Majesties service: whereas, on the contrary, the said Son of our Great Czar, departed this mortal life, and pass'd into the everlasting Rest of Heaven; and that in his Pallace, in the presence of his Lord Father, in the year 7178, alias 1670. the 17th of *January*; his Corps being buried in *Mosco* in the Cathedral of *S. Michel*, amongst his Progenitors, the very next day after his death, likewise in the presence of his Lord Father the Great Czar, and of the Lords the Patriarch of *Alexandria*, *Paysy*, and the Patriarch of *Mosco*, *Joseph*, and of many Metropolitans, Arch-Bishops, Bishops, Abbots, and Priests: which departure of our Lord *Czarawitz* of Glorious memory, is not only notorious here, but in other Kingdoms also. But *Thou Traytor* didst devise this with a designe to discompose the people, and to occasion the shedding of innocent blood.

Thou hast also craftily given out, as if the Monk *Nikow* was with thee; whereby thou hast scandalized many; for this *Nikow* was, by the Order of the Great Czar, according to the condemnation of the Patriarch, deposed from his Office, and sent to *Beelooser* into the Cloyster *Verapond*, where he yet is.

Moreover, thou didst also like, a *Villain*, send thy Associats and Traytors into the Army of the Bojar *Kneas Jurge Alexewitz Dolgo-roeck*, to intice them to joyn in Rebellion with thee: which designe yet, by the good providence of God, hath been frustrated.

But, *Thou Villain*, lying about the Town *Simbierske*, was't not able with all thy storming and cheating to effect any thing; forasmuch as by the goodness of God Almighty, and the aid of our blessed Lady the Mother of God, the comfort of the Christians, and upon the intercession of the Holy Father and Wonder-worker *Sergius*, and by the Military strength, and the prosperity of our Great Czar *Alexis Michalowitz*, Great Duke of all the Greater, Lesser, and the White *Russia*, as also of the Highborn Lord our *Czarawitz* and Great Duke *Jwan Alexewitz*; and likewise by the prudent and careful Conduct, and the valour of the Soldiery of our Great Czar; Thou *Villain* and *Traytor*, with thy Confederates and Abettors, hast been, neer the Town *Simbierske*, and in many other places, discomfited, and with a few of thy company didst then escape, and retreat downwards.

In many other places have the Inhabitants, upon thy villanous solicitations, rebelled, and kill'd their Governors, and thrown them into the water: And *Thou Villain* hast joyned thy self to the villany of thy Brother, and you together have fallen into divers Frontier-places, where you have shed much innocent blood, and done great mischief.

In which your divellish practises, you perfidious *Villains*, *Stenko* and *Frolko*, together with your Companions, did contemn and deride the Church of God, not understanding the Grace of the most Holy Mother of God, the Hope of Christians, and of the Holy Wonder-

worker *Sergius*; designing the ruine of the Imperial City *Mosco*, and of the whole *Moscovian Empire*.

You, with all your adherents went so far in your wickedness, that you refused to obey the Laws of our Great God, who is Glorious in Trinity, and slighted the Mother of our Lord Jesus Christ, the Hope of the Christians; putting all your confidence in your divellish practises: In which villainous design you have been engaged since the year 7175 (1667.) unto the year 7179 (1671.) *April 4th*; during which time you have shed store of innocent blood, without sparing that of poor harmless young Children.

*April 4th* of the year 7179 (1671) through the great mercy of the Almighty, and by the wise Conduct and the valour of the Army of the Great Czar, *Alexis Michalowitz*, Thou Villain wast taken prisoner, and hast been brought to his Majesty, and in the Examination and upon the Torture hast confessed thy Crimes: For which thy abominable Attempts and practises, committed against God Almighty, and against our Great Czar, *Alexis Michalowitz*, Great Duke and Defender of all the Greater, Lesser, and the White *Russia*, for thy Rebellion and Treason, and for the Ruine and Desolation caused by thee to all *Russia*, the Great Czar hath commanded, and the Bojars have assented, that thou shouldst be condemned to be Quartered.

Finis

*Printed by Tho. Newcomb, 1672*

СООБЩЕНИЕ КАСАТЕЛЬНО ПОДРОБНОСТЕЙ МЯТЕЖА,  
НЕДАВНО ПРОИЗВЕДЕННОГО В МОСКОВИИ  
СТЕНЬКОЙ РАЗИНЫМ \*

*Начало мятежа, разрастание его и коней.  
Описание того, как был захвачен сей мятежник.  
Вынесение ему смертного приговора и казнь*

Есть два рода казаков, одни называются запорожскими, другие — донскими. Первые издавна принадлежат владениям Королевства Польского и избрали себе пребыванием острова реки Борисфена, или Днепра. На той реке, на немалом расстоянии от города Киева, имеется скала, откуда вода падает с большой стремительностью и образует более пятидесяти островов. Скала, с которой падает вода, называется Порогом, и оттого казаки, проживающие на островах, что лежат за Порогом, зовутся запорожскими. Их дело оберегать Королевство Польское от набегов татар и иных врагов.<sup>1</sup>

\* Перевод Л. Е. Поляковой.

Говорят, что название «казак» происходит от славянского слова «коза», означающего живость, и что дано было оно тому народу по причине ловкости его и проворства.<sup>2</sup>

Донские казаки живут на известной реке Дон, называвшейся в древние времена Танаис, и принадлежат царю, или императору Московии и России, которому повинуются скорее по доброй воле, нежели по принуждению. Тот царь даровал им многие вольности, живут они по своим законам и сами выбирают себе правителя. Дарованные им льготы столь велики, что ежели какой раб убегает от российского дворянина или другого знатного лица и приходит к казакам, владелец теряет на него свои права.<sup>3</sup>

К донским казакам принадлежал и Стенька Разин, который за четыре года перед сим произвел мятеж против великого государя Алексея Михайловича.<sup>4</sup> Причиной или, скорее, поводом к возмущению была смерть брата Разина, казненного по приказанию боярина князя Юрия Долгорукого. В 1655 году сей князь воевал против поляков близ города Киева, имея под началом среди прочего войска и полк донских казаков. По пришествии осени полк тот, сочтя, что довольно он послужил в сражениях с врагом, изъявил командующему Долгорукому желание быть отпущенным, на что Долгорукий, наверное нуждаясь еще в его услугах, не дал своего согласия. Казаки не пожелали слушаться приказа командующего, а, поддавшись уговорам и следуя примеру старшего офицера своего, который доводился Стеньке Разину братом, убежали все до одного и разошлись по домам. Долгорукий же, будучи тем раздосадован до крайности, приказал схватить зачинщика и, когда приказание было исполнено, велел тотчас же его повесить.

Вот на какую причину разжигания им мятежа ссылался Разин под пыткой на дыбе: он, дескать, желал отомстить за смерть брата, казненного, по его разумению, безвинно. Но что сие есть только предлог, явствует из того, что восстал он не только против царя, но и против шаха Персидского, а о нем он никак не мог сказать, что терпел от него какие обиды. Итак, лишь злонамеренный и бунтарский дух Разина подвигнул его на подлое дело.<sup>5</sup>

Начало злодейскому замыслу своему положил он в 1667 году, разбойничая по реке Волге, где захватил несколько судов, груженых товарами, частью принадлежащих монастырям и духовным лицам, а частью купцам Ярославля, Вологды и других мест. Оттуда пошел он на город Яик и с помощью казаков своих взял его приступом. Вслед за тем двинулся он к Каспийскому морю, а оттуда возвратился на Волгу, где причинил немалый вред, воспрепятствовав лову рыбы и разорив много домов. После пошел он к городу Терки и далее к границе Персии, где нанес великий урон подданным как царя Московии, так и шаха Персидского.<sup>6</sup> Жители одного городка в Персии, прослышав о его приближении, укрылись в соседней крепости. Тогда Стенька известил их, что нет надобности им опасаться, и предложил воротиться, обещая, что

от него и людей его не будет им никакого зла, а что, дескать, они купят у них за деньги провиант и другие нужные им вещи. Жители воротились с полным доверием и открыли лавки, где Стенька и солдаты его покупали, что им требовалось, и платили сполна за купленное. Но вскоре Стенька подал знак казакам своим, а был у них уговор, что когда, идучи по базарной площади, сдвинет он шапку на условленный лад, то надлежит им броситься и перебить всех жителей, что в точности и было исполнено, а после повторено в других местах на границе с Персией.<sup>7</sup>

Желая положить конец возникшему злу, князь Иван Семенович [Прозоровский], тогдашний воевода, или правитель (waywode от governor) Астрахани, послал против него войско. И Стенька, зная, что он слишком слаб, и предвидя дурной для себя исход, принес повинную, на что воевода отвечал ему, что ежели отстанет он от грабежей и разбоя, то, надо думать, великий государь окажет ему милость. Стенька пришел вместе с казаками своими в Астрахань, и все они были больные и распухшие, потому что незадолго перед тем, когда осадили их персы на одном из островков Каспийского моря, принуждены были пить соленую воду. И вот наконец пришло ему прощение от великого государя, отпустившего все вины его, и Стенька обещал, что отныне он и его казаки будут верно служить государю и не станут более разбойничать на Волге, Каспийском море или в каких других местах.<sup>8</sup>

Оправившись после болезни, Стенька выказал щедрость жителям Астрахани. Когда ходил он по улицам, то бросал в народ золотые и другие награбленные им монеты, и оттого народ встречал его приветственными кликами, что как нельзя лучше соответствовало тогдашней его цели.<sup>9</sup> После он с сообщниками своими возвратился на Дон, где снова принимался творить злодейства против церкви: прогнал многих священников, чинил прелютствия богослужениям и вмешивался в церковные дела. Вот пример великолепной церемонии, установленной Стенькой, сим казацким папой. Вместо обычного свадебного обряда, совершавшегося в России священником, заставлял он венчающихся, приплясывая, обойти несколько раз вокруг дерева, после чего считались они обвенчанными на Стенькин лад. И еще выкрикивал он разные богохульные слова против спасителя и тотчас же нарушил клятву свою великому государю, которому только перед тем присягал на верность, и предал смерти много старых казаков, тех, кому совесть не позволяла пристать к его мятежу. Подобным же образом расправился он с тамошним правителем и с теми, кого посылал государь с посулами милости и прощения, да и с прочими людьми.<sup>10</sup>

С реки Дона вместе с приверженными ему казаками возвратился он на Волгу и пошел на город Царицын, где сумел убедить жителей, что вот-вот придет войско великого государя и перебьет их всех, когда на самом деле то войско шло им на подмогу

против Стеньки.<sup>11</sup> Город сдался ему, и он, войдя туда, убил правителя города и перебил всех жителей, на его сторону не передавшихся. После того он выступил из города навстречу государеву войску и разбил его, захватив и предав смерти командующего и многих других. И еще взял он город Черный Яр и убил там правителя города, всех офицеров и много солдат московских.<sup>12</sup>

Оттуда двинулся он на город Астрахань, расположенный в устье реки Волги, неподалеку от Каспийского моря. Город тот обнесен стеной и имеет в окружности более двух миль. Примыкающая к нему местность большей частью пустынная и от набегов врага ничем не защищена. Некоторое время перед тем Астрахань принадлежала татарам и после была отбита у них царем Иваном Васильевичем в 1553 году. Вокруг города не произрастают хлебные злаки, и все припасы доставляются туда из других мест. Астрахань превыше всего богата солью и рыбой. Из Каспийского моря люди, живущие на берегах его, получают большой запас соленой воды, из которой добывают горы соли. А Волга близ города более всех рек богата рыбой. Там ловят они огромных рыб — осетра и белугу, достигающих подчас трех морских сажень длиной, и одну такую рыбу едва могут поднять тридцать человек. В Астрахани большую торговлю ведут иноземные купцы — персы, индийцы, бухарцы, армяне и прочие. Гарнизон тамошний насчитывает в обычное время 12 тысяч солдат.

Подойдя к Астрахани, Стенька заслал туда нескольких казаков своих, дабы возмутить солдат против правителя города, и в том они преуспели, так как решено было город Стеньке сдать и его туда впустить, что и совершилось согласно его желанию.

Князь Иван Семенович Прозоровский, находясь в ту пору на богослужении в церкви, был оттуда выволочен и силой возведен на стоящую в астраханской крепости высокую квадратную башню, которая служит маяком и указывает путь тем, кто плавает в Каспийском море или странствует по обширным и пустынным полям, именуемым степью. С той высокой башни правитель города был свергнут вниз. Говорят, будто прежде чем сбросить его, Стенька прошептал ему какие-то слова на ухо, в ответ на что князь покачал головой. Итак, будучи, несомненно, прельщаем изменником передаться на его сторону и ответствовав на то отказом, князь принужден был совершить с вышины свой роковой прыжок.

Сразу же вслед за тем Стенька пустился грабить и убивать. Брата правителя города, многих дворян и прочих людей, не пожелавших пристать к его мятежу, он тут же изрубил, а также много голландских и других офицеров и нескольких моряков голландских, которые хоть и ушли в Каспийское море, но, говорят, будто схвачены были и убиты. Полковник Томас Бейли, подпол-

ковник Якоб Вандеров и другие, с оружием в руках защищавшие стены города, были преданы смерти, церкви, монастыри, дома богатых жителей разграблены, приказные бумаги сожжены, казна царства Астраханского захвачена. Многие иноземные купцы, которым случилось быть там в ту пору, персы, индийцы, турки и армяне, были преданы смерти наравне с прочими людьми. Обоих сыновей правителя города Прозоровского Стенька приказал повесить за ноги на крепостной стене, потом снять, и после один был мучительно умерщвлен, а другой избит до полусмерти и отвезен к митрополиту.<sup>13</sup> Жену и дочерей воеводы Стенька отдал солдатам, сообщникам своим в жены, а не захотят того — на поругание. Сие взятие Астрахани произошло июля 28 дня в году 1670.<sup>14</sup>

После того Стенька пошел на город Царицын, а оттуда на Саратов, и оба города сдались ему, правители их вместе со многими дворянами были преданы смерти, а казна разграблена.

То же было и в городе Самаре, откуда Стенька двинулся на город Симбирск, который сперва обложил, после брал приступом и сжег дотла, потеряв при том под стенами крепости большую часть казаков своих. Правитель тамошний боярин Иван Богданович Милославский с превеликим мужеством защищал крепость от изменника, и Стенька, выходявший дотле повсюду на Волге победителем, был здесь остановлен, а не случись того, пошел бы он, как намеревался, на царский город Казань, что неподалеку от Симбирска.

Хотя Стенька, будучи разбит и сам к тому же ранен, не мог продвигаться дальше и должен был вернуться на свою астраханскую стоянку (Astracan-Quartes), однако немало бед в России понаделали подсланные им люди, которые то тут, то там возмущали народ, подбивая на мятеж. В Галиче занялся было пожар, но вскоре был потушен. Близ города Устюга схватили и повесили нескольких подсланных Стенькой людей.<sup>15</sup> Повсюду обещал он народу вольность и избавление от ига (так он именова сие) бояр и дворян, которые, как говорил он, держат страну под гнетом.<sup>16</sup> В самой Москве люди открыто восхваляли Стеньку, полагая, что ищет он общего блага и свободы для народа. По той причине принужден был великий государь учинить примерную казнь нескольким смутьянам, дабы утратить остальных.

Человек один, уже в летах, будучи спрошен, что надобно делать, ежели Стенька подступит к стенам города Москвы, отвечал, что надобно выйти ему навстречу с хлебом-солью, а это, как известно, является в России знаком дружелюбия и приязни. Человек тот был схвачен и повешен.<sup>17</sup>

Почти в ту же пору привезен был в Москву один из главных приспешников Стенькиных, который возмущал по всей стране народ, подбивая оказывать неповиновение, за что и постигла мя-

тежника заслуженная кара: сперва отрубили ему руку и ногу, а после повесили.<sup>18</sup>

Стенька пускался на всякие злодейские уловки, дабы сокрушить Российское государство и прельстить простой народ.

В числе прочих хитростей измыслил он снарядить два судна, одно из них было выложено изнутри красным бархатом, и Стенька известил всех, что на судне том находится блаженный памяти царевич Алексей Алексеевич, старший сын великого государя, который скончался еще в году 1670 января 17 дня на глазах отца своего в московском дворце и на другой день погребен был в соборной церкви святого Михаила. С превеликой дерзостью Стенька объявил, будто царевич жив и бежал к нему. И чтобы приукрасить свою ложь, держал он на судне том отрока лет 16, потомка одного из пятигорских черкесских князей, которого захватил в плен, когда прежде разбойничал. Сей юный князь получил теперь прощение от великого государя, ибо принуждаем был силою выдавать себя за высокую особу; и ныне проживает он в Москве в доме князя Якова Куденетовича Черкасского. Дабы подкрепить вымысел свой, Стенька пустил слух, будто царевич, бежав от злодейских рук бояр и князей, укрался у него, присовокупляя, что он, Стенька, по велению великого государя, идет предать смерти всех бояр, дворян, правителей и других высоких особ (наиболее приближенных к царю) как изменников и врагов своей страны. С помощью подлых уловок, им измышленных, Стенька воспламенял пребывающий в неведении народ, побуждая его драться отчаянно, а захваченные в плен принимали смерть с мужеством необыкновенным, будучи в твердом убеждении, что умирают они за правое дело.

В Смоленске повешен был человек, который говорил, будто умирает за то, что видел у Стеньки царского сына, тогда как на самом деле видел он лжецаревича.

Другое стенькино судно было все выложено изнутри черным бархатом, и Стенька известил всех, что на судне том находится Никон, прежний патриарх, который в 1666 году по приговору патриархов александрийского и антиохийского лишен был его величеством великим государем сана своего и сослан в Белозерский монастырь, где содержится и поныне.<sup>19</sup>

Посредством козней сих Стенька столь преуспел в своем умысле, что земли по Волге и далее в глубь страны вплоть до городов Алатыря и Арзамаса вовлечены были в мятеж. Число мятежников умножилось до двухсот тысяч. Часть черемисов, татар и все русские крестьяне, в тех местах проживающие и московским боярам принадлежащие, возмутились против своих господ и убивали и вешали их, и пожар мятежа охватил столь многие земли, что занялся уже в 12 милях от самой Москвы.

По той причине великий государь собрал большое войско и, поручив главное начальство над ним князю Юрию Алексеевичу

Долгорукому, послал его в конце сентября на врага. Повстречав отряд числом в пятнадцать тысяч человек, князь Юрий Долгорукий вступил с ним в бой, и хотя мятежники сражались храбро и, будучи рассеяны, трижды снова сплывались, однако же под конец были разбиты и обращены в бегство, потеряв великое множество убитыми, а еще более — взятыми в плен и без промедления подвергнутыми казни. Шесть пушек достались Долгорукому, который, расположившись лагерем близ города Арзамаса, творил строгий суд над мятежниками.<sup>20</sup>

Место сие являло зрелище ужасное и напоминало собой преддверие ада. Вокруг были возведены виселицы, и на каждой висело человек 40, а то и 50. В другом месте валялись в крови обезглавленные тела. Тут и там торчали колы с посаженными на них мятежниками, из которых немало было живо и на третий день, и еще слышны были их стоны. За три месяца по суду, после расспроса свидетелей, палачи предали смерти одиннадцать тысяч человек.

Долгорукий, оставаясь сам на месте расправы, разделил войско свое на несколько отрядов, которые преследовали, разбивали и рассеивали Стенькиных казаков. Спасением для России и великой милостью божией было то, что мятежники разделились и не могли решить между собой, кому вверить главное командование. Ибо ежели бы силы мятежников, число которых умножилось до двухсот тысяч человек, соединились и действовали согласно, нелегко было бы государеву войску противостоять им и одолеть их.<sup>21</sup>

Офицеры немецкие заслужили одобрение его величества за умелое командование своими людьми. Наиболее упорными оказались мятежники в селах Лысково и Мурашкино. Не раз пытались они взять приступом Макарьевский монастырь, и, хотя потеряли под стенами его немало людей, преуспели в том наконец благодаря измене одного еврея и после взятия монастыря предали смерти всех находившихся там монахов и захватили большую добычу, потому что из окрестных мест народ свозил туда свое добро для сохранности.<sup>22</sup>

Мурашкинцы держались стойко, а лысковцы скоро сдались, повинились и выдали тридцать мятежных казаков, в том числе племянника Стеньки Разина, за что и получили прощение.<sup>23</sup>

Среди прочих пленных была привезена к князю Юрию Долгорукому монахиня в мужском платье, надетом поверх монашеского одеяния. Монахиня та имела под командой своей семь тысяч человек и сражалась храбро, покуда не была взята в плен. Она не дрогнула и ничем не выказала страха, когда услышала приговор: быть сожженной заживо. Бегство из монастыря считается у русских преступлением ужасным, караемым смертью. Прежде чем ей умереть, она пожелала, чтобы сыскалось поболее людей, которые поступали бы, как им пристало, и бились так же

храбро, как она, тогда, наверное, поворотил бы князь Юрий вспять.

Перед смертью она перекрестилась на русский лад: сперва лоб, потом грудь, спокойно взошла на костер и была сожжена в пепел.<sup>24</sup>

И еще был приведен на суд один из главных Стенькиных сподвижников, первый его советчик, который был ему во всем опорой. Казнили его так: сперва отрубили руки и ноги, потом отсекали голову и повесили.<sup>25</sup>

Захваченных в плен имели обыкновение, вздернув на дыбу, спрашивать, ради чего замыслили они мятеж. Те отвечали, что намеревались они взять город Москву и истребить всех дворян и прочих господ. Девизом их было слово «нечай» (notschay), т. е. нечаянный, сие было намеком на то, что царевич Алексей Алексеевич как бы сошел к ним с неба неожиданно-негаданно.<sup>26</sup>

Таким образом князь Юрий Долгорукий в три месяца положил конец мятежу в местности, расположенной по реке Дон, но в иных местах пожар еще не утих, когда государь призвал его назад со всей его армией.

А тем временем его величество государь повелел князю Константину Щербатову выступить в Тамбов и усмирить свирепствовавших там мятежников, что милостью божией и было совершено. И так при помощи виселиц, костров, плахи, кровавых расправ (сверх казни одиннадцати тысяч, произведенной руками палачей) и того, что в сражениях истребили не менее ста тысяч человек, все пришедшие в колебание и взбунтовавшиеся земли были снова приведены к повиновению.<sup>27</sup>

Но возвратимся к Стеньке. Будучи разбит и обращен в бегство под Симбирском, он избрал себе пребыванием вольные просторы и оставался некоторое время в пустынной степи, передав одному из сообщников своих по прозвищу Чертов Ус (Sjorteuus, что означает «сустав дьявола») власть над Астраханью. Стенька меж тем скитался по степи, пока наконец не был захвачен и отвезен в Москву казачьим предводителем Корнилой Яковлевым и теми донскими казаками, которые хранили верность царю. Корнила Яковлев доводился Стеньке крестным отцом и всегда был почитаем им как родной отец, оттого Стенька и думать не мог, что человек сей замыслит против него худое. Но тот, кто был столь вероломен к своему государю, достоин подобной участи.

Стеньку схватили близ Царицына и везли двести миль в Москву. Весь долгий путь он был обольщаем надеждой, что будет говорить с самим великим государем и перед ним изустно защитит дело свое. Стеньке всегда казалось, что ему многое что надобно сказать государю, а тому важно сие знать.

Брат его Фролка во всю дорогу пребывал в крайнем унынии, будучи, верно, не столь закоренелым злодеем, сколь Стенька, ко-

того винил он во всем содеянном. Раз как-то Стенька, видя брата своего более удрученным, нежели обычно, стал утешать его, говоря, что когда привезут их в город Москву, будет оказана им великая честь, тысячи людей, и самые знатные тоже, выйдут им навстречу, потому что ждут не дождутся их увидеть.<sup>28</sup>

В миле от Москвы Стеньку ожидала заготовленная для сего случая телега, дабы привезти его в Москву, как он того заслуживал. В задней части телеги была воздвигнута виселица, с мятежника сорвали бывший на нем до того шелковый кафтан, обрядили в лохмотья и поставили под виселицу, приковав железной цепью за шею к верхней перекладине. Обе руки его были прикованы к столбам виселицы, ноги разведены. Брат его Фролка привязан был железной цепью к телеге и шел сбоку ее.

Таким образом прибыл Стенька с братом своим в город Москву, где ожидало его великое множество народа высокого и низкого звания. Так сбылось предсказание его о чести, которая выпадет ему, когда он вступит в город. И хотя утешал он брата своего честью сей, однако же сам, стоя на телеге, ни на кого не глядел, а держал лицо свое во все время пути склоненным.<sup>29</sup>

Обоих мятежников предали пытке, но в чем признались они, никому не ведомо, известно лишь, что Стенька горько сетовал на смерть брата своего, повешенного ранее по приказанию Юрия Долгорукого.

Фролка, другой брат его, будучи пытаем, оказал великую слабость духа, и Стенька, подойдя к нему, дабы укрепить его, сказал, что должно помнить ему, сколь многим пользовался он в жизни, что долго жил он среди друзей в чести и славе и имел под началом тысячи и тысячи, а потому надлежит ему нынче принять тяжелую долю свою с терпением.

Есть у русских такой род пытки: они выбривают у злодея макушку и по капле льют туда холодную воду, что причиняет немалые страдания. Говорят, когда Стеньку и брата его обрили, Стенька сказал: «Слышал я, будто только людей ученых обривают в священники, мы с тобой оба неученые, а все же дождалась такой чести, и нам обрили макушку».

Спустя четыре дня по прибытии в Москву повезли его с братом в крепость к месту казни. Там прочли ему смертный приговор, в котором перечислялись главные его злодейства. Стенька слушал приговор с видом безучастным и не проронил ни слова, а лишь стоял, потупя глаза в землю. Когда пришло время палачу приступить к делу, Стенька несколько раз перекрестился, обратившись лицом к церкви Пречистой богородицы казанской, что означает пресвятой божьей матери казанской. После того поклонился он трижды на три стороны собравшемуся народу, говоря «прости», что выражает просьбу о прощении. И вот зажали его промеж двух бревен и отрубили правую руку по локоть и левую

ногу по колено, а затем топором отсекали ему голову. Все было совершено в короткое время с превеликой поспешностью. И Стенька ни единым вздохом не обнаружил слабости духа.<sup>30</sup>

Брат его, придя на место казни, крикнул, что знает он слово государево, — так говорят, когда намереваются открыть тайну, которая может быть объявлена лишь самому царю. Когда спросили, что он имеет сказать, Фролка ответил, что про то никому нельзя знать, кроме государя. По той причине казнь отложили, и есть слух, будто открыл он место, где брат его, Стенька, зарыл в землю клад.<sup>31</sup>

Таков был конец Стеньки Разина. Говорят, что сподвижник его Чертов Ус, которому он передал власть над Астраханью, снова возмутил народ и предал смерти митрополита и других людей, противившихся замыслу его.<sup>32</sup> Господь всемогущий, да ниспослет великому государю Алексею Михайловичу победу над всеми его врагами.

Архангельск,  
сентября 13/23 дня 1671 года.  
На корабле «Царица Эсфирь».

*Смертный приговор, читанный Стеньке Разину на месте казни 6 июня 1671 года*<sup>33</sup>

Ты, злодей, богоотступник и бунтовщик донской казак Стенька Разин, в 7175 (1667) году, забыв страх божий и присягу на верность его величеству великому государю Алексею Михайловичу, государю и защитнику всяя Великия, Малыя и Белья России, произвел против него мятеж и, возмудив других казаков, пошел с ними на реку Волгу, дабы привести там во исполнение злодейский замысел свой. И придя туда, причинил ты великий убыток множеству людей, захватив насады — большие лодки, груженные соленой рыбой и солью, принадлежащие патриарху и монастырям. И еще захватил ты насады многих купцов и так грабил и разбойничал повсюду до самых стен Астрахани.

Ты, злодей, меж Астраханью и Черным Яром ограбил, убил и кинул в воду Семена Беклемишева, воеводу (waywood) великого государя, посланного к тебе для переговоров. И такое же злодейство учинил ты над офицером московским Сивцовым, который послан был к тебе того же ради.

А когда прислали к тебе из Астрахани в город Яик воеводу и двух московских полковников с солдатами, дабы склонить тебя по добру отстать от разбоя и принести повинную государю, ты полковников тех повесил, и вместе с казаками твоими ушел из

Ялика, и пошел от моря на Волгу, и, идучи туда, разорял все рыбные промыслы и сжигал поселения татар.

Ты, злодей, приходил к городу Тарки, и было от тебя немалое разорение в тех местах, а также и в части владений шаха Персидского. Придя на Каспийское море, ты грабил жителей Персии и отнимал товары у купцов, а то и убивал их. А также разорил ты несколько городов в Персии и тем посеял великую рознь меж двумя царствами. И еще солдаты астраханские убили по твоему наущению полковников своих, пристали к твоему мятежу и чинили многие мерзости в местах разных.

А в 7177 (1669) году правитель Астрахани князь Иван Семенович Прозоровский послал против тебя воеводу (waywood) князя Семена Львова с государевым войском, которое обступило тебя со всех сторон, и, видя сие, ты, злодей, отрядил к воеводе тому двух главных приспешников своих просить великого государя ото всего войска, чтоб его величество смилостивился и отпустил вам вины ваши, обещаясь, что после того вы воротитесь домой, и отстанете от разбоя, и будете верно служить царю, и меж великим государем и шахом Персидским не станете более сеять рознь, а также не станете грабить на Волге или Каспийском море. И те казаки за все войско в том клятву дали и послали к его величеству семь человек просить о помиловании (какое и было даровано), и войску твоему разрешено было по добру уйти из Астрахани на реку Дон, место твоего постоянного пребывания, и после всего того ты, злодей, позабыв такую к себе милость и снисхождение великого государя, едучи по Волге, снова по пути разбойничал и, придя в Царицын, избил воеводу и всякое разорение чинил.

А в 7178 (1670) году, придя на Дон, ты, злодей, вместе с приверженными тебе казаками, забыв страх божий, отступя от святой кафолической апостольской церкви, говорил про спасителя нашего Иисуса Христа всякие богохульные слова и не велел ставить церквей на Дону и служить в тех, которые имелись, и прогнал священников всех, и если кто желал венчаться, ты вместо обычного свадебного обряда заставлял обходить вокруг дерева.

И также ты, злодей, забыв про милость, которую удостоил тебя и сообщников твоих великий государь, снова задумал измену, и восстал против его величества, и пошел на реку Волгу, творя злодейства свои, разбойничая и убивая как и допреж того, и особо грабя и предавая смерти старых и верных казаков, не пожелавших передаться на твою сторону и не дававших согласия своего на черные дела твои.

А также ты убил и пометал в воду всех тех, кого великий государь посылал с милостивыми грамотами к казачьему предводителю Корнилу Яковлеву и иным донским казакам. И всех прочих посланных велел избивать до смерти.

Уйдя с реки Дона вместе с приверженными тебе казаками, ты пришел к городу Царицыну и обманно убедил жителей тех мест, что государево войско идет всех их перебить, тогда как то войско шло им на подмогу против тебя и злодейств твоих, и город тот, поддавшись измышленному тобой прельщению, сдался и тебя впустил. Придя туда, ты изрубил воеводу Тургенева и всех жителей, не пожелавших пристать к тебе, и покидал их в воду. После того ты снова выступил из города против войска великого государя, и обманно разбил оное, и пометал в воду полковника Ивана Лопатина, подполковника Федора Якшина и других, сперва предав их мучению. И еще ты захватил государевы суда, груженные хлебом, и пограбил многих купцов. Из Царицына ты пошел на Черный Яр и убил там правителя Ивана Сергиевского, и всех офицеров, и много солдат московских.

Явившись под стены Астрахани, заслал ты в город нескольких злодеев казаков твоих, и они прельщали солдат сдать город и выдать тебе боярина и воеводу и преуспели в том. После того солдаты астраханские передались тебе и по твоему приказу выволокли боярина и князя Ивана Семеновича Прозоровского из церкви, и ты скинул его вниз головой с высокой башни и приказал брата его и многих дворян, офицеров, солдат и купцов сперва предать мучению, а потом умертвить. И после ты грабил божьи дома, церкви и монастыри, а также государеву казну и многие дома высоких чинов людей, и сжег приказной палаты дела, и чинил разные, нигде не виданные доселе надругательства.

Сверх того, ты, безо всякого стыда, велел сорвать одежды со священников, монахов, монахинь и прочих лиц. И еще велел ты жестоко избивать многих людей, чтобы признались они, где прячут добро свое, не щадя при сем и малых детей. После ты предал смерти нескольких именитых купцов шаха Персидского и других иноземных купцов: персов, индийцев, турков, армян и бухарцев, приезжавших в Астрахань для торгового промысла и бывших там в ту пору, и грабил их товары, повергнув тем самым в гнев шаха Персидского.

А также ты, злодей, не насытясь кровью, продолжал проливать кровь самых что ни на есть невинных и, не совестясь, повесил на крепостной стене за ноги обоих безвинных детей боярина князя Ивана Семеновича Прозоровского, и сверх того мучения велел одного казнить, а другого избивать так, чтобы тому не быть в живых. И подьячих, которые служили великому государю и к злодейству твоему не пристали, велел ты предать лютой казни, приказав подвесить каждого за ребро.

И еще ты, злодей, истребив в Астрахани многих добрых людей, отдавал жен и дочерей их богомерзким приспешникам твоим на поругание, а священникам не велел венчать по архиепископскому благословию, ругаясь над божьей церковью и предписа-

ниями святых апостолов, ниспровергая таинство брака, а священников, которые не были тебе послушны, покидал в воду.

Ты, злодей, ограбил также казну великого государя в Астрахани и, учинив великое кровопролитие, ушел оттуда в город Царицын и после вверх по реке в Саратов, жители которого сдались тебе. И там ты ограбил хлебную казну государеву и большой запас провианта и предал смерти воеводу Кузьму Лутохина и многих дворян.

Из Саратова ты, злодей, упорствуя в злокозненном умысле своем, пошел на город Самару, который также сдался тебе, и ограбил там казну государеву, изрубив правителя Ивана Алфимова, многих дворян и прочих жителей, не передавшихся на твою сторону.

Из Самары ты, богоотступник, двинулся на город Симбирск и, обложив его, брал приступом и многие мерзости чинил. И еще ты засылал в разные города злодеев приспешников твоих, имеющих при себе прелестные письма, где значилось, что сын великого государя нашего блаженные памяти царевич Алексей Алексеевич, великий князь всяя Великия, Малыя и Белья России, жив и поныне и что ты по велению великого государя идешь предать смерти всех состоящих на службе у его величества бояр, дворян, воевод и офицеров будто за измену. Тогда как тот сын великого государя нашего, оставя земное царствие, преставился в вечный покой небесного царствия, и преставление сие было во дворце на глазах августейшего отца его в 7178 (1670) году января 17 дня, и на другой день тело его погребено было в Москве в соборной церкви святого Михаила вместе с прочими предками государевыми при августейшем отце его великом государе, и святейшем патриархе александрийском Паисии, и святейшем патриархе московском Иосафе, и многих митрополитах, архиепископах, епископах, архимандритах и священниках, и сия кончина блаженных памяти царевича ведома не только у нас, но и в других государствах. Но ты, изменник, умыслил такое дело, дабы возмутить народ и пролить невинную кровь.

И еще ты злонамеренно объявил, будто с тобой Никон монах, и смушал многих людей, ибо Никон тот по указу великого государя и приговору патриарха лишен был сана своего и послан на Белоозеро в Ферапонтов монастырь, где содержится и поныне.

И сверх того, ты, злодей, засылал приверженных тебе изменников в войско боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого, дабы прельстить оное пристать к твоему мятежу, но замысел твой по милости божьей не удался.

И когда ты, злодей, обложил город Симбирск, то не мог взять его ни приступом, ни обманом, ибо милостью божьей и пречистые богородицы надежды христианские и благодаря заступничеству преподобного отца чудотворца Сергия и силе воинской и счастливому промыслу великого государя Алексея Михайловича, великого

князя всея Великия, Малыя и Белыя России и благородного государя нашего царевича и великого князя Ивана Алексеича, а также благодаря осмотрительности, радению и доблестной службе войска великого государя тебя, злодея и изменника, вместе с приверженными тебе бунтовщиками под городом Симбирском и во многих других местах удалось разбить, и ты с многими людьми бежал и ушел вниз по реке.

И во многих других городах жители, поддавшись злодейскому твоему прельщению, возмущались и убивали воевод своих и кидали их в реку. И ты, злодей, соединясь в злодействе с братом своим, нападал вместе с ним на разные селения на границе, где пролил немало невинной крови и причинил великое разорение. И теми своими дьявольскими делами вы, вероломные злодеи Стенька и Фролка, вместе со своими единомышленниками ругались и надсмехались над церковью божьей, и, не ведая милости пречистыя богородицы надежды христианские и святого чудотворца Сергия, задумали погубить царствующий град Москву и все Московское государство.

И еще вы с приверженными вам людьми впали в такую мерзость, что, отступив от господ бога нашего, в троице славимого, и пренебрегши матерью господ бога нашего Иисуса Христа, возложили все свои упования на собственные дела дьявольские. И творили злодейства свои с 7175 (1667) года по апреля четвертого дня 7179 (1671) года, и во все то время пролили реки невинной крови, не щадя и детей малых.

Апреля четвертого дня 7179 (1671) года милостью всемогущего и благодаря осмотрительности и доблестному усердию войска великого государя Алексея Михайловича ты, злодей, был захвачен в плен, и привезен к его величеству, и на расспросе под пыткой признал все свои вины. И за такие твои злые и мерзкие дела против господ бога и против великого государя Алексея Михайловича, великого князя и защитника всея Великия, Малыя и Белыя России, и за произведенный тобой мятеж и измену, и за гибель и разорение, причиненные тобой всей России, по указу великого государя бояре приговорили тебя к четвертованию.

## КОММЕНТАРИЙ

<sup>1</sup> Борисфен — древнегреческое название Днепра. Каменная гряда пересекает Днепр между Днепропетровском и Запорожьем, где до 1932 г. было 9 порогов, затопленных сооружением плотины близ Запорожья в связи со строительством Днепрогэса.

В XIV в. в результате агрессии литовских феодалов юго-западные и западные земли когда-то единого Древнерусского (Киевского) государства попали под власть Великого княжества Литовского. Во второй половине XVI в. Литва и Польша соединились в одно государство — Речь Посполитую. От жестокого феодального и религиозного гнета польских и литовских панов множество крестьян бежало на юг, к днепровским порогам, где возникла казачья Запорожская Сечь.

К моменту, когда автор писал свое сочинение (1671 г.), Левобережная Украина входила в состав Русского государства. Днепровские казаки Левобережья со своим гетманом были подчинены России, а Правобережья — Польше.

<sup>2</sup> Еще первый переводчик Relation А. Станкевич отметил, что автор, видимо, искал объяснения неизвестного ему слова «соса» в немецком языке, причем смешал два сходно звучащих слова: *geist* = *spiritus* и *geisz* = *Ziege* = сарга (коза). (ОИДР, кн. III, Материалы иностранные, 1895, стр. 5).

В действительности слово «казак», «козак» — слово тюркского происхождения, означающее «вольный», «гуляющий человек», на половецком языке — «страж». Слово это вошло в славянский и затем в русский язык как определение вольного человека, воина, свободного от тягла (государственных повинностей).

<sup>3</sup> На Дон действительно стекалось большое количество крестьян, бежавших от крепостной неволи, из центральных и южных уездов государства. Область Дона находилась в составе Русского государства на положении автономной. В первой половине XVII в. там сложилась военная организация казачества в форме Войска Донского. Главным его назначением была охрана юго-восточных границ государства. Казаки стойко отстаивали свою независимость и сопротивлялись попыткам русских царей подчинить их. Решительный отказ получало стремление правительства возвращать беглых с Дона. Донцы твердо придерживались принципа «с Дона выдачи не бывает».

<sup>4</sup> С. Т. Разин был уроженцем донской станицы Зимовейской. Отец Разина, по всей вероятности, не был потомственным казаком, а переселился на Дон и вошел в среду домовитых (закиточных) казаков через кумовство с войсковым атаманом К. Яковлевым. Во всяком случае дядя Разина по отцу Никита Черток был жителем Воронежа и в разгар Крестьянской войны тоже сошел на Дон (Кр. война, III, стр. 13).

<sup>5</sup> Сообщение автора о казни брата Разина Юрием Долгоруким с указанием вероятной даты (1665 г.) и со ссылкой на показания самого С. Разина носит вполне правдоподобный характер, принимается историками за достоверный факт, хотя и не имеет каких-либо других подтверждений.

Прав автор и в том, что это обстоятельство не было единственной и тем более главной причиной выступления Разина против существующего строя. Однако далекой от действительности, идеалистической и продиктованной враждебным отношением автора к восстанию и его вождю является ссылка на «злонамеренный и бунтарский дух Разина».

Причиной Крестьянской войны и выступления С. Разина явились определенные объективные процессы социально-экономического развития и истории классовой борьбы в России в XVII в. (Об этом см.: И. И. Смирнов, А. Г. Маньков, Е. П. Подъяпольская и В. В. Мавродин. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. Л., 1966, стр. 94—104).

<sup>6</sup> В данном рассказе недостоверно только сообщение о взятии города Яика «приступом». Астраханский воевода И. А. Хилков 7 августа 1667 г. писал в Приказ Казанского дворца, что Разин, укрыв основную часть своего отряда, с 40 казаками подошел к Яику (ныне Гурьев) и просил пустить его в город «к церкви помолитца». Стрелецкий голова И. Ядун пустил Разина, и тогда казаки, захватив ворота, впустили в город все повстанческое войско. Местный гарнизон не оказал сопротивления (Кр. война, I, стр. 138).

<sup>7</sup> А. Попов, ссылаясь на книгу Шардана (*Chardin, Voyages du chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'orient*, v. X, Paris, 1811, pp. 135—138), относит этот случай к г. Ферабату (Попов, стр. 39—40).

<sup>8</sup> Согласно известию Л. Фабрициуса, С. Разин не сам «принес повинную», а воевода С. И. Львов, высланный с большими силами в Каспийское море навстречу Разину, передал ему «милостивую грамоту» царя, которую предводитель казаков принял, так как находился в бедственном положении (см. стр. 48).

«Прощение от великого государя», которое автор относит ко времени пребывания Разина в Астрахани, и есть «милостивая грамота» царя.

<sup>9</sup> Автор, как и другие иностранцы, не мыслит себе участия народа в восстании иначе, чем в результате подкупа и соблазна. Возможно, что этот штрих с дукатами не более как литературный прием. У нашего автора его заимствовал Стрейс, повторивший ту же сцену в своей книге (Стрейс, стр. 202). Других свидетельств, подтверждающих подобный факт, не имеется. Однако впечатление, произведенное на жителей Астрахани богатствами, привезенными казаками из Персии, засвидетельствовано Фабрициусом, Стрейсом и русскими источниками.

<sup>10</sup> О действиях Разина в отношении церкви и православных обычаев автор повторяет официальную правительственную версию — лишнее доказательство, что при написании Сообщения автор располагал источниками правительственного происхождения. Почти в каждой царской грамоте, касающейся любого вопроса, связанного с восстанием, предпринимались попытки религиозно-идеологической дискриминации повстанцев. Движение Разина увязывалось с сектантством. Самому Разину приписывалось возведение хулы на Христа, отрицание церкви и церковного пения, расправа со священниками и практика языческого обряда венчания «около вербы».

Вот один из многих случаев. В наказной памяти 1670 г. из Разрядного приказа воеводе П. Урусову между прочим сказано: «И тот вор и изменник Стенька Разин с товарищи, забыв страх божий и крестное целованье, от святые соборные и апостольские церкви отступили. И про спасителя нашего Иисуса Христа говорит он, Стенька, всякие хульные слова, и на Дону церквей божних ставить и никакого пения петь не велел, и священников з Дону збил и донским козаком у церквей венчаться не велел, а велел венчаться около вербы» (Кр. война, I, стр. 197).

Это же обвинение почти дословно повторено в приговоре по делу Разина: (там же, III, стр. 84).

Под «тамошним правителем» имеется в виду донской воевода Иван Хвостов, которого Разин, по словам приговора, «бил и изувечил и ограбил, и от тех побой умер» (там же). К числу посланцев царя с грамотами на Дон относится московский житель Герасим Евдокимов, направленный в марте 1670 г. в Черкасск с целью выведать сведения о готовившемся походе Разина. Разин разоблачил перед казацким кругом в Евдокимове лазутчика и, бив его «до полусмерти, посадил в воду в Дон реку» (там же, I, стр. 165).

<sup>11</sup> Имеется в виду отправка из Москвы для обороны Царицына тысячного отряда стрельцов под командованием головы И. Лопатина. Лопатин не знал о взятии Царицына Разиным, а Разин, перехватив царских посланцев с грамотами по городам, узнал о приближении Лопатина и внезапным нападением разбил его отряд.

<sup>12</sup> Речь идет о походе С. И. Львова из Астрахани и о событиях в Черном Яре (см. стр. 50—53). Львов был убит много позднее.

<sup>13</sup> Воевода И. С. Прозоровский при обороне Вознесенских ворот был ранен в живот и отнесен на ковре в соборную церковь. (Попов. Материалы, стр. 251). Там он был схвачен повстанцами и сброшен с крепостной башни в кремль.

У автора есть и ряд других неточностей. Брат воеводы, Михаил, был убит во время сражения у тех же Вознесенских ворот (там же; Кр. война, I, стр. 250). В данном случае автор повторяет версию источника — приговора.

Д. Бутлер, очевидец астраханских событий, сообщает, что английский полковник Томас Бейли был убит солдатами своего полка как только началась осада крепости разинцами (Бутлер, стр. 358). Бутлер и Стрейс сообщают, что подполковник Я. Виндронг входил в состав войска С. И. Львова, посланного вверх по Волге навстречу Разину (Стрейс, стр. 207, 353), а Фабрициус засвидетельствовал его убийство повстанцами в Черном Яре (см. стр. 51).

<sup>14</sup> Сообщение об отдаче солдатам жены и дочерей воеводы Прозоровского, очевидно, не более как повторение официальной версии правительственных грамот, ставивших целью дискредитацию восставших. В действительности дело обстояло, видимо, иначе. Об этом говорит то, что младший сын Прозоровского по просьбе митрополита был отдан матери (Попов. *Материалы*, стр. 255; см. также стр. 53). П. Золотарев сообщает, что вдова Прозоровского Праксавья Федоровна при воеводе Милославском «пойдоша в Москву», и тогда же было в Москву отправлено тело убитого в Астрахани старшего сына воеводы Бориса (там же). С другой стороны, в материалах следствия, которое вел в Астрахани воевода Одоевский, есть допрос Оринки Алексеевой, показавшей, что Одоевский, «взяв де нас всех (у Милославского, — А. М.) хочет отдать боярыне княгине Парасковье Федоровне» (Кр. война, III, стр. 211).

Наконец, по сопоставлении показаний ряда источников наиболее вероятным временем взятия Астрахани Разиным представляется время в ночь на 24 июня 1670 г.

<sup>15</sup> Речь идет о действиях в Галицком и других уездах лесного Заволжья повстанческого отряда И. Пономарева (он же И. Иванов). Отряд стремился пройти к Устюгу, но был разбит, а Пономарев схвачен и казнен. Позднее, когда Крестьянская война была подавлена в Среднем Поволжье, группы повстанцев проникали до Устюга Великого, но там были схвачены (Тихонов, стр. 270—282).

<sup>16</sup> Всего в одной фразе автор передает содержание так называемых «прелестных» грамот Разина. В этих словах заключен основной стержень социально-политической программы восстания: уничтожение феодального землевладения и его носителей — феодалов, как угнетателей народа. В период наивысшего развития Крестьянской войны, во второй половине 1670—начале 1671 г., «прелестных» грамот рассылалось значительное количество, но нам известно пока всего несколько (Кр. война, II, стр. 52, 65, 79, 91, 252, 407; III, стр. 285).

Лишь одна из них сохранилась в подлиннике. Именно в ней (сентябрь 1670 г.) с наибольшей определенностью проявились программные и тактические черты восстания: «Пишет вам Степан Тимофеевич всей черни. Хто хочет богу да государю послужить, да и великому войску, да и Степану Тимофеевичу, и я выслал казаков и вам бы заодно изменников вывадить и мирских кровапивцев вывадить» (там же, II, ч. 1, стр. 56).

Практически именно к этому сводились действия повстанцев. В одном из документов это выражено обобщенной, но четкой формулой: «А езда де они, воровские казаки, по уездам, рубят помещиков и вотчинников, за которыми крестьяне, а чорных де людей, крестьян и боярских людей, и казаков, и иных чинов служилых людей, никою не рубят и не грабят» (там же, стр. 109).

Обращения к народу с призывом к восстанию не составляли особенности только второго этапа Крестьянской войны. Из свидетельства Фабрициуса (см. стр. 48) видно, что с подобными призывами Разин обращался к населению Астрахани по возвращении из Персии в 1669 г. Тот же Фабрициус говорит об антибоярских настроениях повстанцев в Черном Яре и при подходе к Астрахани в июне 1670 г. (см. стр. 50—53). Стрейс обращение Разина к народу с призывом к выступлению против тиранов относит, насколько можно судить по его изложению, ко времени до событий под Черным Яром (Стрейс, стр. 204).

<sup>17</sup> Весьма ценно свидетельство автора о реакции низов населения Москвы на восстание Разина. Эти сведения получают подкрепление в отписках воевод и других лиц относительно волнений крестьян и посадских людей в подмосковных уездах (Кр. война, II, ч. 2, стр. 183, 190, 192, 194, 197).

<sup>18</sup> Обычно повстанцев казнили на месте сами полковые и городовые воеводы. Наиболее же видных участников восстания отсылали в Москву, где их подвергали дополнительным допросам под пыткой, а затем устраивали показательные казни, соответственным образом обставленные, когда публично зачитыва-

лись сказки (приговоры) с изложением вины казнимых. Кого из таких лиц имеет в виду автор, сказать трудно. В начале октября 1670 г. в Москву были привезены и казнены именно таким образом, как сообщает наш аноним, три ведущих участника взятия г. Острогожска — атаман Федор Колчев, есаул восставших Федор Агеев и казак Иван Казачек (Кр. война, II, ч. 2, стр. 53—55).

<sup>19</sup> Факт использования повстанцами в агитационных целях имен умершего царевича Алексея Алексеевича и опального Никона известен из многих русских источников, в том числе из сказки (приговора) по делу Степана и Фрола Разиных (Кр. война, III, стр. 86).

Отдельные «прелестные» письма писались от имени царевича Алексея, а в ряде захваченных повстанцами селений народ «целовал крест» царевичу Алексею (там же, II, ч. 2, стр. 168, 186). Царю, который дал себя обмануть боярам, противопоставлялся сын — невинная жертва боярского произвола.

В отношении Никона события не ограничились использованием только его имени. Из следственного дела о Никоне известно, что еще в 1668 г. в Ферапонтов монастырь, где был заключен низложенный патриарх, приходили казаки — посланцы Разина — с предложением Никону перейти на их сторону (там же, III, стр. 356, 358—359).

Лицом, представившим в стане разинцев царевича Алексея, по всей вероятности, был князь Андрей Черкасский, сын кабардинского мурзы князя Камбулата Пшимаховича. При взятии Астрахани разинцами Андрей попал в плен, был крещен и обучен грамоте. После подавления восстания с целью не оттолкнуть отца от его ориентации на Россию дело об Андрее Черкасском не было поднято. Но в дальнейшем известия о нем пропадают (там же, II, ч. 2, стр. 101; III, стр. 419). Сведения же о том, что и царевич Алексей и Никон ехали в составе войска Разина на отдельных судах, обитых бархатом красного и черного цвета, принадлежат только публикуемому нами источнику и получили широкое хождение в литературе о восстании Разина.

<sup>20</sup> Войско Ю. А. Долгорукого вышло из Москвы не в конце сентября, а 1 сентября 1670 г., т. е. в первый день нового года по летосчислению того времени (Кр. война, II, ч. 1, стр. 547).

Долгорукий был послан в Алатырь, но ему не удалось дойти до Алатыря. Спротивление повстанцев заставило его остановиться в Арзамасе. На первых порах сил у Долгорукого недоставало, и он был вынужден занять оборонительную позицию. Лишь начиная с середины октября его отряды начали наносить удары отдельным группировкам повстанцев (там же, стр. 161, 169, 171, 192 и др.).

<sup>21</sup> Это единственная в распоряжении историков общая цифра (200 000) участников восстания в период его наибольшего развития (конец 1670 — начало 1671 г.).

<sup>22</sup> Взятие повстанцами в середине октября 1670 г. Макарьевского Желтоводского монастыря в Нижегородском уезде — крупное событие в ходе Крестьянской войны на территории Среднего Поволжья. Монастырь был центром насильственной христианизации и форпостом царской власти в Поволжье.

Версия об измене некоего еврея как причине падения монастыря представляется маловероятной и не получает подтверждения в других источниках. Из материалов допроса 13 ноября 1670 г. людей стольника П. Годунова, сидевших в монастыре во время его осады, и из «Сказания о нашествии на обитель Макария Желтоводского» следует, что во время осады из монастыря бежали архимандрит и монастырские старцы, а меньшая братия и служки — «черный поп Лаврентий, прозвище Гудок, да конюшей старец Иродион» — сообщили об этом повстанцам и открыли им ворота монастыря (Кр. война, II, ч. 1, стр. 266; Попов. Материалы, стр. 267—268). Преувеличением является и утверждение автора о предании смерти всех находившихся в монастыре монахов. В Сказании, резко враждебном к повстанцам, говорится, что «воры... начаша монастырь разоряти», а братию и служебников «на

плахи ко безглавию полагаху», но «кроме неповинныя пролити посечением не дерзнуша» (Попов. Материалы, стр. 268).

<sup>23</sup> В отписке 28 октября 1670 г. полкового воеводы Ю. А. Долгорукого сообщалось, что перед приходом в Лысково воевод К. Щербатова и Ф. Леонтьева «Лысковской съезжей избы подьячий Васька Петровский не со многими посадскими людьми изменников и воров, которые бежали з бою испод Мурашкина, переимав, посадили в тюрьму 64 человека» (Кр. война, II, ч. 1, стр. 206). Их-то и выдали воеводам. Ни о каком племяннике Разина Долгорукий не сообщает. Ничего не известно о нем и из других источников.

<sup>24</sup> Все, что мы знаем о славной дочери народа бесстрашной Алене, заключено в отписке Долгорукого от 6 декабря 1670 г. К нему наряду с другими «ворами» привели схваченную во время боя под Темниковом «вора и еретика старицу, которая воровала и войско себе збирала и с ворами вместе воровала, да с нею ж принесли воровские заговорные письма и коренья». «А вор старица в роспросе и с пытки сказала: Алению зовут, родиною де, государь, она города Арзамаса, Выездные слободы крестьянская дочь, и была замужем тое ж слободы за крестьянином; и как де муж ее умер, и она постриглась. И была во многих местах и людей портила. А в нынешнем де, государь, во 179-м году, пришед она из Арзамаса в Темников, и збирала с собою на воровство многих людей и с ними воровала, и стояла в Темникове на воевоцком дворе с атаманом с Федькою Сидоровым и ево учила вдовству». «И мы, холопи твои, — сообщает Долгорукий. . . — вора старицу за ее воровство и с нею воровские письма и коренья велели зжечь в струбе» (Кр. война, II, ч. 1, стр. 367).

Взяв за основу своего рассказа этот или подобного рода источник, автор сообщает об Алене ряд дополнительных сведений, почерпнутых, очевидно, из слухов, ходивших в Москве, или из рассказов иностранцев, участников подавления восстания.

Алена не была единственной женщиной-предводительницей повстанцев. На допросе у Долгорукого повстанческий есаул А. Осипов, ссылаясь на вести, слышанные им от казаков, между прочим сообщил, что «в Шатцком де уезде ходит баба-ведунья, вдова, крестьянка Темниковского уезду Красной Слободы, и собралось де с нею воровских людей 600 человек» (там же, стр. 129).

<sup>25</sup> Неясно, о ком идет речь. В декабре 1670 г. по приказу Долгорукого был повешен (о лишении конечностей не сказано) видный разинский атаман, предводитель одного из отрядов Василий Федоров (Кр. война, II, ч. 1, стр. 440). О казни в Москве в октябре 1670 г. трех предводителей восстания из Слободской Украины см. стр. 123.

<sup>26</sup> Действительно, как видно из ряда отписок городских воевод, с царевичем Алексеем у повстанцев было связано слово «нечай» (Кр. война, II, ч. 1, стр. 101, 145). Объяснение его смысла имеется только в данном Сообщении.

<sup>27</sup> Определение района действия карательной армии Долгорукого по реке Дон неточно. Долгорукий был главным воеводой карательных отрядов Среднего Поволжья, включая район верховий притоков Дона — Хопра, Медведицы и др. (район Тамбова). В Слободской Украине, включая верховья Дона, полковым воеводой был Г. Г. Ромодановский (Кр. война, II, ч. 2, стр. 7 и сл.).

Долгорукий был отозван в Москву в январе 1671 г. и 29 января был на приеме у царя Алексея Михайловича — «был у руки» (там же, стр. 545).

Воеводу К. О. Щербатова действительно направили под Тамбов, где он действовал против повстанцев совместно с отрядами воевод И. Бутурлина и Б. Мышецкого (там же, стр. 513). Восстание под Тамбовом было подавлено в начале февраля 1671 г. (там же, III, стр. 8). Возможно, источником этих сведений была наказная память из Разрядного приказа стряпчему В. Пушкину, посланному 8 января 1671 г. в полки И. Бутурлина и Ю. Долгорукого.

Мы не располагаем цифрами жертв расправы над восставшими и потому благодарны тем сведениям, которые сообщает наш автор. В описании характера расправы над повстанцами автор Сообщения далек от преувеличений.

<sup>28</sup> Из-под Симбирска Разин бежал в Царицын, а оттуда на Дон, в Кагальник, затем в Черкасск, а из Черкасска снова в Кагальник. В верховых городках им было собрано до 3 тысяч человек и предпринята неудачная попытка взять Черкасск, цитадель домовитого казачества. Еще ранее Разин заключил соглашение с калмыцким тайшой Аюком о совместном выступлении на украинные города. Выполнению этих планов помешали домовитые казаки. В середине апреля 1671 г. во главе с войсковым атаманом К. Яковлевым они осадили Кагальник и сожгли его. Степан Разин и его брат Фрол были схвачены и под конвоем отправлены в Москву (Кр. война, II, ч. 2, стр. 100, 101; III, стр. 33—34, 44, 59).

<sup>29</sup> Описание того, как везли Разина в Москву, и его казни дает полное основание полагать, что автор был очевидцем этих событий. Другой очевидец тех же событий, Я. Рейтенфельс, подтверждает его наблюдения: «Этого изменника везли в город прикованным цепями к виселице, на возвышении, точно в триумфальной колеснице, так, чтобы все его видели. За колесницей следовали беспорядочной толпой солдаты и пленники, улицы все были заполнены невероятным количеством зрителей, которых отовсюду привлекло из домов, одних — необыкновенное зрелище или негодование, а других — даже и сожаление» (Рейтенфельс, стр. 119). Аналогичные сведения, отличающиеся лишь степенью подробности описания конвоя Разина, имеются в письме английского купца Томаса Хебдона (см. стр. 130).

Из русских свидетельств известно только одно — письмо к вологодскому архиепископу Симону, в котором стряпчий Акинфий Горяинов, проживавший в июне 1671 г. в Москве, писал: «А ныне, государь, привезли к Москве донские казаки вора Стеньку Разина и с братом, и бояря ныне безпрестанно за тем сдят... А в город он везен: зделана ларь на четырех колесах, по краям поставлены два столба, да поперешное бревно, да над головою ево другое поперешное бревно; то он был на ларь поставлен, чтобы всякому было видно, а к бревнам и к столбам был прикован. А брат ево был прикован к ларе на чепях, а шол пеш, а ноги скованы...» (Вологодские епархиальные ведомости, 1867, Прибавления, № 20, стр. 688—689). Такое же письмо А. Горяинов направил своему брату — архимандриту Тотемского монастыря под Ярославлем (Ярославские губернские ведомости, 1872, № 38, часть неофициальная, стр. 144).

<sup>30</sup> Русских свидетельств о казни Разина не имеется. Стряпчий Акинфий Горяинов видел только приготовления к ней: «На Красной площади изготовлены ямы и колья вострены» (Ярославские губернские ведомости, № 38, часть неофициальная, стр. 144). В этой связи не лишено интереса одно место из Сказания Рейтенфельса: «А дабы предупредить волнения, которых царь опасался со стороны уцелевших случайно заговорщиков, площадь, на которой преступник понес свое наказание, была по приказанию царя окружена тройным рядом преданнейших солдат, и только иностранцы допускались в середину огороженного места, а на перекрестках по всему городу стояли отряды войск».

Подтверждая сведения публикуемого нами Сообщения, тот же автор пишет: «В темнице его (Разина, — А. М.) били кнутом, жгли огнем, капали ледяную воду на голову и подвергали еще многим другим утонченным пыткам. Тело его было уже все изъязвлено так, что удары кнута падали на обнаженные кости, и он все-таки пренебрегал ими, что не только не кричал, но даже не стонал и упрекал брата, разделявшего с ним страдания и менее выносливого, в малодушии и изнеженности». И в описании самой казни Рейтенфельс близок тому, что дает автор Сообщения: «А Стенька, выслушав сперва длинный перечень своих преступлений и смертный приговор, во всеуслышание объявленный судьбою, перекрестился, лег на смертную плаху и последовательно был лишен правой и левой рук и ног, и, наконец, головы...» (Рейтенфельс, стр. 119). См. также письмо Т. Хебдона (стр. 130).

<sup>31</sup> Сохранилась запись распросных речей Фрола Разина в Приказе тайных дел. Фрол объяснил: «Как де ево пытали во всяких ево воровствах, и в то де

время он второпях и от мног<sup>ой</sup> пытки в память не пришол». И поведал о том, что его брат, Степан, запрятал в засмоленный кувшин «воровские письма» и закопал его в землю «на острову реки Дону на урочище, на Прорве, под вербою. А та де верба крива посередке...» (Кр. война, III, стр. 94). Специально предпринятые по наказу царя полковником Г. Косаговым и дьяком А. Богдановым поиски закопанного кувшина на острове Прорва не дали результатов (там же, стр. 170).

Тем не менее казнь Ф. Разина была отсрочена почти на шесть лет. Б. Койэтт сообщает, что 26 мая 1676 г. он с некоторыми членами нидерландского посольства ездил за Москву-реку и по дороге «видел, как вели на смерть брата великого мятежника Стеньки Разина» (Посольство Кунраада фан-Кленка, стр. 514).

<sup>32</sup> Ус Василий Родионович, ближайший соратник С. Разина, первый атаман Астрахани после ухода из нее Разина в начале июля 1670 г. Астраханский митрополит Иосиф был казнен повстанцами 11 мая 1671 г. за изменнические сношения с царскими воеводами, Терекком и Доном. В. Ус умер в Астрахани в июне 1671 г. от тяжелого кожного заболевания (Кр. война, III, стр. 217).

<sup>33</sup> В 1701 г. в московском Кремле во время большого пожара сгорел архив Приказа Казанского дворца, в котором сосредоточивалась основная часть правительственной переписки и других официальных материалов о восстании Разина. Тогда же, видимо, погиб и подлинник приговора по делу Разина.

Опубликование в качестве приложения к Сообщению этого важного документа в 1671 г. на немецком и голландском языках, а в 1672 г. — на английском и французском было первым изданием приговора. В России первоначально стало известно французское издание, откуда А. Попов заимствовал приговор с приведением в сноске второй половины приговора из русской его копии, найденной до этого в Донских делах за 1671 г. (Попов, Материалы, стр. 227—235). Попов же установил соответствие французского перевода русскому тексту в той его части, разумеется, которая сохранилась (Попов, стр. 10). Это обстоятельство имело большое значение для использования приговора во французском переводе.

Но еще в 1729 г. в Лейпциге вышла книга Вебера «Преображенная Россия» (Weber, «Das veränderte Russland»), где в переводе с русского на немецкий дан текст приговора, который Б. Д. Греков считает ближе других к русскому оригиналу (Греков, стр. 204). В 1869 г. в Чтениях ОИДР, кн. I, была опубликована новая русская копия приговора, заимствованная из старинного рукописного сборника, снятая вскоре после суда над Разиным, но тоже с отсутствием начала — недоставало примерно четвертой части текста. В «Русском архиве» за 1872 г. помещен перевод записок Вебера. Начальная часть приговора дана здесь в переводе с текста, приведенного Вебером, а остальная (большая) — по публикации 1869 г. в Чтениях ОИДР. В Чтениях ОИДР (кн. III за 1895 г.) помещен перевод с английского издания 1672 г. Сообщения о восстании Разина с приложением приговора. Перевод сделан А. Станкевичем. В 1927 г. в ЛЗАК, вып. 34, Б. Д. Греков опубликовал приговор, начало которого составляет перевод из Вебера, сверенный с другим немецким переводом и несколько стилизованный под язык XVII в., а большую часть — текст из публикации ОИДР 1869 г. В 1931 г. в сборнике Центрархива «Крестьянство и националы в революционном движении. Разинщина» (М.—Л., 1931, стр. 252) впервые опубликован полный русский текст приговора, обнаруженный в книге копий Донских дел, озаглавленный «Список с скаски, какова сказана у казни вору, боготступнику и изменнику Стеньке Разину, имано для списку из Земского приказу». Этот текст приговора опубликован и в 1962 г. (Кр. война, III, стр. 83—87).

## НОВОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О КАЗНИ С. РАЗИНА

Письмо Томаса Хебдона к Ричарду Даниелю представляет собой описание казни С. Разина, принадлежащее иностранцу, бывшему в это время в Москве и, очевидно, видевшему казнь. Такие же описания, как указано выше, принадлежат автору Сообщения, Я. Рейтенфельсу и И. Марцию.<sup>1</sup> Тем самым получает еще одно подтверждение высказанная в литературе мысль, что ввиду распространения за границей слухов об успехах Разина и шаткого положения царской власти «русское правительство заинтересовано было в том, чтобы иметь свидетелей казни Разина из числа проживающих в Москве иностранцев...».<sup>2</sup> Вспомним в связи с этим слова Рейтенфельса о том, что к помосту, на котором производилась казнь, окруженному «тройным рядом преданнейших солдат», допускались только иностранцы.<sup>3</sup>

Письмо Т. Хебдона обнаружено С. А. Коноваловым в Государственном архиве Англии (Public Record Office, Russia, 91/3, f. 204) и опубликовано им в Оксфордских славянских записках.<sup>4</sup> В предисловии к письму С. А. Коновалов отметил, что Томас Хебдон был одним из наиболее влиятельных в Москве английских купцов, братом торгового посредника и посла Джона Хебдона (в русских источниках известен как Иван Гебдон), который в 60-х годах XVII в. был облечен полномочиями русского «комиссариуса и резидента», выполнял ряд деловых и дипломатических поручений и одновременно был доверенным лицом английской Русской компании и короля.

Адресат письма, Ричард Даниель, был английским торговым представителем и в течение многих лет резидентом в Риге.<sup>5</sup>

Примечательной особенностью письма служит то, что оно написано в день казни Разина, 6 июня 1671 г., т. е. буквально по свежим следам событий и под их впечатлением. Это один из аргументов, позволяющих нам взять под сомнение допущение С. А. Коновалова, что, «по всей вероятности, он (Хебдон, — А. М.) получил все сведения от очевидца, находившегося там, где разыгрывались события».<sup>6</sup> В письме есть одна фраза, в которой Т. Хебдон сообщает о пытках Разина, добавляя: «...но в чем признался он, пока до-

<sup>1</sup> Последний, по всей вероятности, получил сведения от какого-то очевидца событий (см. стр. 87).

<sup>2</sup> М. И. Сменцовский. К истории казни Степана Разина. Каторга и ссылка, 1932, № 3, стр. 133.

<sup>3</sup> Я. Рейтенфельс. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905, стр. 119.

<sup>4</sup> Oxford Slavonic Papers, v. XII, 1965, pp. 97—98.

<sup>5</sup> Там же, р. 4.

<sup>6</sup> Там же. С. А. Коновалов отмечает, что Т. Хебдон не ссылается на то, что лично видел описываемое им. Но у него нет и обратного — ссылки на то, что он получил сведения о привозе Разина и его казни от какого-то лица.

подлинно неизвестно. Ходят разные слухи, однако докучать пересказом их не стану». Если бы сведения о привозе и казни Разина автор получил от какого-то лица, едва ли бы он с такой определенностью противопоставлял слышанное от этого лица слухам.

В пользу нашего предположения говорит и общая обстановка: непосредственно к месту казни допускались только иностранцы, интерес которых к Разину, и тем более к казни, был очень велик.

Наконец, еще одно: необычайная конкретность описания, вплоть до многих деталей, которых мы не найдем у других очевидцев. Особенно касается это того, каким образом ввели Разина в Москву. Автор Сообщения и Рейтенфельс сосредоточивают внимание на положении Разина и его брата и их состоянии, указывая одновременно на большое стечение народа.<sup>7</sup> О том же говорится в письме А. Горяинова.<sup>8</sup> У Т. Хебдона при всем совпадении основных сведений подобного рода имеются и дополнительные штрихи: на виселице, под которой стоял Разин, была петля, от пояса Разина шла цепь, прикованная к обоим столбам виселицы, помост везли три лошади,<sup>9</sup> наконец, Разин был доставлен в Москву между 9 и 10 часами утра. Указан и день, когда это произошло, — пятница, предшествующая 6 июня, которая в 1671 г. приходится на 2 июня. Кроме того, Хебдон дает детальное описание конвоя, его состава и порядка следования. Из письма очевидно, что правительство придало акту привоза Разина в Москву характер торжественной публичной церемонии, знаменующей победу царской власти над силами, угрожавшими ее существованию. И предназначено это было, разумеется, не только для устрашения народа, но и для демонстрации несокрушимой мощи власти русского царя перед иностранными наблюдателями. Письмо Т. Хебдона — ценный источник, обогащающий наши сведения о трагическом конце второй Крестьянской войны в России — казни ее предводителя Степана Разина.

---

<sup>7</sup> См. стр. 114, 125.

<sup>8</sup> См. стр. 125.

<sup>9</sup> Совокупность всех имеющихся у нас описаний привоза Разина в Москву позволяет заключить, что приложенная к английскому изданию Сообщения гравюра точно воспроизводит эту сцену (см. стр. 94).

Nova Sloboda,  
ye 6th of June 1671.

Richard Daniell.

Sir, my last to you was of the 30th past, in answere to yours of the 11th ditto; these are only to give you notice that on Fryday last, the great Rebell Razin was brought in, in manner thus: a guard of about 300 soldiers on foote marcht before him with flying cullers, and lighted match but the mussell of there musketts downwards beehind him about the same number and in the same manner only but 6 cullers; then about him were a Partye of the Cazacks that took him, the cheife (by name Cornela Yakolowich) riding just before with his cullers, and all the rest likewise on horseback about 50 or 60, Razin himself placed upon a scaffold under a gallows standing with a chaine about his neck & soe thrown over the gallows with a halter hanging by it, then another chaine from his middle and fastened to each post of the gallowes where unto his hands were likewise fastened (upon his feete haveing only stockings); he was alsoe fettered; then on the scaffold was fastened another chain which was about his brothers necke, and beeing shackled had followed on foote; the scaffold being drawn with 3 horses, between 9 and 10 alocke in the forenoon hee was brought in and presently put to the pine, where the (sic) had about 30 stripes, beesides the tryall of the fire; but what confession hee made is not yett certainly known, severall reports there is, to tedious to relate, but the same day hee was condemned to suffer the next day, and preparation accordingly made for his execution, which after a long expectation, was put off till the Tewsday following; yesterday he was againe pined but not much; and to-day hee was brought to the place of execution where after a long scrowle read of all his Roguerry from the yeare 1663 to his being taken sentence of death was pronounced against him, and soe presently brought to the blocke which was in the open place beefore the castle, and there hee had his armes, his leggs, and then his head cut off which were presently sett up upon 5 poles, the trunke of his body left upon the earth to bee eaten by the doggs — a fitt death for such a villaine. His brother stood by till execution was done and was then carryed backe to the pine where he was againe pined and then returned to prison; what will be his sentence as yet not known, though as many poles were provided for him as for his brother. This is the certaintye for the present — what may further come forth wee must waite a little tyme, and as occasion serves I shall advise you. Soe take leave and rest,

Yours to serve you,  
Thomas Hebdon,

*Приписка на поле:* It is reported that Astracan hath sworn allegiance to his Majestie which if true I hope those troubles will bee at an end.

*Oxford Slavonic papers,*  
v. XII, 1965, pp. 97—98.

Т. ХЕБДОН. ПИСЬМО РИЧАРДУ ДАНИЕЛЮ.\*

Новая Слобода,<sup>1</sup>  
июня 6-го дня 1671 г.

Ричард Даниель.

Сэр, мое последнее к вам письмо было от прошедшего 30-го в ответ на ваше от 11-го того же месяца. Сим я лишь хочу известить вас, что в прошлую пятницу<sup>2</sup> великий мятежник Разин был доставлен сюда таким образом: впереди шел конвой из 300 пеших солдат с развевающимися знаменами, зажженными факелами, но опущенными книзу дулами мушкетов. Позади Разина тем же порядком шло почти то же число солдат, но знамен было всего шесть. Окружал Разина отряд захвативших его казаков, перед ним верхом ехал со своим знаменем казачий предводитель (по имени Корнила Яковлев), остальные казаки, числом 50, а то и 60, были тоже на лошадях. А сам Разин на помосте под виселицей стоял с цепью вокруг шеи, и конец цепи был переброшен через верхнюю перекладину виселицы, у самой петли. От его пояса шла другая цепь, прикованная к обоим столбам виселицы, к тем же столбам были прикованы и руки его. Ноги (в одних только чулках) тоже были закованы. От помоста тянулась еще одна цепь, которая охватывала шею его брата, шедшего в оковах пешком. Помост везли 3 лошади. Разин был привезен между 9 и 10 часами утра и тотчас же предан пытке: сверх 30 ударов плетью он был пытан огнем, но в чем признался он, пока доподлинно неизвестно. Ходят разные слухи, однако докучать пересказом их не стану. В тот же день его присудили к казни, которую назначили на следующий день, и для того были сделаны должные приготовления, но после долгого ожидания казнь была перенесена на вторник.<sup>3</sup> Вчера его снова пытали, но недолго, а сегодня привезли на место казни, где ему прочтен был длинный свиток с перечнем всех его преступлений от 1663 года<sup>4</sup> до того дня, как его захватили, и объявлен смертный приговор. Тут же его подвели к плахе на площади перед крепостью и там отрубили руки, ноги, потом и голову и насадили их на пять кольев, а туловище оставили на земле, псам на съедение — смерть, достойная такого злодея.<sup>5</sup> Его брат стоял тут же до конца казни,

\* Перевод Л. Е. Поляковой.

потом был уведен на пытку, снова питан и брошен опять в тюрьму. Каков будет ему приговор, еще неизвестно, хотя для него заготовлено столько же кольев, сколько и для его брата.<sup>6</sup> Вот все, что пока знаю, а что за тем последует, увидим в скором времени, и как только представится случай, я извещу вас. На сем кончаю и прощаюсь с вами

Ваш покорный слуга  
Томас Хеддон.

*Приписка на поле:* Доносят, что Астрахань поклялась в верности его царскому величеству, и ежели это так, то я надеюсь, что всем смутам пришел конец.<sup>7</sup>

## КОММЕНТАРИЙ

<sup>1</sup> Новая Слобода, — по всей вероятности, новая Немецкая Слобода, основанная в 1652 г. на Яузе на месте сгоревшей в период интервенции. Она была основным местом поселения в Москве иностранцев, выходцев из Западной Европы (История Москвы, т. 1, М., 1952, 488—490).

<sup>2</sup> Пятница перед 6 июня 1671 г. приходится на 2 июня, а день казни Разина — на вторник, как это верно указано ниже в письме Хеддона. Эти данные подтверждают автором анонимного Сообщения: «Спустя четыре дня по прибытии в Москву повезли его с братом в крепость к месту казни» (стр. 114) — со 2 по 6 июня прошло четыре дня.

<sup>3</sup> О приготовлениях к казни и о том, что казнь была несколько отсрочена, сообщает и Горяинов: «... по оба дни сказано ему вершение, по се число не вершен» (Вологодские епархиальные ведомости, 1867, Прибавления, № 20, стр. 689).

<sup>4</sup> Приговор начинает изложение действий Разина с 1667 г., с похода на Волгу и Каспийское море (Кр. война, III, стр. 83).

<sup>5</sup> И. Мардий пишет: «... его голова, руки и ноги были надеты на заостренные колья, а туловище, брошенное (ради его позора и в пример другим) собакам, терзаемое и пожираемое ими, представляло отвратительное зрелище» (М. И. Сменцовский. К истории казни Степана Разина, стр. 132). Позднее останки Разина были перенесены в Замоскворечье, на Болото, и воткнуты на колья «до исчезновения» (Кр. война, III, стр. 366). Член голландского посольства Б. Койэтт ездил смотреть их еще в 1676 г.

<sup>6</sup> О следствии по делу Фрола Разина и его казни см. стр. 126.

<sup>7</sup> Распространение слухов, опережающих прекращение восстания в Астрахани, очевидно, исходило из правительственных кругов. Цель их ясна: успокоение народа и достижение желательного для правительства впечатления за рубежом. В действительности Астрахань перешла в руки правительственных войск только 27 ноября 1671 г.

## РЕЛЯЦИЯ Л. ФАБРИЦИУСА О ЕГО ПОЕЗДКАХ В ПЕРСИЮ ЧЕРЕЗ РОССИЮ В КОНЦЕ XVII в.

Опубликование «Краткой реляции» Л. Фабрициуса дает в руки исследователей и всех интересующихся историей нашей Родины не использованный еще в русской литературе источник о русско-шведских отношениях в последние два десятилетия XVII в., а в более широком плане — источник по истории персидского вопроса в русско-европейских отношениях XVII в.<sup>1</sup>

Стремление ряда европейских государств, в том числе Швеции, к установлению транзитной торговли с Персией через Россию для получения шелка, сырья и шелковых тканей, а в ряде случаев и к заключению политического союза с шахом против Турции составляет существенную часть персидского вопроса в русско-европейских отношениях XVII в.

В начале XVI в. в Персии сложилось централизованное государство Сефевидов, достигшее наибольшего могущества на рубеже XVI и XVII вв.<sup>2</sup>

Касаясь торговли европейских держав с Персией, исследователь мусульманского Востока В. В. Бартольд писал: «В мировой торговле Персия могла играть только второстепенную роль, потому что караванная торговля не занимала главного места, а морская торговля с Персией была для европейцев только дополнением торговли с Индией, дававшей наибольшие выгоды».<sup>3</sup> И все же, как говорит тот же автор в другой работе, «несмотря на изменение путей мировой торговли, торговля с Персией и в эту эпоху еще имела для европейцев некоторое значение. Европейские купцы приезжали в Персию главным образом для покупки гилянского шелка... и драгоценных камней».<sup>4</sup>

Весьма существенную роль в экономической и политической жизни Европы и Ближнего Востока в XVI и XVII вв. играла огромная Турецкая империя. К началу XVII в. Османская феодальная империя раскинулась на трех материках. В ее границы были насильственно включены обширные территории юго-восточной Европы, Передней Азии и Северной Африки.<sup>5</sup> Турецкое завоевание привело к заметному падению торговли по Средиземному и Черному морям и к значительному сокращению торговых связей между Европой и странами Востока. Турецкие правители стремились извлекать выгоду из транзитной торговли армянских, греческих и других купцов, налагая высокие таможенные сборы. Приход турок к восточному побережью Средиземного моря и затем к Черному и Азовскому морям вызвал для купечества европейских стран необходимость искать обходные пути с целью транзита товаров с Вос-

<sup>1</sup> В шведской литературе Реляция использована, см.: E. Ekegård. Studier i svensk handelspolitik under den tidigare frihetstiden. Upsala, 1924; T. J. Agne. 1) Europa upptäcker Ryssland, Stockholm, 1944; 2) Swenskarna och österlandet. Stockholm, 1952.

<sup>2</sup> Всемирная история, т. IV. М., 1958, стр. 556—565.

<sup>3</sup> В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 759.

<sup>4</sup> В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 111—112.

<sup>5</sup> Всемирная история, т. IV, стр. 544.

тока в Европу. Несомненным свидетельством этого служит то, что с 1475 по 1700 г. около 50 европейских путешественников, оставивших нам свои записки, посетило Русское государство с целью разведки возможности транзита товаров с Востока и на Восток через территорию России.<sup>6</sup> Именно Россия в силу своего исключительно благоприятного положения как плацдарма между Востоком и Западом привлекала внимание европейских правительств и торгового капитала Европы. Транзит шелка через Турцию обходился дорого. Турецкие султаны, установившие государственную монополию на торговлю персидским шелком, брали пошлину в размере 100% стоимости купленного товара. Провоз того же шелка через Россию хотя и был не менее длительным и не менее опасным из-за постоянных грабежей на дорогах, обходился все же дешевле, особенно по условиям 1667 г.<sup>7</sup>

Помимо экономических соображений, в основе стремления европейских государств к контакту с Персией через Россию лежали и соображения политические: опасность экспансии Турецкой империи вынуждала искать союза с Персией против Турции.

Все вместе взятое и объясняет энергичные попытки Англии, Нидерландов, Франции, Голландии, Польши, Пруссии, Австрии и некоторых других государств Европы к установлению дипломатических и торговых связей с Персией через Россию.<sup>8</sup>

Но эти же интересы ближайшим образом затрагивали и Россию, ставшую в XVII в. сильным феодально-самодержавным государством с более слабым, чем в Европе, но все же высоко развитым торговым капиталом. Торговля персидским шелком была царской монополией. Она приносила прибыли не менее 50%. Некоторые товары экспорта в восточные страны, в том числе в Персию, — пенька, смола, юфть, сало и соболиные меха — составляли тоже монополию казны.<sup>9</sup> Сколь была выгодна торговля персидскими шелками, видно из «Скаски» 1620 г. одного русского купца: «А которые государевы люди шолк купят в Кызылбашех...<sup>10</sup> по 15 и по 16 руб. пуд, и они, пришед в Ярославль, продают немцам в 50 и 60 руб. пуд, а у города (Архангельска) и по 70 руб. пуд и болши».<sup>11</sup> Понятно поэтому, что царское правительство и русские торговые люди стремились удержать экспорт и реэкспорт шелка в своих руках, всячески оттесняя от этого иностранную агентуру.

Заинтересованность в торговле шелком с Россией и через Россию проявляла и Персия, давним и страшным врагом которой была Турция.

Член шведского посольства Кильбургер, побывавший в России в 1674 г., сообщает, что «шах очень неохотно видит, что ежегодно идет караванами в Алеппо через Турцию еще значительное количество (шелка), которое потом продается из Смирны, Триполя, Александретты и других мест в Италию и Францию, ввиду того, что наибольший его враг — турок — извлекает из этого такую большую пользу и этим увеличивает свою казну; он потому тем более и старается отвлечь эту торговлю и всецело направить ее в Россию».<sup>12</sup>

<sup>6</sup> А. Зонненштраль-Пискорский. Международные торговые договоры Персии. М., 1931, стр. 88.

<sup>7</sup> См. стр. 134; Б. Г. Курц. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесению Родеса. М., 1914, стр. 157, 209.

<sup>8</sup> Об этом см.: Е. С. Зевакин. Персидский вопрос в русско-европейских отношениях XVII в. Исторические записки, 1940, № 8, стр. 132—156.

<sup>9</sup> А. Зонненштраль-Пискорский. Международные торговые договоры Персии, стр. 87, 93—94.

<sup>10</sup> Кызылбаши — «красноголовые». Так в России в XVI—XVII вв. именovali всех персов по головному убору, имевшему двенадцать красных складок, который носили племена сторонников Исмаила Сефевиды, основателя государства, в знак принадлежности к шиизму (религиозная секта).

<sup>11</sup> Цитирую по: Е. С. Зевакин. Персидский вопрос..., стр. 130.

<sup>12</sup> Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, стр. 149—150.

Естественно, что при таких обстоятельствах торгово-дипломатические связи между Россией и Персией продолжали крепнуть. Г. Котошихин писал, что в его время шла оживленная торговля «с персидскими купчинами шелком-сырцом и вареным и всякими тамошними товарами в Астрахани, в Казани и на Москве».<sup>13</sup> При Алексее Михайловиче в Китайгороде был открыт Персидский торговый двор. Неоднократно направлялись посольства в Персию. А в 1667 г. в результате переговоров с прибывшими из Персии представителями Армянской торговой компании С. Ромодановским и Г. Лусиковым русское правительство дало этой компании жалованную грамоту на право торговли шелком в России и вывоза его в Европу через пограничные и портные города Архангельск, Новгород, Смоленск. За ввозимый в Россию шелк, начиная с Астрахани, налагалась пошлина с продажи товара, в общей сложности не превышающая 15<sup>0</sup>/<sub>100</sub> от его стоимости, и пошлина за провоз товара.<sup>14</sup> В ответ на жалованную грамоту 1667 г. представители Армянской компании дали свою записку, подтверждавшую взятые ими обязательства. Совокупность обоих документов придавала отношениям между Россией и Персией характер взаимного договора.<sup>15</sup>

Осуществлению условий соглашения 1667 г. помешало восстание С. Разина. Привилегии Армянской компании вызвали и отрицательную реакцию русского купечества. Когда в 1673 г. Г. Лусиков в качестве шахского посланника и представителя Армянской компании вновь появился в Москве, царское правительство, стремясь в интересах казны и русского купечества использовать выгоды от посредничества между Персией и Западной Европой и желая получать валюту, привозимую из Европы, потребовало предоставления ему права закупать у армян шелк для дальнейшего вывоза за рубеж.<sup>16</sup> Политические же соображения, связанные с возросшей турецкой опасностью, не позволили полностью исключить персидский транзит шелка через Россию в Европу:<sup>17</sup> Россия видела в Персии возможного союзника против Турции. Эти же мотивы определяют позицию русского правительства начиная с 70-х годов XVII в. в отношении домогательств европейских держав завязать торговые и политические связи с Персией через территорию России.

В XVII в. за русский рынок и транзитную торговлю через Россию боролись прежде всего два наиболее передовых государства Европы — Англия и Голландия. В середине столетия третьим соперником в борьбе за русский рынок выступила Швеция, усилившаяся в итоге Тридцатилетней войны с Германией. Но еще задолго до этого в периоды мирных отношений с Россией Швеция неоднократно стремилась получить право торговли с персидскими купцами и транзита в Персию. Этот вопрос всплыл при заключении Столбовского мира 1617 г. На домогательства шведской стороны русские дипломаты отвечали, что «в Персиду свейские торговые люди преж того не хаживали и впредь тому быть нельзя». По Столбовскому договору право проезда через Россию в восточные страны — Персию, Турцию и Крым — получили только послы, посланники и гонцы Швеции при условии, если Россия находится с этими странами в мирных отношениях. Торговым людям, даже в составе посольства, проезд был закрыт.<sup>18</sup> Такое положение сохранялось длительное

<sup>13</sup> Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1859, стр. 120.

<sup>14</sup> СГГ и Д, ч. IV, № 56.

<sup>15</sup> А. Зонненштраль-Пискорский. Международные торговые договоры Персии, стр. 101.

<sup>16</sup> СГГ и Д, ч. IV, № 83.

<sup>17</sup> До 1676 г., несмотря на формальное право, армяне не пропускались даьше Москвы. С 1676 г. их начали пропускать в Архангельск, а с 1687 г. — в Европу через Новгород (Е. С. Зевакин. Персидский вопрос..., стр. 161; см. также: E. Ekegård. Studier i svensk handelspolitik...).

<sup>18</sup> И. П. Шаскольский. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.—Л., 1964, стр. 109.

время. При каждом переговорах о возможности заключения русско-шведского союза против Польши — в 1618, 1634 г. — шведская сторона в числе экономических условий неизменно выдвигала требование свободного проезда купцов Швеции в Персию.<sup>19</sup> Немало усилий в этом отношении прилагали шведские резиденты в России.

После Тридцатилетней войны, завершившейся Вестфальским миром 1648 г., Шведское государство прочно закрепилось на южном берегу Балтийского моря, которое стало внутренним морем Швеции. С этим обстоятельством связан проект шведского правительства о переводе русской торговли из Архангельска на Балтийское море через Новгород и балтийские порты. Попытка шведского резидента в Москве К. Поммеренинга соблазнить такой перспективной голландских и английских купцов не имела успеха, так как пошлины и фрахт через Архангельск были меньше, чем через Балтику. В самом деле, при торговле через балтийские порты европейские государства имели бы дело со Швецией и Данией, тогда как в Архангельске — с одной Россией.

Не удалось и другому резиденту, Родесу, убедить в этом Россию.<sup>20</sup> При отсутствии у России собственных портов на Балтике перенос внешней торговли на Балтийское море означал бы передачу ее под контроль Швеции.

В основе стремлений Швеции проникнуть на восточный, и в частности Персидский, рынок лежит развитие ее промышленности и торгового капитала. Крупные торговые фирмы Ньюена, Ревеля и Риги готовы были вложить свои капиталы в это дело.<sup>21</sup>

После короткого перерыва на время военных действий 1656—1658 гг., когда Швеция выступала против России на стороне Польши, а Россия приняла безуспешную попытку отвоевать выход к Балтийскому морю, мирные отношения между двумя государствами возобновились, что получило закрепление в Кардисском мирном договоре 1661 г. И по условиям этого трактата в Персию могли проезжать только дипломатические представители Швеции.

В середине столетия царское правительство под давлением русского купечества и в его интересах проводит ряд мер по ограничению иностранной торговли в России. Но уже с конца 60-х годов, после окончания войны с Польшей и в связи с возрастающей для России турецкой опасностью, русское правительство в целях сближения и усиления антитурецких сил встает на путь частичного послабления в персидском вопросе. Это послабление касалось ряда стран Запада и Востока, но прежде и больше всего Персии и Польши. С 80-х годов, когда столкновение с Турцией стало реальностью, Россия из политических соображений, не считаясь с ущемлением экономических интересов казны и русского купечества, допускает расширение транзита персидских товаров в Европу. В эту орбиту попадает и Швеция.

Установление непосредственных торговых сношений Швеции с Персией принадлежит как раз Л. Фабрициусу, а его «Краткая реляция» и является тем документом, который рассказывает нам об этом. Фабрициусу, умело использовавшему политическую ситуацию, удалось добиться осуществления и другого плана шведского правительства — переноса торговли Персии со Швецией из Архангельска в порты Балтийского моря. С 1687 г. персидских армян пропускали через Новгород и Нарву в Швецию и далее на запад.<sup>22</sup> Такой оборот дела был выгоден и для персидской стороны, поскольку путь в Европу через Балтику был ближе, нежели через Архангельск.

Как видно из Реляции, Фабрициус вел переговоры с шахом о разрыве Персии с Турцией и выступлении против нее (стр. 151). Но Швеции, далеко

<sup>19</sup> К. Якубов. Россия и Швеция в первой половине XVII в. Чтения ОИДР, кн. III, М., 1897, стр. 91.

<sup>20</sup> Б. Г. Курц. Состояние России..., стр. 131—132, 191—196, 231—232.

<sup>21</sup> Е. С. Зевакин. Персидский вопрос..., стр. 153.

<sup>22</sup> E. Ekegård. Studier i svensk handelspolitik..., ss. 91—92.

расположенной от Турции, ни к чему было вмешиваться в борьбу с Османской империей, а потому все переговоры с Персией на эту тему были не более, чем тактическим маневром, ставившим целью добиться благосклонного отношения России к транзиту персидских товаров в Швецию.

Пропуская армянских купцов в Европу через балтийские порты, Россия тем самым удовлетворяла обе стороны (Швецию и Персию), но по-прежнему препятствовала проезду шведских купцов в Персию. Уступка, следовательно, была частичной. И все же таким образом русское правительство, если не получило в лице Персии и Швеции союзников в борьбе с Турцией, на что могло надеяться (по крайней мере в отношении Персии), то во всяком случае могло рассчитывать на благожелательный нейтралитет обоих государств.<sup>23</sup>

Итак, Реляция Фабрициуса содержит ценный материал о повороте в русско-шведских мирных отношениях в аспекте персидского вопроса в последние почти полтора десятилетия XVII в. Ее содержание, однако, не сводится только к этому. Реляция дает ряд интересных наблюдений и суждений, касающихся русской дипломатической среды конца XVII в., не лишённые интереса характеристики как русских государственных деятелей, так и иностранных дипломатов при русском дворе. Реляция вскрывает атмосферу дипломатической борьбы европейских государств за влияние на русский двор.

Мимо Реляции Фабрициуса не пройдет, видимо, и историк Ирана. Пусть автор не дает здесь ничего нового и неожиданного, но показ лиц и дипломатической кухни шахского двора, предпринятый дипломатом, приехавшим добиться вывоза персидского шелка в Швецию, несомненно, вносит своеобразие в описание торгового и политического мира Персии конца XVII в. Эги наблюдения дополняются Записками Фабрициуса, дающими, с одной стороны, ряд бытовых штрихов, связанных с его первым невольным пребыванием в Персии в 1670—1671 гг., а с другой стороны, — описанием прибытия его как посланника в Персию в 1680 г. (стр. 62—68 и 73).

Реляция составлена как отчет о ходе исполнения и результатах троекратной дипломатической миссии ее автора. Отличие Реляции от Записок особенно заметно там, где говорится о первой поездке Фабрициуса в Персию (стр. 72). Реляция лишена ряда подробностей и касается только дипломатической и правительственной сфер и существа самих переговоров с представителями государственного аппарата России и Персии.

Время написания Реляции неизвестно. Публикатор документа С. А. Коновалов не дает ответа на этот вопрос. Вероятно, «Краткая реляция» написана вскоре по окончании третьей миссии, т. е. в первые годы XVIII в. Начавшаяся Северная война и прекращение дипломатических и торговых связей Швеции с Персией через Россию могли быть причиной для подведения итогов предшествующего периода.

Подлинный экземпляр «Краткой реляции» хранится в Шведском государственном архиве (Riksarkivet: Collection Persica). Мы воспроизводим Реляцию по изданию С. А. Коновалова, где она дана на языке подлинника. Публикатор сообщает, что при подготовке текста к печати им внесена пунктуация, упразднен диакритический знак «у», текст разбит на абзацы.<sup>24</sup> В дополнение к этому внесены изменения, указанные во введении к Запискам Л. Фабрициуса (стр. 13).

<sup>23</sup> Е. С. Зевая к и н. Персидский вопрос. . . , стр. 150—151.

<sup>24</sup> Oxford Slavonic Papers, v. VI, 1965, pp. 95—101.

L. FABRITIUS. KURTZE RELATION VON MEINE  
DREI GETHANE REISEN

[1679—1682]

Anno 1679 den 30 Junü wurde ich zum ehrsten Mahl nach Persien geschicket, um zu vernehmen, ob es myglic wehre den persianischen Handell durch Ruslandt auf Sweden zu bringen, welches ich auch mitt allen Fleis verrichtet habe. Allein weilen die Herren Persianer wenig Kundtschaft von Sweeden hetten, war es sweer, denen Leuten beyzubringen, was Sweeden vor ein Königreich undt beqwemes Landt war vor dero Komertien.

Nun haben die Reusen vor fielen Jaren grosen Fleis angewendt, umb den persianischen Handell durch ihre Lander zu bringen; nun hätten die Persianer ein Tractat mitt dem Türcken, das ihre Wahren solten auf undt durch die Türckey gehen als auff Smirna undt andere Sehestaätte. Weilen aber die Reusen mitt grosse Ambassaden undt Presenten es dahin brachten, so haben die Perser ein Commerci Tractat mit dem Reusen gemacht, nemligen, das die persische Untertahnen solten auff undt durch Reuslandt midt ihre Wahren Handell undt Wandell treiben, alls nemlig durch Reuslandt auff Novigrott oder auf Smolensk oder auff Argangel.

Dieses Tractat habe gern von Reusen haben wollen, habe es aber durch Geld nicht können bekommen, weilen sie den Sweden diese forteilige Commertien nicht geünnen wolten, sondern wiesen die Persianer nach Argangell. Das ehrste Mahl, das diese Persianer auf Argangell reisten, hedten sie ein Kargesun von 400 Balen Seide. Weilen es aber mitt Franckreich undt Hollandt Krich war, hedten die Hollander woll 2 od[er] 3 von ihre Konvoyschiffe bey der Argangellsche Flotte, könnte aber nicht verschlagen, sondern die Fransosen nahmen die guten Persianer beim Kopp undt declarirten die Seide vor Preys, weilen sie auff deho Feinde Schiffe wahren gewehsen; dieses tähte den Persianer grosen Schaden, wurden auch bange, weiter auff Reuslandt zu handeln.

Ich bekam endtlig das Commercie Tractat, so sie mitt den Reusen gemacht hätten. Da wiese ich ihnen, mit was vor grosen Forteil sie die Reise auf und durch die swedischen Provintien könten tuhn, worauf einige sich resolvirten, nach Narva zu gehen. Wie sie aber zu Mosko kamen, wurd es ihnen abgerahten von Reusen wie auch von andern Nationen, ja gar von schwedische Untertahnen, mitt Bericht, das in Schweden keiner ihnen ein Bahlen Seide wurd abkauffen.

Mitlerweil war ich von meiner ehrsten Reise in Stockholm angekommen mitt diese guten Verrichtung, das der König in Persien sich geneigt erkläerte undt befolen hätte, das seine Untertahnen midt ihre Wahren solten uber Schwedische Provincien dero Handell treiben undt fordtseßen.

Weilen hirauff aber noch kein Effect geschehen, wurde ich innerhalb sex Wochen wieder vordtgesandt: nemlig Anno 1683 an dem Zarn wie auch an dem König in Persien, Schag Souliman.

Bey meiner Ankunft in Mosko wurde ich mit 50 weise Ferde vor meine Swite eingeholet undt auff dem Gesanthofe gelogiret. Nach drei Tage kam ein Schreiber aus der Posollisgen Prekas oder Cancelley, sagte einen Grus von dem Bojaren Knes Wasili Wasilevits Gallittsin mitt Befehl, das ich alls Morgen bey dero Zarige Magesteten komen zur Oudiens solte. Es stande 2 Regimenten Strelittsen von dem Gesantenhouse bis an die Zarentreppe gerengiret auff beyden Seiten. Wie ich hineingefuhret wurde, sasen beyde Zaren auff ihrem Thron. Auff beyden Seiten stunden sex junge Herren mitt weise Kleider undt grose Schlachswerter in der Handt haltend, alls wen sie wolten zuhauen.

Nach vermelten Grus gab ich die Kreditiff. Da standen die beiden Zaren auf, fragten nach des Königs seine Gesuntheit undt wie lange es were, das ich von dem Könige wehre. Hierauff sagte mier der Bojar Knees Wasili Wasilivits Galittsin selber, es hetten Ihre Zarisge Magesteten bevolen, meine Kreditiven zu translätiren. Darauff solte ich Conferens haben.

Wie ich den auch nach dreien Tagen wurde zu dem Bojaren auffgeholet mitt dieselbige Ferde, so im Einholen gehabt. An der Treppen stunden 2 Diacken mitt ein Hauffen Edleute. Sie furten mier gleich zu dem Bajaren in ein schön Gemach. Da stont eine kleine Tafell, mitt eine von Seidene undt midt Goldt durchwirckte Tapet belegt. Der Herr Boiar bate mir zu sitsen. Ich wolte mir an dehr einen Seiten setsen, aber ehr nahm mier bey der Handt undt settste mich obenan. Selbst setste ehr sich zur Rechten undt der Cansler zur Linken, welcher schel sahe, der Boiar ahber sagte, der Herr Abgesanter ist von unsern Herren Nachbar, dem Könige in Schweden, geschicket in alle Liebe undt Freundtligkeit; ehr representiret einen grosen Potentaten. In dieser Converens wurde mier alle Assistans laut die Pacta zugestanden.

Innerhalb 14 Tage reiste ich von Mosko undt nach ein Jahrs Reyse arrevirte ich in Hispahan. Was zu schreiben wehre von dehr Persianer Landt, Sitten undt Leben, ist genuchsahm beschriben; ich bleibe bey meine Verrichtung. Nachdem die Prasenten wurden auffgezeignet, kam der Mehemandar, oder Sermonimeister, bestimmte miher zur Königlichen Audiens undt zur Mahlzeit, den es ist bey denen Persianern der Gebrauch: wen man Audiens hadt gehapt, wirdt man getracktirt.

Um ein par Stunden kam der Mehemandar wieder undt berichte, wie das einige Jahren keine feyne Zobeln wehren gebracht worden, undt weilen ich vor 4000 Rubell Zoblen hette, begehrte ehr eynige Zimmer zu haben vor dem Könige, den der Minadsi, oder Sternseher, hette gesagt, es wehre eine glucklige Stunde, Kleider vor dehm Könige zu

machen. Ich lies die Zobeln volgen. Den andern Mittag hette dehr König ein Pels von meinen Zoblen an.

Wie meine Kreditiven waren getranslatiret, hette ich Audiens bey dem Großwesier. Der fragte nach fielen Umstenden, wie weidt Schweden von dannen wehre, undt wie weidt Schweden von Reuslandt wehre, ob die Reise zu Wasser oder zu Landt getahn muste werden. Wie ich ihm hierauff geburend Bericht getahn hette, gab ehr mir nach fielen Diskursen, das ich mich wolte beliben lassen, mitt dehm Stathalter von die Christen zu sprechen, weilen diese Leuten Europa undt die Commertien an besten bekindt wehre.

Nach etslige Tagen kam der armenisge Stathalter bey mir, berichte, wie das ehr Ordre von dem Groswesir hätte bekommen, um mitt mier zu überlägen, wie der Handell von Persien durch Reuslandt auff Schweden am besten könte eingerichtet werden. Weilen es aber eine Sache were von grose Wichtigkeit, so müste ehr einige von die principahlsten Kauffleuten dahrzu fordern lassen, wolte mier also wissen lassen, wen sie wurden zusammenkommen.

Nach etsligen Tagen sante der Stadthalter zu mir, lies mier ersagen, ob ich ihnen die Ehre tuhn wolte undt kommen zu dehero bewuste Converens. Ich seünte nicht lang, seste mich zu Ferd. Wie ich bey dem Stathalter kam, waren dahr wol 20 von die eltsten undt vermögensten Leuten versamlet. Dehr Stathalter nach vielen Komplimenten batt mier, auff ein Stuhl zu sittsen, ehr aber undt alle die andere sassen auff die Erde. Hierauff stundt dehr Stathalter auff undt segnete sich mitt dem Creüts undt sagte: «Auf Befehl Schag Soliman seint wier hier versamlet, um eine Unterrichtung von dem Hern Envoye zu begiären, wie und auff was Weise unsere Negotianten können den Handell auff Sweden vortsedtsen, den wier haben es mit unseren grosen Schaden erfahren, wie vor einige Jahren unsere Mitbruder auff Reuslandt undt so weiter über Argangell nach Holland gehen wolten; allein das Ungelück traff ihnen, das die Fransosen die Flotte gans ruwenirten undt nach Dunkürcken auffbrachten, welches uns ein unwiderbringlichen Schaden verursacht hatt, den die Cargesun bestundt von 400 Bahlen feine Seide, wolten sie sich also hinfüro wol prekawiren weiter auff oder durch Reüslandt ihre Wahren zugehen lassen.

Hierauff gab ich ihnen zur Antwort, das was geschehen, were schwerlig zu verändern; sie hädten sich nicht sollen von die Reüsen, Holländer undt Engelländer so verführen lassen, den dero bester Wech wehre über Novogrot undt so auff Narwa oder Rewel undt so weiter auff Lybeck über die Ostseh, zumehr weilen der Zar ihnen schriftlich versprochen, durch seine Lender hin undt her ihre Negotien zu treiben mitt Versicherung vor Wasser undt vor Brandt, undt was vor Ungelägenheiten mehr sein könten, so lang seine Lender sich streckten. Also könten sie sich von diese Sekuritet bedienen undt wurden nicht minder von dem König in Schweden zu gewarten haben. Wen sie mit ihre Wahren würden nach Narwa kommen, würde man sie vor andere Nationen mit Furzeüg versehen; doch wen von dehero Waren solten nach

Stockholm begärt werden, solten sie die vor allen anderen ihnen die zukommen lassen. Dabey versprach ich ihnen zwey Jahren Freyheit im Zoll auff königlichen Befehl. Doch hette ich viel mitt den Leüten zu tuhn undt nicht so viel mitt die Persianer, als mitt obengenante Europeer. Sie gaben for, die Schweden weren Leüte, die nuhr mitt den Dehgen wusten umzugehen undt wusten von keine Komertien, hiltten auch selten Parol. Ich könte ahber nicht dahrhinten kommen, welche Nation es sein möchte, die mihr so verhinderlich in meine Sachen waren — wie wol sie alle nichts Gutts vor mihr procurirten. Ich begerte zu wissen von die Herren Armener, welche die sein möchten, die so übell von die schwedische Nation gesprochen hetten; ich wolte ihnen das Maul baldt stopfen. Weilen diese Leüte aber von vielen Jahren hero ihre Gewerbe mitteinander haben, so blieb es dabey. Ich liß es aber an den Groswesier gelangen, das weilen die armenische Kouffleüte wol gesonnen wehren, um ihren Handell durch die schwedische Provinzien vortzusetzen, nur das sie von ein oder ander Verleünder würden abgeschreket, so wolte ich mich selbst so lange in Pfande setzten, bis sie eine Reise getahn hätten, worauff der Groswesier zur Antwort gab, es wurde die gröste Unbiligkeit sein, weilen mein allergnädigster König schreibt an dem König in Persien, seinen Herren, das man mihr in allen meinen Anbringen Trey undt Glauben solte zuställen; also solten die Kauffleüte mitt mihr ihn Gesellschaft ihn Gottes Nahmen nach Schweden reysen.

Hierauff meinte ich gleich meine Depege zu haben, allein es werhte noch über zwey Jahr, den der König war von lustiger Humör, wolte zu unterschiedlichen Mahlen Unterredung mitt mihr halten, da ehr mihr den frage, wie allt der König in Schweden wehre undt wieviel Soldatenn ehr hette undt wieviell Krigesschiffe ehr hätte undt ob es nun Friede mitt dem Könige in Dänmarck were undt ob unser König die Prinsses bekommen hätte, da sie so lang um Krig geführet hätten, den sie waren in dehr Meinung, das der Krig wehre entstanden um die Prinsses halben, worauf ich ihnen berichte, das der Krig keinesweges um die Prinsses, sondern umb andere wichtige Statsraisons wehre gewehsen undt das der König, mein allergnädigster Herr, die Prinsses in seine Armen hätte, wie das Godt sie auch schon mitt Erben begabet hette. Hierauff frage mier der König, wieviel Weiber der König in Schweden hette. Ich antworthe eyne, worauff ehr hertslig fing an zu lachen undt sagte: «Eyn König ein Weib, wie ist das myglig!». Der Groswesier, der sagte: «Ja, es ist bey denen Christen der Gebrauch, das sie sich mit eine [m]üssen vergnügen lassen». Der König sagte wieder: «Aber ein König mit ein Weib». Das dachte ihm eine unmyglige Sache zu sein.

Hierauff lies der König eine Schale Wein geben, tränck seines gutten Freundes des Königs in Schweden Gesundheit, frage mihr, ob ich die Gesuntheit aus die Hasarpesa wolte bescheiden tuhn (die Hasarpescha ist ein groser Leffel von Goldt, da ungefehr etwas mehr als eine Kanne ingehet). Ich sagte, das ich meines Herren Gesuntheit gerne trincken wolte, allein der Docis wehre vor mihr zu viel auff einmahl. Hierauff

sagte der König: «Ich weis, das die Frengi nicht so viel trincken», lies mir eine kleine guldene Schale geben. Wie ich getruncken hätte, fürte mir der Memandar wieder an meinen Orth. Wie [ich] ein wenig gessen hette, kam der Memandar wieder undt sagte: «Der König begiäret mitt dier zu reden». Ich stunt auff, kam vor dem König, neichte mich. Er winckte mitt der Handt undt sagte: «Kom was nader», so fragte ehr mir, ob der König in Schweden auch Krig mitt dem Keyser hätten gehabt, wie auch mitt Polen undt Reuslandt. Ich sagte, wie undt das der König, mein allergnädigster Herr, von alle ihre Nachbaren einige Provintien in Krige erobert hetten, besitsen sie auch noch, worauff ehr zu dem Großwesier sagte: «Ehr hadt genommen undt behält, was ehr hadt, nicht so, wie der König in Franckreich, der nimt fiel undt morgen gibt ehr's wieder». Wie hiernach zimlich getruncken wurden, stundt ich auff, der Mehemandar kam zu mir, meinte, das ich mitt dem Könige reden wolte, allein ich ersuchte, weilen es spaet wehre, um nach Hause zu gehen. Ehr sagte: «Gehe mitt Godt! Was weiter vorfallen wirdt, werde ich dier zu wissen tuhn».

Nach etslige Tage kam der Mehemandar zu mir undt sagte, es wurde der König in etslige Tage wieder ein gros Festen machen, ehr wolte dem Osbecksen Gesanten zur Oudiens kommen lassen. Ich fragte, ob ich ein Memorial solte verfärtigen, um meine Verrichtung undt Abscheidt zu befordern. Ehr antwortete mir: «Ja, ehr zweifelte ahber, das ich wurde so baldt Abscheidt bekommen, es wehre noch kein Jahr, das ich wehre dahr gewehsen.

Nach etsligen Tagen kam der Mehemandar zu mir undt sagte, der König hette bevolen, ich solte kommen undt Salts undt Brott mitt ihm essen. Es waren auch von Europereyn eyn Keuserliger Ertsbischoff, Bastian Knap genant, ein Polnischer Conte de Sieri, wie auch ein Russischer undt eyn Portegies; über alle diese würde ich geplattsiret bey dem Groswesier. Hierauf protestirte der Mouskoviter; der Memandar aber sagte zu ihm, es wehre hier ein königligs Gemach undt es wehren alle des Königs angenähme Geste; ehr solte sich nur lustig erzeigen undt dem Könige kein Verdrus antuhn.

Der Tarteher, oder Osbegscher Gesanter, kam bis auff den halben Sahl, settste sich auff die Knie undt so vermelde ehr ein Grus von seinen Herrn, begerte einen Securs wieder ihre Feinde, welges ihm auch versprochen wardt. Es wurde braff herummer getruncken bey gutter Mussic undt Danserrinnen. Wie der König ungefehr genuck hätte, kam der Mehemandar undt wenckte uns, das es nun Zeit wehre, um aufzustehen. Wier gingen unsere Wege ohne einige Sermonie, welges bey den Persern der Gebrauch ist.

Undt so bin ich ellff Mahlen in drey Jaren von dem Könige bewirtet; in diese Zeytt habe woll 10 Memorialen übergeben, allein kein Antwort erhalten. Entlig wurde mir die Zeit lang, so schickte ich dem Herren Klingstierna mitt ein Memorial undt begiärte zu wissen, ob ich noch lange solte in Arrest verbleiben; ich hatte so fielen Memorialen übergeben undt auff keines rein Antwort erhalten, wuste also

nicht, was ich meynen allergnädigsten König undt Herren solte berichten, so viell Jaren wechgewehsen undt insonderheit in Hispahan: es könte mier übell angedeutet werden, befürchte mih also vor einige Ungenaden von meinen allergnädigsten Könige. Hierauf gab der Groswesier an Klingstierna dise Antwort: «Sage dem Herren Envoige, das warlig alle seine Memorialen seindt dem Könige eingehändiget undt dieses soll dem Könige, ehr 2 Stunden verbey seindt, auch gehändiget werden. Ich habe dem Könige in fielen Wochen nicht können personlig aufwarten wehgen seiner Unpasligkeit». Er wolte nicht sagen oder durffte nicht, den der König war eine gros Liebhaber vom Wein, hielt sich bisweilen 5 od[er] 6 Wochen in der Haram, oder Weiberhause; wen ehr den müde wahr, so kam ehr einige Mahlen zu Vorschein undt depeschirte ettslige Sachen, so gink es wieder von frischen.

Entlig kam das Novrus, oder Neüjahr der Perser, auf den 10 Marti, da kam dehr Memandar, mih die gutte Zeitung zu bringen, das der König hette sich an einem Kastraten verlauten lassen, alle die Fremde jhren Abscheidt zu geben. Fro wahr ich, das nach drey Jaren undt fier Monat meine Erlösung vorhanden wahr. 2 Tage vor das Fest kam der Memandar undt brachte mih den, sagte mih, ich möchte mich fertig halten, der König wolte mich auf den Novrustag sehen (so ist ihre Redensart).

Auf dem Neujahr kam der Memandar undt fürte mich zum Könige. Es wahr alles sehr prechtig anzusehen, Kerl undt Ferde waren alle in Goldt, Eddelsteine geschmidet, die Olifanten, Liewen, Tiger, Renoster, Ferde hetten alle ihre gulden Gefässer vor sich. Sobaldt ich in dem Sahl vor dem Könige geführet wardt, winckte ehr mih der Handt, sagte: «Kom was nader, es ist mih lieb, das ich mitt dier selber ohne Tolecken rehden kan; du hast dich zu unterschiden Mahlen in deine Memorialen besweret über deines lang Aufhalten. So wisse den, das dein König, mein gutter Freundt, hatt dier zu mih gesandt wehgen einige Verrichtungen undt alles, was dein Begehren ist gewehsen im Namen deines Königes, ist von mih beliebet undt solte mih lieb sein, dem Könige von Schweden, meinen guten Freundt, in allen sein Begiähren zu willen können leben, excepto, das ich solte mit den Turcken was Feindtliges anfangen, ist nicht müglic, den meine Vorfahren haben Friede gemacht undt ich habe denselben vor ewig gekonvormiret mitt die Vormalien. Verflucht ist, der am ehrsten den Sebell zihen solte. Ich will kein Verfluchter sein. So ist es noch in frischen Gedächtnis, wiewer haben uns lassen bewegen von den christligen Potentaten, haben dem Türcken eine grose Diversion zugebracht, damitt machten die christlige Potentaten Friede undt nenten uns nicht einmahl. Darauff kam der Türck mitt seine ganste Macht uns auf dem Halse: wen nicht Godtes Gnade undt die Perser taffere Bruste wehren gewehsen, hetten sie uns was Houbsagliges können beybringen».

Ich antwortete hierauff, das ich nicht hoffen wolte, das mein König dar einige Part anhaben würde. Darauf sagte ehr zu mih: «Nein — Alla, Elle, Masun — Godt behütte, es war der Keyser, König in Polen

undt Wenetien. Nun sage ich dier noch einmahl, das dein Herkommen hadt dependiret von deinem Könige, meinen guten Freündt, dein Wechgehen aber stehet bey mir; ich habe dich ein zeitlang bey meinem Hobe aufgehalten, das ist war, du must aber wissen, das, dem ich nicht liebe, halt ich nicht. Diene Ungenade, die du dich befürchtest bey deinem Herren, habe ich Sorge vortgetragen. Ich wünsche deinem Herren, dem Könige in Schweden, meinem guten Freünde, alle Glück, Heil undt Segen, hier zeitlig undt dort ewich, undt versichere, das ich sein Freündt bin». Hierauf wincket ehr dem Groswesir, der trat hervor undt nam die Rekreditis, so vor dem Könige auf ein Kussen lagen, kuste es undt gabe es mir undt sagte: «Reise mitt Godt, die Koufleute werden sich bey dihr einfinden, so habt ihr Gesellschaft aneinander. Der Anfang ist slim gewehsen, das ende wirdt beser sein».

Hierauf nahm ich mitt Vergnygen mein Abscheidt undt reiste in Nahmen Gottes wieder nach Schweden. Die Koufleüte waren schon ein wenig vorausgereist.

Wie ich Mosko kam, intrigirten sie wieder undt wolten die Reüsen die Persianer gerne wieder auf Argangell haben, allein ich wiese ihnen, das diese gute Leüte wehren abgeschreckt von der Argangellschen Reise undt hetten sie sich intsundt eine besere undt viel beqwemere Reise mitt dero Wahren vorgenommen; sie bezalen den gebürenden Zoll lout Contract, wolten also nicht gebunden sein, sondern der Ohrt, den sie vor sich am besten finden werden, wolten sie beybleyben conform des Contracts, so die hohe Potentaten hierüber gemacht hetten.

In diese Tagen muste der gute Bojar Knees Wasile Galittzin zu Felde gehen gegen die krimse Tartern. Seinem Sohn würden die Afferen interim anbefohlen. Dieser hielt mich undt Kaufleüte auf undt weil es schon gegen den Freüling war, hetten wir unsere Zeit vonnöhten, um mitt Schlitten noch nach die schwedische Gräntsen zu kommen. Dieser iunge Gallitzin würde von die Printssesin Soffia wehgen des Vatters Meriten auch zum Boiaren gemacht. Ehr machte mir allerhandt Zvinten. Die Zeit war mir angelägen, ich schickte durch dem Herren Klingstierna 100 Ducaten mitt Begehren, mir mitt die Kaufleüte reisen zu lassen, sonst wolte ich seinem Herren Fatter zuschreiben undt mich beklagen. Allein die 100 Ducaten hetten die Krafft, das ich den ander Tag Pas undt Pristav bekam, undt so reisten wir mitt der Karevan nach Schweden.

Wie ich den auch in Schweden glücklich ankam, es war dem Könige sehr lieb, das ich nach so vielen ausgestandene Verdrisligkeiten zu dero Zweck es gebracht hätte, ordinirte gleich eine Commission, um mitt den Leüten weiter zu handeln: Cammerrahdt Chronschüldt, Commertiratt Stiernhöck undt Leionancker. Es war der König so genedig undt gab ihnen über die zwei Jahren, wie oben erwehnet, noch drey Jahren Freyheit; darzu hernacher solten sie zwey Prosent im Zoll erlegen undt ein von dero Retur. Damitt ginck der Handell undt Wandel vor sich undt bekamen hierauf das Königliche Octroy.

Anno 1697. So ginck die dritte Reise an. Ich solte dem Zaren gratuliren über die glückliche Eroberung von Assoff, undt weilen ehr begiäret hätte, durch den schwedischen Residenten Knipserkrona 300 eyserne Kanonen hier zu kaufen, so resolvirte der König, ihm die zu schenken, wolte sie auch nach Narva abfyren lassen. Daa solte der Gouverneur von Novogrott sie lasse abholen, wie den auch der damaligen Hoffsjuncker Klingstierna sie nach Narva undt gar nach Mosko gebracht. Weiter wurde ich beordert, des bekanten Landtlauffers Grafiren von Sanits seyn leychtfertiges Beginnen auf alle Manier zu hinterreiben, weilen ehr vorhätte, den persianischen Handell gans von Schweden ab undt nach Polen zu bringen, dieses koste Geldt. Auch solte ich den damaligen jungen Könige von Persien Schach Sultan Hüsesein condouliren über den tötlichen Hintridt von seinem Fatter Schach Souliman undt dem jungen Sultan Hüsesein gratuliren zur Erhäbung auf seines Vatters Troon. Bey dieses solte man die angefangne gutte Inteligans weyter contineviren. Soweidt die Instruction von König Carl den 11.

Nach Absterben König Carl des 11-ten wurde ich aufs neuu instruiert von König Carl den 12-ten, um nach Mosko undt Persien seines Herren Vatters Absterben undt seine Erhebung auf dem Troon zu notificiren; auch das in kurtsen eine grose Legation solte kommen, um den ewigen Frieden zu conformiren.

Ich reiste von Stockholm 1697 dsr. 10 May. Den 12 Augusty kam ich in Mosko. Hier fandt ich vor mier den dänischen Envoie Heyns undt weilen der Zar verreiset war, so wolte dieser bey den vornehmsten Hern Ministri keine Audiens nehmen, einwendent, ehr hätte Ordre von seinem Könige, seine Kreditiven an dem Zaren personlig abzugeben. Der Bojar Leff Nariskin schickte zu mir undt lies mir sagen, ob ich Oudiens begehrte bey ihnen zu nehmen. Sie hetten Ordre von dem Zaren, das in dehro Absens sie alle fremde, sowoll alls einheimische Sachen solten depeschiren. Hierauf begehrte ich einige Tage Bedenckzeit. Ich hette aber Ordre bey mier, das ich kein Bedencken solte haben, wen der Zar selber nicht solte zu Stell sein, das ich meine Gewerbe an die Ministri solte gelangen lassen. Ich trenirte aber dieses Wehsen, weilen ich beordert war, um wo myglich mich zu erkundigen, was des Dähnen Anbringen sein möhte. Hier ginck die vermeinte Höflichkeit an: der Dähne wolte, wie ehr sagte, mier gerne die Prefrens lassen, insonderheit weil ich noch weiter solte reisen. Ich entschuldigte mich aber auf das beste ich kunte; ich gab vor, das ihm vor dieses Mahl die Ehre zukam, weilen ehr schon 14 Tage vor mir wehre dar gewesen undt wurde ich ihm vor dieses Mahl den Vortritt nicht disputiren. Dieses allen aber machte ein Sacken mitt alte Kopeken gutt. Der Leff Nariskin lies den Hern Dänischen Minister sagen, wofern ehr seine Gewerbe nicht gesonnen were an ihnen abzugeben, so solte ehr innerhalb 3 Tage returniren undt seine Reise wieder nach seinem Könige nehmen, undt wurde hiemitt auch das tägliche Tracktament aufgesagt.

Hiera[u]f lies ehr sich beqwemen undt ridt zur Audiens. Sobald seine Sachen getranslatiret waren, spendirte ich einige Ducaten. Es war gewis der ehrste Eckstein zu den verdamligen Kriege. Hierauf hette ich Audiens undt 2 Mahl Converens mitt allem Vergenügen. Wie den von alles Bericht getahn hette, nam Ich meine Reise weiter vor mich nach Persien, da ich den nach fielen Beschwerden den persischen Grundt, nemlig Nisova, erlangte dsr. 22 May 1698.

Dsr. 8 Novembr kam ich in die Houbtstat Hispahan. 19 kam der Mehmandar bey mir undt zeignete die Presenten auf. Dsr. 13 Decembr hätte ich zum ehrsten Mahl Audiens nachdem meine Kreditiven translatiret. Dsr. 14 war ich bey den Groswesier zur geheimen Coverens. Dsr. 1 January 1699 lies mich der König bitten, Salts undt Brodt mitt ihm zu essen. Dsr. 7 hette ich mein Abschiedsaudiens. Dsr. 21 war ich bey dem Reychsmarschal zur Conferens, weilen ehr war Grosweisir war geworden, weilen dem vorigen 109jähigen man das Gedächtnis wolte manckiren. Weilen ich nun meinte gans fertig zu sein, um meine Reise nach Hause wieder vortzusetzen, sagte mir der Weisir, der König hette geresolviret, einen Abgesanten nach Schweden zu schicken, begerte also ich möchte mich noch einige Tage aufhalten. Dieses war wol ein begehren! Ich war reisfärtig undt muste mich noch 4 Wochen aufhalten, den der König sagte: «Dieser mein Gesanter sol dein Pristaff sein undt wen ihr in Sweden komdt, so kan ehr ihm wieder an die Handt gehen». Dieses Begiären muste ich mitt Danck ein Vergenügen leisten. Bey mein Abscheidt sagte der König zulest: «Grüse dem Könige in Schweden, meinem gutem Freünde, das ich will seine Freünde Freündt undt seine Feinde Feindt sein».

Oxford slavonic papers, v. VI, 1955,  
Oxford, 1956, pp. 95—101.

Л. ФАБРИЦИУС. КРАТКАЯ РЕЛЯЦИЯ  
О ТРЕХ СОВЕРШЕННЫХ МНОЮ ПУТЕШЕСТВИЯХ \*

[1679—1682]

Лега 1679 июня 30 дня я был впервые послан в Персию, чтобы разведать, возможно ли направить персидскую торговлю через Россию в Швецию, что я и выполнил со всем усердием.<sup>1</sup> Однако поскольку персы имели весьма малое представление о Швеции, то мне стоило большого труда растолковать им, что за королевство Швеция и какая это удобная для их торговли страна.

А надобно знать, что русские много лет тому назад положили немало сил, чтобы торговлю персидскими товарами направить через свои земли; у персов же был заключен трактат с турками

\* Перевод Г. И. Федоровой, под редакцией С. А. Акулянца.

о том, чтобы персидские товары шли в Турцию и через Турцию, а именно в Смирну и другие портовые города. Но так как русские, засылая большие посольства со всевозможными дарами, добились своего, персы заключили с русскими торговое соглашение, согласно которому персидские подданные имели право торговли и проезда с товарами в России и через Россию, а через Россию либо на Новгород, либо на Смоленск, либо на Архангельск. Мне хотелось получить это соглашение от русских, но деньгами я не мог ничего добиться, ибо русские не хотели предоставить шведам такие выгодные коммерции и отослали персов в Архангельск.<sup>2</sup>

Во время первой поездки в Архангельск у персов был груз в 400 тюков шелка. Поскольку в это время шла война между Францией и Голландией, голландцы держали при архангельском флоте 2 или 3 своих конвойных судна, но они не смогли отбиться, и французы, захватив бедных персов, объявили шелка своей добычей, ибо последние находились на судах их врагов. Это нанесло персам большой ущерб, и они, напуганные, не решались больше торговать в России.<sup>3</sup>

В конце концов я получил торговое соглашение, которое персы заключили с Россией. Тут я им указал на великую выгоду для них от поездок в шведские провинции и через них, после чего некоторые купцы решились направиться в Нарву. Но когда они прибыли в Москву, их стали отговаривать от их намерения как русские, так и иноземцы и даже подданные шведской короны, уверяя, что в Швеции никто не купит у них и одного тюка шелка.

Я же в это время был уже в Стокгольме, вернувшись из моего первого путешествия с доброй вестью о том, что персидский государь благосклонно отнесся к предложению о торговле и повелел, чтобы его подданные начали торговлю своими товарами в шведских провинциях и продолжали вести ее постоянно.<sup>4</sup>

[1683—1688]

Но поскольку это все еще не подтверждалось делом, я через 6 недель, а именно в 1683 году, вновь был послан к царю, а также и к государю Персии, шаху Сулейману.<sup>5</sup>

При въезде в Москву я был встречен отрядом в 50 всадников на белых лошадях, которые ехали впереди моей свиты, и был доставлен на Посольский двор, где меня и поместили. Спустя три дня ко мне явился писарь из Посольского приказа, или канцелярии, передал приветы от боярина князя Василия Васильевича Голицына и его приказ наутро явиться на аудиенцию к их царским величествам. От Посольского двора до царского крыльца по обе стороны были выстроены два полка стрельцов. Когда меня ввели в зал, оба царя восседали на троне. По обеим сторонам трона

стояло шесть молодых дворян в белых одеждах, держа в руках как бы наготове большие боевые топоры.

После приветствия я вручил свои верительные грамоты. Тут оба царя встали, осведомились о здоровье короля и спросили, давно ли я отпущен от короля. Затем сам боярин князь Василий Васильевич Голицын сказал мне, что их царские величества соизволили приказать, чтобы мои грамоты перевели, после чего мне будет устроена конференция.<sup>6</sup>

И действительно, спустя три дня меня проводили к боярину те же всадники, которые сопровождали меня при въезде в Москву. У крыльца стояли два дьяка с целой толпой дворян. Они тотчас отвели меня к боярину в прекрасную палату. Там стоял небольшой стол, накрытый шелковой, шитой золотом скатертью. Господин боярин попросил меня занять место. Я хотел было сесть сбоку, но он взял меня за руку и усадил во главе стола. Сам он занял место по правую руку от меня, а по левую сел канцлер, который глядел исподлобья. Но боярин сказал: «Господин посланник направлен к нам нашим соседом, королем Швеции, по любви и дружбе, он представляет великого государя». На этой конференции мне была обещана всяческая поддержка согласно пактам.<sup>7</sup>

Спустя 14 дней я отбыл из Москвы и после годичного путешествия прибыл в Исфаган.<sup>8</sup> О стране, обычаях и жизни персов все, что можно было написать, написано, поэтому я буду писать только о порученном мне деле. После того как были переписаны подарки, явился михмандар (Mehemandar), или церемониймейстер,<sup>9</sup> и сообщил мне время, назначенное для аудиенции и обеда, ибо у персов обычай таков, что после аудиенции потчуют.

Через несколько часов михмандар вернулся, рассказал, что вот уже несколько лет, как им не привозили хороших соболей, и, зная, что у меня было соболей на 4000 рублей, пожелал взять несколько сороков для государя, ибо мунаджим (Minadsi), т. е. звездочет, известил, что сейчас самое благоприятное время шить одежды для государя. Я не замедлил отдать соболей. На следующий день на государя была шуба из моих соболей.

После того как мои верительные грамоты были переведены, я получил аудиенцию у великого везира. Тот справлялся о разных вещах: как далеко до Швеции и как далеко от Швеции до России, по воде или по суше нужно туда добираться. Получив от меня на все вопросы надлежащие ответы, он заявил после долгих разговоров, что мне надобно переговорить со старшиной (Stathalter) купцов-христиан, поскольку эти люди лучше всех знакомы с Европой и знают толк в торговых делах.

Спустя несколько дней ко мне явился армянский старшина и сообщил, что он получил от великого везира распоряжение обсудить и обдумать со мной, как лучше всего направить персидскую торговлю в Швецию через Россию, и что ввиду большой важности дела ему нужно будет позвать на это обсуждение некото-

рых самых именитых купцов и он сообщит мне, когда они соберутся.

Спустя несколько дней старшина спросил меня через посланного, не окажу ли я им чести прийти на условленную беседу. Я без промедления вскочил в седло. Когда я приехал к старшине, там находилось около 20 человек из старейших и самых богатых купцов. После длительных раскланиваний старшина попросил меня сесть в кресло, он же и все остальные сели на пол. Затем старшина поднялся, осенил себя крестным знамением и сказал: «По повелению государя Сулеймана мы собрались здесь, чтобы получить от господина посланника разъяснения, как, каким путем наши негоцианты смогут вести торговлю в Швеции, ибо мы памятуем великий урон, понесенный нами, когда наши сотоварищи несколько лет тому назад собрались идти с товарами в Россию и далее через Архангельск в Голландию, а их постигло несчастье: французы полностью разгромили флотилию и отвезли ее в Дюнкерк, что нанесло нам невозместимый ущерб, ибо груз состоял из 400 тюков лучших шелков, вследствие чего наши сотоварищи остерегаются направлять впрямь свои товары в Россию или через нее».

На это я им ответил, что случившегося не исправишь, им не следовало поддаваться уговорам русских, голландцев и англичан, ибо лучший путь для них идет через Новгород на Нарву или Ревель и далее на Любек по Балтийскому морю, тем более что царь письменно обещал разрешить им провозить товары через его владения в оба конца и торговать ими с обеспечением на случай бедствия от воды, огня и всяких прочих невзгод, приключись они где-либо на его земле.<sup>10</sup> Поэтому они могут пользоваться этой гарантией и могут ожидать не меньшего от короля Швеции. По прибытии в Нарву они будут обеспечены судами раньше других иноземцев, но товары, которых ждут в Стокгольме, они должны в первую очередь отсылать туда. При этом я обещал им от имени короля, что они два года будут торговать без пошлин. Все же мне пришлось долго уговаривать этих людей, и не столько персов, сколько уже упоминавшихся европейцев. Они утверждали, что шведы будто такие люди, которые хорошо умеют только размахивать шпагой, ничего не смыслят в торговых делах и к тому же редко держат свое слово. Но дознаться, подданные какого государства встали мне поперек дороги, я не мог, хотя и все они ничего хорошего мне не сделали.<sup>11</sup> Я попытался узнать у господ армян, кто же так плохо отзывается о шведах, я мол живо заткнул бы ему глотку. Но поскольку эти люди с давних пор состояли в деловых отношениях друг с другом, я ничего не смог дознаться. Однако я доложил великому везиру, что хотя армянские купцы весьма склонны вести торговлю через шведские провинции, они все же запуганы каким-то клеветником; поэтому я готов остаться заложником до тех пор, пока они не вернуться

из своей первой поездки. В ответ великий везирь сказал, что это было бы величайшей несправедливостью, поскольку мой всемиловитивейший король пишет его господину и повелителю государю Персидскому, чтобы мне сполна доверяли во всех моих начинаниях; а посему купцам придется, благословясь, отправиться в Швецию в моем сопровождении.

Тут я уже решил, что тотчас получу отпускное письмо, однако все затянулось более чем на 2 года, поскольку государь, будучи весьма общительного нрава, неоднократно вызывал меня для беседы, расспрашивал, сколько лет шведскому королю, да сколько у него солдат и сколько военных кораблей, и заключил ли он мир с королем Дании, и получил ли наш король в жены принцессу, ради которой он так долго воевал, ибо государь полагал, что война началась из-за принцессы, на что я ему отвечал, что война велась никак не из-за принцессы, а были на то важные государственные причины, и что король, мой всемиловитивейший господин, уже давно супруг принцессы и бог уже даровал ему наследника. Затем государь спросил меня, сколько жен у шведского короля. Когда я ему ответил: «Одна», — он от всего сердца рассмеялся и воскликнул: «Король — и одна жена! Как же это можно?». А великий везирь ответил: «Да, у христиан обычай таков, что они должны довольствоваться одной». Государь же повторил: «Король — и одна жена!». Это казалось ему невероятным.

Затем государь повелел принести чашу вина, выпил за здоровье своего доброго друга короля Швеции, спросил меня, не желаю ли я осушить гасарпесу за здоровье моего короля (гасарпеса — большой золотой ковш, в который входит более кружки). Я ответил, что с большим удовольствием выпью за здоровье моего господина, однако доза по мне слишком велика для одного раза. На это государь сказал: «Я знаю, что франки (Frangi) не пьют так много», и повелел принести мне небольшую золотую чашу. После того как я осушил эту чашу, михмандар проводил меня на мое место. Через некоторое время он снова подошел ко мне и сказал: «Государь желает с тобой говорить». Я поднялся, подошел к государю и поклонился. Он, сделав знак рукой, промолвил: «Подойди поближе» — и спросил меня, воевал ли король Швеции с императором, а также с Польшей и Россией. Я рассказал, как все было, а также, что король, мой всемиловитивейший господин, у всех своих соседей завоевал кое-какие провинции и владеет ими доныне. На это государь заметил великому везиру: «Он завоевал и удерживает то, что имеет, — не так, как король Франции, тот захватывает много, а на завтра отдает все обратно».<sup>12</sup> После того как все изрядно захмелели, я поднялся, михмандар подошел ко мне, полагая, что я желаю говорить с государем, я же попросил разрешения удалиться, ибо было уже поздно. Он отвечал: «Иди с богом! О дальнейшем я оповещу тебя».

Спустя несколько дней михмандар пришел ко мне и сказал: «Государь через несколько дней устраивает опять большое празднество. Он желает дать аудиенцию узбекскому послу». Я спросил, не составит ли мне мемориал, чтобы ускорить решение моего дела и мой отъезд. Он ответил: «Да», — но выразил сомнение в том, что я так скоро получу разрешение на отъезд; я ведь не прожил здесь еще и года.

Спустя несколько дней михмандар опять пришел ко мне и сказал, что государь повелел мне явиться и откушать с ним хлеба-соли. Там были и европейцы: императорский архиепископ по имени Бастиан Кнап, польский граф де Сьери, один русский и один португалец.<sup>13</sup> Мне было оказано предпочтение, и я был посажен рядом с великим везирем. Против этого москвит протестовал; но михмандар сказал ему, что здесь покой государя и все здесь — любезные государю гости, пусть он веселится и не наносит обиды государю.

Татарин, т. е. узбекский посол, вышел на середину зала, опустился на колени и в таком положении передал приветствия от своего господина и просьбу о помощи против врагов, что ему и было обещано. Пили вволю, а музыка и танцовщицы были отменны. Когда государь захмелел, к нам подошел михмандар и подал знак, что пора подниматься из-за стола. Мы разошлись по домам без какого-либо церемониала, что принято у персов.

И вот так я в течение трех лет одиннадцать раз был в гостях у государя. За это время я передал, наверное, 10 мемориалов, но не получил никакого ответа. Наконец мне это надоело, и я послал господина Клингшерну<sup>14</sup> с новым мемориалом, чтобы узнать, долго ли мне еще пребывать под арестом; столько мемориалов я уже передал, а ни на один не получил ясного ответа и не знаю поэтому, что мне сообщить моему всемилостивейшему королю и господину о причинах столь многолетней задержки, особенно в Исфахане; это могло быть дурно истолковано, и поэтому я весьма опасаясь немилости со стороны моего всемилостивейшего короля. Великий везирь дал такой ответ Клингшерне: «Скажи господину посланнику, что все его мемориалы честно вручены государю, и этот новый мемориал будет передан ему прежде, чем истекнут 2 часа. Вот уже несколько недель, как я не мог свидеться с государем по причине его нездоровья». Он не хотел или не смел сказать, что государь был великим почитателем вина, а в гареме, т. е. на женской половине, пребывал иногда по 5—6 недель; когда же ему там надоело, он иной раз появлялся и разрешал некоторые дела, а затем все начиналось сначала.

Наконец подошел Новрус, или Новый год персиян, 10 марта ко мне пришел михмандар с радостной вестью: государь сказал одному кастрату, что он собирается отпустить всех иноземцев. Я был несказанно рад, что через 3 года и 4 месяца пришло на-

конец мое избавление. За два дня до праздника михмандар принес мне отпускное письмо и сказал, чтобы я приготовился, ибо государь желает видеть меня в Новрус (это у них принято так говорить).

В день Нового года михмандар пришел за мной и повел меня к государю. Зрелище было великолепное. Всадники и лошади — все было усыпано драгоценными камнями и золотом, перед слонами, львами, тиграми, носорогами, лошадьми стояли золотые сосуды. Как только меня ввели в зал, где восседал государь, он сделал мне знак рукой и сказал: «Подойди поближе, мне приятно, что я могу говорить с тобой без толмача; ты в своих мемориалах не раз сетовал на долгую задержку. Так знай, что твой король, мой добрый друг, послал тебя ко мне с несколькими поручениями, и все, что ты желал от имени твоего короля, пришлось мне по сердцу, мне было бы приятно исполнить все пожелания твоего короля, моего доброго друга, за исключением того, чтобы я враждовал с турками, — это невозможно, ибо мои предшественники заключили мир, а я его подтверждал по всем законам на вечные времена. Проклятие падет на голову того, кто первым обнажит саблю. Я не хочу, чтобы проклятие пало на мою голову, к тому же у нас еще совсем свежо в памяти, как мы, поддавшись уговорам христианских государей, сильно потревожили турок, а христианские государи между тем заключили мир и даже не известили нас. Тогда турки всей своей военной мощью обрушились на нас. Если бы не милость божья и не отважные сердца персов, турки задали бы нам жару».

Тогда я сказал, что не хочу и думать, чтобы мой король принимал в этом какое-либо участие. Государь ответил: «Нет, нет. Alla, Elle, Masun — избави бог, то были император, король Польский и Венеция.<sup>15</sup> Вот что я тебе скажу еще раз: твой приезд сюда зависел от твоего короля, моего доброго друга, отъезд же твой — в моей власти. Я задержал тебя на некоторое время при своем дворе, это правда, но ты должен знать, что кого я не люблю, того и не задерживаю; что же касается немилости твоего господина, каковой ты опасешься, то я о тебе позаботился. Я желаю твоему господину, королю Швеции, моему доброму другу, счастья, здоровья и благоденствия здесь на всю жизнь, а там навечно, и заверяю его в своей дружбе». Затем он подал знак великому везиру, тот подошел, взял рекредитивы, которые лежали на подушке перед государем, поцеловал их и подал мне со словами: «Поезжай с богом, купцы присоединятся к тебе, вы будете попутчиками. Начало было плохим, конец будет лучше».

Затем я с радостью распрощался и, благословясь, отбыл в Швецию. Купцы выехали уже несколько ранее.

Когда я прибыл в Москву, снова начались интриги, и русские очень хотели снова отослать персов в Архангельск, но

я заявил им, что эти добрые люди напуганы прошлым архангельским путешествием и намерены теперь выбрать лучший и более безопасный путь для поездок с товарами. Они платят положенную по контракту пошлину и потому не хотят быть связанными, а хотят держаться того места, которое они найдут наилучшим для себя, что соответствует контракту, заключенному относительно этого великими государями.

Между тем почтенному боярину князю Василию Голицыну пришлось выступить в поход против крымских татар. Дела на это время были перепоручены его сыну, который задерживал меня и купцов, а так как дело шло к весне, то нам надо было спешить, чтобы успеть добраться до шведской границы на санях. Этот молодой Голицын за заслуги отца был возведен тоже в бояре царевной Софьей. Он чинил мне всяческие препоны. Времени у меня было в обрез. Я послал с господином Клингшерной 100 дукатов, испрашивая разрешения отправиться с купцами в путь, а не то я напишу жалобу его родителю. Однако 100 дукатов возымели силу, так что на другой день, получив пропуск и пристава, мы с караваном отправились в Швецию.<sup>16</sup>

Когда я благополучно прибыл в Швецию, король был очень обрадован тем, что я, выдержав столько злоключений, довел дело до желанной цели, и он сейчас же назначил для продолжения переговоров с этими людьми комиссию в составе камерального советника Кроншильда, коммерции советников Шернхека и Леонанкера. Король был так милостив, что дал купцам сверх вышеупомянутых двух лет еще три года вольностей. Кроме того, в дальнейшем они должны были платить два процента пошлины при приезде и один процент при отъезде. Таким образом, торговля была налажена, и купцы получили затем королевскую санкцию.<sup>17</sup>

### [1697—1700]

Лета 1697. Третье путешествие начиналось так: я должен был поздравить царя с благополучным взятием Азова, и поскольку он выразил желание через шведского резидента Книперкрона закупить у нас 300 чугунных пушек, король решил подарить их царю и переправить в Нарву, откуда их должен был забрать правитель Новгорода. Бывший тогда камер-юнкером Клингшерна и перевез пушки в Нарву, а затем даже и в Москву.<sup>18</sup> Далее мне было поручено всяческими способами помешать осуществлению бессовестной затеи известного авантюриста графа фон Саница, ибо он замышлял пресечь персидскую торговлю со Швецией и направить ее в Польшу. Это стоило больших денег.<sup>19</sup> Кроме того, я должен был передать наши соболезнования тогдашнему молодому персидскому государю, шаху Султану Хусейну по поводу кончины его отца шаха Сулеймана и наши поздравления молодому Султану Хусейну в связи с его восшествием на престол

отца. При этом нужно было укрепить начавшиеся ранее добрые взаимоотношения — так гласила инструкция короля Карла XI.<sup>20</sup>

После кончины короля Карла XI я получил новые инструкции от короля Карла XII и был послан в Москву и Персию, где я должен был сообщить о смерти Карла XI и о восшествии на престол его сына Карла XII, а также о том, что в ближайшее время прибудет великое посольство для конфирмации договора о вечном мире.<sup>21</sup>

Я отбыл из Стокгольма 10 мая 1697 года. 12 августа я прибыл в Москву. Там я застал датского посла Гейнса, который прибыл ранее меня, но так как царь был в отъезде, этот посол не хотел получить аудиенции у знатнейших господ сановников, ссылаясь на то, что его король приказал ему вручить верительные грамоты самому царю. Боярин Лев Нарышкин спросил меня через посланного, не желаю ли я получить аудиенцию у них, поскольку царь приказал им во время его отлучки решать все внешние и внутренние дела.<sup>22</sup> Я испросил несколько дней на размышление, хотя у меня был наказ не сомневаться, если царя не будет на месте, а передать мои поручения сановникам. Но я затягивал дело, чтобы за время действия моих полномочий по возможности разведать, что за поручения у датчанина. А тот пустил в ход лицемерную учтивость, заявляя, что он охотно уступит очередь, тем более, что мне предстоит еще дальнейший путь. Я же, как только мог, отнекивался, говоря, что в этот раз честь первой аудиенции выпадает ему, поскольку он прибыл за 14 дней до меня, и я не собираюсь в этот раз оспаривать ее. Уладил все кошель со старинными монетами. Лев Нарышкин велел сообщить датскому послу, что, поскольку тот не решается передать им свои поручения, ему надлежит отбыть из Москвы в течение трех дней и ехать обратно к своему королю, а также, что ему отказано в ежедневных кормах. Тут датчанину пришлось сдаться, и он поспешил на аудиенцию. Как только его бумаги были переведены, я истратил несколько дукатов на угощение. Всем этим был, несомненно, заложен первый камень к злосчастной войне.<sup>23</sup> Затем я был на аудиенции и два раза на конференции. Отослав отчет обо всем, я отправился дальше в Персию, и, преодолев много трудностей в пути, достиг 22 мая 1698 года персидской земли, а именно Низовы.

8 ноября я прибыл в столицу Исфахан. 19 ноября ко мне пришел михмандар и сделал роспись подарков. 13 декабря я первый раз был на аудиенции, после того как мои верительные грамоты были переведены. 14-го я был у великого везира на тайной конференции. 1 января 1699 года государь просил меня откусать с ним хлеба-соли. 7-го я был на прощальной аудиенции. 21-го я был на приеме у рейхсмаршала<sup>24</sup> по поводу его назначения великим везирем, так как прежний везирь, которому исполнилось 109 лет, стал терять память. Я-то думал, что закончил все дела и

могу ехать домой, а великий везирь сказал мне, что государь решил отправить своего посланца в Швецию и желает, чтобы я задержался еще на несколько дней. Нечего сказать, пожелание! Я был уже готов к отъезду, а мне пришлось задержаться еще на 4 недели, так как государь сказал: «Этот мой посланец будет твоим приставом, а когда вы прибудете в Швецию, ты в свою очередь сможешь ему помочь». Мне пришлось принять эту просьбу с благодарностью. При прощании государь сказал напоследок: «Приветствуй от меня короля Швеции, моего доброго друга, и передай, что его друзья — мои друзья, а его враги — мои враги».<sup>25</sup>

## КОММЕНТАРИЙ

<sup>1</sup> Имеется в виду новая, но далеко не первая попытка Швеции установить торговые отношения с Персией через Россию (см. стр. 135).

<sup>2</sup> Фабрициус в немногих словах верно отмечает стремление русского правительства монополизировать торговлю с Персией (см. стр. 134). Однако здесь не указано, что Персия, враждебно настроенная к Турции, была заинтересована в торговле с Россией или при ее посредничестве со странами Западной Европы. Торговое соглашение — жалованная грамота Алексея Михайловича от 21 мая 1667 г. Армянской торговой компании, находящейся в Персии (стр. 134). Несмотря на оживленные дипломатические связи России с Персией, никаких письменных соглашений между этими государствами с 1594 по 1667 г. не заключалось.

Грамота 7 февраля 1673 г., подтверждавшая жалованную грамоту 1667 г., в интересах царской казны и русского купечества ограничивала транзитную торговлю армянских купцов со странами Западной Европы. Видимо, поэтому Фабрициус не упоминает данного условия в своей Реляции.

Фабрициус на пути из Швеции в Персию был в Москве в январе 1680 г. Подробности его переговоров в Москве изложены в его Записках (см. стр. 72—73). Фабрициус не упоминает об аудиенции у царя Федора Алексеевича, но Н. Н. Бантыш-Каменский сообщает, что она была 1 января 1680 г., а из Москвы Фабрициус отбыл в Персию 28 января того же года (Бантыш-Каменский, IV, стр. 197).

Мирный договор Персии с Турцией относится к 1639 г. Он включал и определенные торговые соглашения, в частности условие о транзите шелка через Турцию в средиземноморские порты — Смирну и др.

<sup>3</sup> Сведения о большом уроне, понесенном персидскими купцами под Архангельском в результате войн Голландии с Францией, вызванных торговым и колониальным соперничеством (первая война — 1667—1668 гг., вторая — 1672—1678 гг.), не встречаются в имеющихся у нас источниках, но находят подтверждение в той же Реляции Л. Фабрициуса, на этот раз от лица самих персидских купцов (см. стр. 148).

<sup>4</sup> На обратном пути из Персии Фабрициус прибыл в Москву 22 сентября и отбыл в Швецию 8 октября 1682 г. (Бантыш-Каменский, IV, стр. 199). В 1683 г. Фабрициус вновь отправлен в Персию через Россию. Вторая его миссия была вызвана безрезультатностью первой поездки.

<sup>5</sup> Вторично Л. Фабрициус прибыл в Москву 7 июля 1683 г. Официальной целью его был проезд в Персию по торговым делам. Но было и личное дело к русскому правительству — получение имущества, оставшегося ему в наследство от его отца П. Беема, казненного разинцами в Черном Яре в 1670 г. (Бантыш-Каменский, IV, стр. 199—200). Этот факт интересен с точки зрения международных правовых отношений XVII в.

Сулейман (Сефи) II был шахом Персии с 1666 по 1694 г.

<sup>6</sup> Голицын Василий Васильевич после стрелецкого восстания 15 мая 1682 г., приведшего к утверждению на престоле царей Ивана и Петра Алексеевичей при регентстве их сестры царевны Софьи (1682—1689), стал главой Посольского приказа. В Реляции Фабрициуса заслуживает внимания описание посольского обряда. Скромные размеры воинского эскорта объясняются тем, что Фабрициус был в ранге посланника, направлявшегося через Россию в другую страну. Размеры воинского отряда, встречавшего послов иностранного государства под Москвой, зависели, очевидно, от назначения и политической значимости посольства. Я. Рейтенфельс, говоря о прибытии в Москву в 1672 г. посольства из Польши, сообщает, что с целью «приводить это посольство в город было выставлено более 16 000 отборнейшей конницы и пехоты, расположенных по обеим сторонам пути...» (Рейтенфельс, стр. 73). При въезде в Москву в 1675 г. голландского посольства Кунраада фан-Кленка было выстроено до 10 000 пехоты и большое количество конницы (Посольство Кунраада фан-Кленка..., стр. 387—389).

<sup>7</sup> В 1683 г. В. В. Голицын получил титул «Царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегателя», став первым человеком в государстве. Помимо Посольского, он ведал Рейтарским, Владимирским судным, Пушкарским, Малороссийским, Смоленским, Новгородским, Устюжским приказами и Галицкой четвертью. Своим возвышением, кроме высокой образованности и определенных дарований, В. В. Голицын обязан личной близости к Софье. Он пользовался неограниченным правом ведения переговоров с иностранными послами и, как видно из Реляции Л. Фабрициуса, принимал послов в личных покоях. В обстановке обострения отношений с Турцией и подготовки войны с нею Голицын стремился к установлению мирных отношений с европейскими государствами, в том числе со Швецией. Под пактом, заключаемым между Россией и Швецией, подразумевается, очевидно, Кардисский договор 1661 г.

Канцлер — дьяк Посольского приказа. В данном случае им мог быть Е. И. Украинцев. Украинцев был думным дьяком Посольского и Малороссийского приказов с 1675 по 1699 г. (Богоявленский, стр. 246, 304).

<sup>8</sup> Исфахан — столица Персии в XVII в.

<sup>9</sup> Михмандар буквально «принимающий гостей».

<sup>10</sup> Имеется в виду жалованная грамота 1667 г. и ее подтверждение 1673 г. (см. стр. 134).

<sup>11</sup> Вероятно, речь идет об англичанах и голландцах, конкурентах шведов в борьбе за русский и персидский рынки (см. стр. 134).

<sup>12</sup> Шах имел в виду войну Франции с Голландией 1672—1678 гг., в начале которой французская армия значительно продвинулась в глубь голландской территории, но была вынуждена отступить в результате затопления голландцами части страны и оставить занятую территорию.

<sup>13</sup> Представителем Москвы мог быть гонец Христофоров, который был послан в Персию со специальным заданием разведать цели посольства Фабрициуса (Зевакин, 150—151).

<sup>14</sup> Клингшерн — член посольства Фабрициуса.

<sup>15</sup> Шах Сулейман имеет в виду сложившуюся в 1683—1684 гг. в результате возросшей экспансии турецкого султана антитурецкую «Священную лигу» в составе Австрии, Польши и Венеции.

<sup>16</sup> В 1687 г., когда Фабрициус был в Москве, В. В. Голицын возглавлял обусловленный договором с Польшей (1686 г.) поход русского войска против крымских татар — союзников Турции (первый крымский поход). Его старший сын, Алексей Васильевич, был главой Новгородского приказа.

Коррупция в дипломатической сфере была распространена очень широко. Шведский агент Христофор Кох, прибывший в Москву в 1679 г., доносил в Стокгольм о происках датского посла в Москве, прося выслать ему тысячу-другую дукатов, обещая с их помощью увеличить число сторонников Швеции. С помощью подкупов действовали и датчане (Форстен, стр. 322).

<sup>17</sup> О первом пребывании персидских купцов в Швеции см. также Записки Фабрициуса (стр. 71—72).

<sup>18</sup> В начале 1697 г. русское правительство через шведского резидента Книперкрона запросило о возможности закупить в Швеции 600 медных пушек. В ответ шведский король Карл XI в знак добрососедских отношений преподнес русскому царю в качестве подарка 300 чугунных пушек. Петр I благодарил за подарок уже Карла XII (Карл XI скончался 5 апреля), выражая намерение употребить пушки против Турции (Бантыш-Каменский, IV, стр. 207). Эти пушки были отправлены в Воронеж.

<sup>19</sup> Граф Филипп фон Саниц (Санис?), крещеный перс, родился в Исфахане. Отец его — шах Аббас, а мать — армянка-наложница. После смерти отца мать направила его в Европу для обучения. Он жил во многих государствах, в том числе в Англии и Франции. Получил графство. В ноябре 1695 г. прибыл в Москву из Швеции просить разрешение проехать в Персию по имущественным делам, но в мае 1696 г. по собственной просьбе отпущен обратно в Стокгольм (Бантыш-Каменский, IV, стр. 204). К 1697 г. относится, очевидно, вторичное появление Саница в Москве, когда он мог выступать в качестве агента Польши, изменив ориентацию.

<sup>20</sup> Хусейн I — последний шах (1694—1722) династии Сефевидов, которая пала в 1722 г. в результате внутренних противоречий и вторжения афганцев в Персию.

Фабрициус ничего не говорит о торговых целях своей третьей миссии в Персию, но они сами собой подразумеваются и очевидны из слов Реляцина: «... нужно было укрепить начавшиеся ранее добрые взаимоотношения».

<sup>21</sup> Имеется в виду намечавшееся в связи со вступлением на престол короля Карла XII шведское посольство в Россию для нового подтверждения условий Кардиского мирного договора 1661 г., который уже был подтвержден в 1684 г.

<sup>22</sup> К моменту приезда Фабрициуса (август 1697 г.) Петра I не было в Москве. Он участвовал инкогнито в составе русского Великого посольства 1697—1698 гг. в Западную Европу. Целью посольства было расширение и укрепление наступательного союза европейских государств против Турции. В сложной международной обстановке конца XVII в. Россия была вынуждена отказаться от борьбы с Турцией. На обратном пути Петр I заключил с польским королем Августом II соглашение о союзе против Швеции.

В новом правительстве, которое образовалось в 1689 г. после заточения царевны Софьи в Новодевичий монастырь и ссылки В. В. Голицына и существовало до 1699 г., Л. К. Нарышкин, дядя Петра I по матери, занимал пост начальника Посольского приказа.

<sup>23</sup> Эпизод с датским послом Гейнсом вскрывает атмосферу интриг и сложной борьбы прибалтийских послов за влияние на русский двор. К 1697 г. намечилось обострение балтийского вопроса. Сложилась новая антишведская коалиция в составе Дании, Польши и России. Союз Дании, Саксонии и России оформился к 1699 г. В 1700 г. началась Северная война, в которой главным противником Швеции стала Россия.

<sup>24</sup> Здесь, видимо, имеется в виду сипахсалар — высший воинский чин Персидского государства.

<sup>25</sup> На пути из Персии в Швецию Фабрициус 18 февраля 1701 г. имел аудиенцию у Петра I, не подозревая о Северной войне. Выехал в Швецию 10 марта.

А. Л. Гольдберг

## К ИСТОРИИ СООБЩЕНИЯ О ВОССТАНИИ СТЕПАНА РАЗИНА

Как сказано в Введении к публикации в данной книге Сообщения о восстании С. Разина, оно было издано дважды в 1671 г. (на голландском и немецком языках) и дважды в 1672 г. (на английском и французском языках). Если исключить французское издание, которое, как в нем указано, является переводом английского текста, то соотношение остальных изданий Сообщения характеризуется следующими чертами.

Голландская и немецкая брошюры 1671 г. содержат совпадающие фрагменты текста, которых нет в английской брошюре 1672 г. (см. варианты №№ 1—3). Ряд фрагментов текста, содержащихся в голландской и немецкой брошюрах, дан в английской брошюре в сокращенном виде (№№ 4—14). Обе первые брошюры более точно передают русские географические названия (№№ 6, 15), личные имена и фамилии (№№ 16—18), русскую терминологию (№№ 12, 19—21), а также хронологию и конкретные детали событий (№№ 22—24). В обеих брошюрах 1671 г. приговор С. Разину переведен полнее и точнее, чем в английском издании (№№ 3, 13, 14). Таким образом, едва ли можно, как это до сих пор было принято, считать немецкую и голландскую брошюры 1671 г. переводами английского текста Сообщения. В свою очередь и английскую брошюру нельзя считать переводом известного нам немецкого или голландского текста, так как в ней встречаются (хотя и гораздо реже) написания более верные, чем в брошюрах 1671 г. (№№ 25—28). Наконец, немецкий и голландский тексты тоже не во всем совпадают друг с другом и иногда расходятся в существенных деталях (№ 29).

Наличие этих различных вариантов текста,<sup>1</sup> несводимых друг к другу, может быть объяснено лишь тем, что в основе их лежал

---

<sup>1</sup> В настоящей заметке приведены лишь самые существенные варианты. Общее число расхождений текста брошюр 1671 и 1672 гг. во много раз больше.

не дошедший до нас и современный событиям текст (протограф) Сообщения, содержащий в совокупности все те черты, которые порознь отразились в известных нам изданиях. Подтверждением этого служит, в частности, вариант № 30, где полный текст, вероятно соответствовавший протографу, сохранился в голландской брошюре, а в английскую и немецкую брошюры попали лишь части этого текста.

Судя по тому, что в английской и немецкой брошюрах встречаются грамматические формы, специфичные для голландского языка (сдвоенное *o* в немецкой брошюре — варианты №№ 9, 11, 12; сочетание *sch* в английской брошюре — варианты №№ 9, 16 и др.), следует полагать, что протограф был написан по-голландски.

Где было составлено Сообщение?

Обратим внимание на окончание первой части Сообщения (№ 21). Уже французский переводчик Демар отметил на полях своего издания брошюры: «Судя по этой молитве с пожеланием успехов великому царю, кажется, что это Сообщение пришло из Москвы в Архангельск, откуда оно пришло в Англию, а отсюда сюда (т. е. в Париж)» (стр. 51). Л. Сильвиус, включивший Сообщение о восстании Разина в капитальную «Историю нашего времени»,<sup>2</sup> предпослал ему слова: «как об этом было сообщено из Москвы» (стр. 155).

Таким образом, современники считали, что это Сообщение было составлено в Москве.

В этом свете приобретают значение сведения о действиях московского правительства, относящихся к распространению информации о восстании С. Разина. С одной стороны, нам известно, что московские власти стремились пресечь появление за границей неугодных им сообщений о событиях 1670—1671 гг. Русский посланник Н. фон Стаден заявлял в Стокгольме 30 сентября 1670 г.: «Государь приказал домогаться, дабы непременно наказаны были газетчики, печатающие непристойные речи об нем, государе... и о Стеньке Разине».<sup>3</sup> И позднее русские комиссары обвиняли шведов: «Во время бунта Разина в Риге и в других шведских городах печатались „авизы“, в которых унижалось цар-

---

<sup>2</sup> L. Sylvius. Historien, onses tyds. Amsterdam, 1685, blz. 155—160.

В рамках настоящей заметки нет возможности детально проанализировать этот текст, так же как и другую перепечатку Сообщения: *Theatrum Europaeum*. Т. 10. Franckfurt am Mayn, 1677, ss. 517—523. Оба этих варианта текста близки друг другу, но не повторяют ни одно из изданий 1671 и 1672 гг. Упомянутый выше в комментариях немецкий текст приговора Разину в книге Вебера (F. Weber. *Das veränderte Russland*. Hannover, 1729, ss. 316—323) дословно совпадает с текстом «*Theatrum Europaeum*».

<sup>3</sup> Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России, ч. 4, М., 1902, стр. 190.

ское достоинство. И такие-то полные лжи куранты подданными короля распространялись по всей Европе». <sup>4</sup>

С другой стороны, московское правительство принимало меры для того, чтобы побудить находившихся в России иностранцев высказаться об этих событиях, надеясь, очевидно, навязать чужеземным свидетелям свою точку зрения. Так, во время казни С. Разина «некоторым знатным немцам» дозволено было сопровождать его повозку, «чтобы они смогли все хорошо увидеть и услышать и дать подробный отчет о произошедшей казни». <sup>5</sup> «Их подпустили поближе ... чтобы хорошо разглядеть эту казнь и рассказать об этом у себя». <sup>6</sup>

Следовательно, есть основания предполагать, что московское правительство могло содействовать появлению предназначенного для заграничных читателей Сообщения о С. Разине и предоставило составителю этого известия официальный текст приговора.

Правда, своей цели оно при этом добилось далеко не полностью: несмотря на то что симпатии автора Сообщения явно на стороне царя и его властей, он все же дает в ряде случаев такую характеристику событий, которая отнюдь не совпадает с официальной версией (см., например, рассказ о жестокостях Долгорукого, о поведении сподвижников Разина и др.).

И все же по сравнению с теми заметками о восстании, которые печатались в 1670 и 1671 гг. в западноевропейских газетах, Сообщение излагает ход событий в более благоприятных для царского правительства тонах. О желании автора сохранить благосклонность московских властей свидетельствует и та молитва об успехах царя, о которой уже шла речь.

Изложенные выше наблюдения над текстами изданий Сообщения обязывают исследователей продолжить розыски неизвестного нам протографа этого важнейшего источника. Наряду с этим следует расширить круг иностранных известий о Разине за счет привлечения западноевропейских газет, ежемесячников и исторических хроник 1670-х годов. Введение в научный обиход этих новых материалов позволит более точно определить место Сообщения в ряду других источников о восстании С. Разина.

---

<sup>4</sup> Г. В. Форстен. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. ЖМНП, 1899, июнь, стр. 321.

<sup>5</sup> *Relationis historicae semestralis vernalis continuatio*. Franckfurt am Mayn, 1671, s. 87.

<sup>6</sup> *Continuatio VII der Zehen-Jährigen Historischen Relation...* Leipzig, 1671, s. 74.

ВАРИАНТЫ ТЕКСТОВ СООБЩЕНИЯ О ВОССТАНИИ СТЕПАНА РАЗИНА \*

Голландский текст	Немецкий текст	Английский текст	Перевод голландского текста
<p>1. Een droevige zake in der daet, als een Voorst zulcke scherpe poenen tegen sijn Onderdanen gedwongen is te gebruycken, als hy soo veel bloets laten moet om een Lit van sijn Rijk te genesen, maer het is beter dat een Lit af gheset wordt, als dat het gantse Lichaem van een Rijk ten verdere gaet (9—10).</p> <p>2. ...wierdt alsoo ghebracht op het Sems Hof, ofte het Stadthuys van Mosco (10).</p> <p>3. Gy hebt oock een Boot van den koningh van Persien op Zee genomen, en alle Waren gerooft, ende dien Copman sien, den oppersten Koopman sijn Soon, met andere Persiannen doodt gheslagen, oeffenende vorders op Zee en de Wolga groote Schelm-stucken met rooven en moorden (12).</p> <p>4 ...smeet hy onder t Volk Ducaten (anders gerooft gelt) te grabbelen, en wierdt daer</p>	<p>Ein betrübter Zustand warlich, wann ein Potentat so scharffe Straffe wider seine Unterthanen zu brauchen gewungen ist, und so viel Blut lassen muss, umb den Leib des Reichs zu erhalten, weil je doch besser ist, ein Glied ab zuhauen, als den gantzen Körper verderben lassen.</p> <p>Man brachte ihn nach dem Sems-Hofe oder Rathhause der Stadt Moscau.</p> <p>Du hast auch ein Boot des Königs in Persien in See genommen und alle Waren geraubet, und den Copisten, des Ober-Kauffmanns Sohn, nebst andern Persianern erschlagen.</p> <p>Auff der Wolga und im Meere hastu auch grosse Schelmstücke mit Rauben und Morden verübet.</p> <p>...warff er Ducaten (geraubten Gelder) unter Volck in die Rappuse, und würde dadurch von allen geliebet</p>	<p>Нет.</p> <p>Нет.</p> <p>Нет.</p> <p>... he scattered among the people store of Ducats and other Coyn he had robbed, and thereby</p>	<p>Печальное дело, когда государь вынужден применить по отношению к своим подданным такие тяжелые наказания и должен проливать так много крови, чтобы исцелить одну из частей своего государства. Но лучше отсечь один член, чем дать погибнуть всему телу государства.</p> <p>...его доставили на Земский двор или в московскую ратушу.</p> <p>Ты также захватил в море корабль персидского шаха, разграбил все товары, убил сына купчины (главного купца) и других персов. В море и на Волге ты продолжал чинить злодейства, грабежи и убийства.</p> <p>...он бросал на разграбленные народу дукаты (похищенные в других местах) и благодаря этому был всеми любим</p>

\* Примечание к вариантам текстов см. стр. 164.

Голландский текст	Немецкий текст	Английский текст	Перевод голландского текста
<p>door van een yder seer ge- looft en gelieft, ende wat daer met sijn ooght was, had men lichtelijck kon- nen bevorderen. Symens non lassa finses (5).</p> <p>5 ... wordt daer van voorsien van de bovenste Gewesten van Niesna en andere Pla- etsen op de Wolga (6).</p> <p>6. Quam voort onder Sama- roff, dat sigh insgelijck over gaf: de Gouverneur met veete Burgers wierden ver- moort, en de Zaaren Schat wegh gheruckt (7).</p> <p>7. ... in de Hooft-kercke Archangel by sijn Voor- vaderen begraben is (7).</p> <p>8. ... hy quam op ordre van hare Zaarse Maisteyt, om alle Bojaren, Raets-heeren, en die in hare Z. Majest. na sijn en alderhande bediente Edellie- den, Strelsen, Solda- ten, en van hare Zaarse Ma- jest. doodt te slaen, als die Veraders vant Lant waren (8).</p>	<p>und gelobet. Was for einem Scorum er hierbey gehabt, hette leicht errathen werden können. Si mens non la- ssa fuisset.</p> <p>... wird davon versorget auss den Ober Quartieren Niesna und andern Or- ten an der Wolga.</p> <p>Und ging weiter nach Sa- maroff, das sich gleicher gestalt ergab; der Gouverneur und viele Bürger wurden ermor- det und des Zaaren Schatz weg- geführt.</p> <p>... in der Haupt-kerche Ar- changel zu seine Voreltern begraben worden.</p> <p>... er käme auff Befehl Sr. Zaarischen Maj. umb alle Bo- jaren, Räte, Edele, Stre- litzten, Soldaten und allerhand Bediente des Zaars, als Verräther des Landes todt zu schlagen.</p>	<p>was applauded by all; which then suffi- ciently manifest his aim (95).</p> <p>... tis provided frome above (96).</p> <p>The like happen'd to the Town Tzamat of (97).</p> <p>... was buried in the Metropolitan Church of S. Michel (97).</p> <p>... he, Stenko, was co- me by order of the Great Czar to put to de- ath all the Bojars, Sen- Nobles, Senators, and other great ones (that where too near to his Majesty) as Enemies and Traitors ot their Coun- try (98).</p>	<p>и хвалим. Нетрудно было бы догадаться, какую цель он при этом преследовал, если бы разум не изменил (людям).</p> <p>... ее снабжали с верховий: из Нижнего и из других горо- дов на Волге.</p> <p>... двинулся дальше к Са- маре, которая точно так же ему сдалась; губернатор и многие горожане были убиты, а цар- ская казна увезена.</p> <p>... был похоронен в Архан- гельском соборе рядом со свои- ми предками.</p> <p>... он пришел по приказу его царского величества, чтобы побить насмерть как предате- лей отечества всех бояр, со- ветников, стоящих близко к царскому величеству, и всех служащих ему знатных людей, стрельцов и солдат.</p>

Голландский текст	Немецкий текст	Английский текст	Перевод голландского текста
<p>9. Een groot deel van de Czeremisse ende Moordwijnische Tartaren... (8).</p> <p>10. De uylantse Officers behouden dese lof by de Russen, datse haer wel hadden gequeeten in't aenvoeren han hare onderhoorige tegen den Vyandt, en't geene te verwonderen is, en is geen van allen doodt ghebleven (8—9).</p> <p>11. De stoutste onder de op-voerighe waren die van de Stedekens Lijsko en Moracko, ende de Inwoonders van Paulij Perewoos (9).</p> <p>12. ...zy... leyde haer selve so stillekens in een Stroob* nederwaerts...</p> <p>* Stroob is een kleyn hout Timmer-werck, van vier gaten, boven open (9).</p> <p>13. Oock hebt gy hare Zarse Maieystys Schal en Ducaten in Astrachan, soo onder Juan den Turck geweest (14).</p>	<p>Ein grosstheil Czeremissche und Moordwijnische Tartarn...</p> <p>Die auswärtigen Officer bey denen Russen behalten dieses Lob, dass sie sich mit Anführung ihrer unterhabenden gegen den Feind sehr wohl gehalten, und, welchs zu verwunden, ist keiner von allen todt blieben.</p> <p>Unter denen Aufführern waren die Verwegnesten die von denen Städtlein Lysko und Morasko und die Einwohner von Pauliperewoos.</p> <p>...sie... legte sich in aller stille in ein Stroob (ist ein klein gezimmert Holz mit 4 Löchern oben offen) nieder...</p> <p>Auch hastu Sr. Zaarischen Maj. Schatz und Ducaten in Astracan, so Juan der Türck in Verwahr gehabt, geraubet.</p>	<p>... part of the Czeremische Tartars... (98).</p> <p>The German Officers were highly applauded by His Majesty, for having acquitted themselves so well in leading of their Men (99).</p> <p>The most resolute of the Rebels, were those of the small Towns of Lisko and Morasko (99).</p> <p>...she... laid her self quietly down upon the Pile... (99).</p> <p>... hast also robbed the Treasure of the Great Czar in Astracan (104).</p>	<p>Большая часть черемисов и мордвы...</p> <p>Иностранные офицеры заслужили эту похвалу от русских за то, что они хорошо выполняли свой долг, ведя своих подчиненных против врага, и при этом никто не был ранен и ни один человек не был убит.</p> <p>Самыми смелыми из мятежников были те, (кто находился) в городках Лыскове и Мурашкине, и жители Павлова Перевоза.</p> <p>... она спокойно легла в сруб — маленькое деревянное сооружение с четырьмя отверстиями и с открытым верхом.</p> <p>Ты также захватил в Астрахани казну и дукаты его царского величества, находившиеся у Ивана Турка.</p>

Голландский текст	Немецкий текст	Английский текст	Перевод голландского текста
<p>14. ... door onse arme Cornelio Jacoloff, door sijne dienst ende bevljinge, als mede door gante Donssche Armee, zijt gy Schelm gevangen (16).</p> <p>15. ... Allatur en Arsammas (8).</p> <p>16. Feder Jekschijm (13).</p> <p>17. Corsma Kutosin (14).</p> <p>18. Altimoff (14).</p> <p>19. Zy sijn van sulcke vrijheyt, dat indien Slaven, Bojaren of groote Edelen sich tot haer vervoegen, de Eygenaers geen recht meer over de selve hebben (3).</p>	<p>... seid ihr ... durch unsern armen Cornelium Jacoloff und dessen Fleiss und Dienste als auch durch die gantze Donische Armee gefangen.</p> <p>... Allatur und Arsammas.</p> <p>Feder Jekschym.</p> <p>Corsma Kutosin.</p> <p>Altimof.</p> <p>Sie haben auch solche Freiheit, dass, wann Schlaven, Bojaren, oder auch Edelle sich zu ihnen verfügen, die Eigenthums-Herren kein Recht mehr über selbige haben.</p>	<p>... by the wise Conduct, and the valour of the Army of the Great Czar ... was taken prisoner (106).</p> <p>... Accateur and Arsa. (98).</p> <p>Teodor Jekschym (103).</p> <p>Koesmakotesin (104).</p> <p>Alsienofsky (104).</p> <p>They have so great Priviledges, that if any Slave run away from a Russian Nobleman or other great Person, and come into these Cosacks, the Proprietors loose their claim to them (91).</p> <p>(those) (103).</p> <p>God Almighty give to the Great Czar Alexis Michaelowitz the Victory over all his Enemies (101).</p>	<p>... ты, злодей, был схвачен нашим бедным Корнелом Яковлевым, благодаря его службе и усердию, и всем донским войском.</p> <p>... Алатурь и Арзамас.</p> <p>Федор Якшин.</p> <p>Козьма Лутохин.</p> <p>Алфимов.</p> <p>Они обладают такой свободой, что если рабы, бояре или знатные люди оказываются у них, владельцы этих людей больше не имеют над ними никакой власти (см. примечание к № 19, стр. 165).</p>
<p>20. Tileiss (13).</p> <p>21. Godt geve den grooten Hr. Zaar ende Groot Vorst Alexe Michailowitz geluck, langh Leven en Victory over alle diese Rebellen (11).</p>	<p>Tileiss.</p> <p>Gott gebe dem grossen Herrn Zaar und Gross-Fürsten Alexe Michailowitz Glück, langes Leben und Sieg wider alle dies Rebellten.</p>	<p>жилец.</p> <p>Дай, боже, счастья, долгой жизни и победы над всеми этими мятежниками царю и великому князю Алексею Михайловичу.</p>	<p>жилец.</p> <p>Дай, боже, счастья, долгой жизни и победы над всеми этими мятежниками царю и великому князю Алексею Михайловичу.</p>

Голландский текст	Немецкий текст	Английский текст	Перевод голландского текста
<p>22. ... is dit in nemen van Astrachan geschiet den 28 Junij 1670 (6).  23. Den 14 April des Jaers 7179 (15).  24. ... wiert hy... op de Richt-Plaets voort Slot gheleyt (11).  25. ... seecker Kerck, genaemt Presieste Casansche, die alder hoogste Meeder des Heeren von Casan (11).</p>	<p>... ist diese Stadt Astracan am 28 Junii 1670 in seine Hände gerathen.  Am 14 Aprilis des Jahrs 7179.  ... hat man ihn... auff den Richt-Platz vors Schloss ...bracht.  ... eine Kirche, genannt Presieste Casansche, die allerhöchste Mutter des Herrn von Casan.</p>	<p>This taking of Astracan happen'd July 28 1670 (96).  April 4th of the year 7179 (1671) (106).  ... he was... carried to the place of Execution in the Cittadel (101).  ... certain Church, called Presieste Bogoroditsa Casaneche; that is, the most Holy Mother of God of Casan (101).  Turgonow (103).  Lapatin (103).  ... the Patriarch of Alexandria, Paysy... (105).</p>	<p>... это взятие Астрахани произошло 28 июня 1670 г.  14 апреля 7179 г.  ... его доставили на место казни перед крепостью.  ... церковь, именуемая «Пречистая Казанская», т. е. высшей богородицы Казанской.  Турганов.  Лопатин.  Александрийский патриарх Паисий.</p>
<p>26. Tergnow (13).  27. Lapatenin (13).  28. Heeren Alexandriske, Patriarch Pajtsien (15).  29. ... seggen, de prostittie meene, vergeest my (11).  30. Steen-klippen, die de Rivier separeren, van de welke het water met macht vallen-de (3).</p>	<p>Tergnow.  Lapatenin.  Herren Alexandriske, Patriarch von Paysien.  ... bat die Gemeine umb Verzeihung.  Stein-Klippen, die den Fluss separiren.</p>	<p>that is, Forgive me (101).  ... a Rock, from which the Water falling with great violence (91).</p>	<p>... сказав: «Простите меня»...  ... реку разделяют каменные утесы, с которых вода низвергается с большой силой.</p>

Примечание. В 1-й графе указаны страницы голландского издания 1671 г. Немецкое издание пагинации не имеет. В 3-й графе указаны страницы английского текста, помещенного в настоящей книге. Разрядкой выделены наиболее значительные разночтения.

## ПРИМЕЧАНИЯ

К № 3. В русском тексте приговора: «Ты ж бусу шаховы области пограбил и купчинова сына и иных шаховы области людей поимал и побил. И ныне многие убивства и воровство на море и на Волге чинил» (Кр. война, III, стр. 84).

К № 7. В русском тексте приговора: «... тело его погребено на Москве в соборной церкви архистратига божия Михаила с прочими государскими родителями» (там же, стр. 86).

К № 8. В русском тексте приговора: «Бутто по указу великого государя ты ... идешь..., чтоб побить на Москве и в городех бояр и думных и всяких приказных людей, и дворян, и детей боярских, и стрельцов, и салдат, и всякого чину служилых, и торговых людей, и людей боярских, бутто за измену» (там же, стр. 86).

К № 10. Вероятно, ошибка в голландском тексте: вместо *verwonderen* следовало *verwonden*.

К № 13. В русском тексте приговора: «Да ты ж государеву казну, деньги и золотые, которые в Астрахани были, у Ивана Турка поимал» (Кр. война, III, стр. 85).

К № 14. В русском тексте приговора: «службою и радением войска Донского атамана Корнея Яковлева и всево войска и сами вы поимани...» (там же, стр. 87).

К № 19. В голландском и немецком текстах явная ошибка. Более точно передает смысл протографа текст «Historien onses tyds». «Sy hebben sulck een groote vrydom, dat, indien de Slaven van eenige Bojaren of groote Edelen, wie sy sijn, tot hen komen, de eygenaers geen recht meerder op den behouden» (blz. 155).

К № 20. По русским источникам Астрахань была взята Разным в конце июня 1670 г. (см. стр. 122 настоящего издания).

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, УПОТРЕБЛЕННЫХ В КОММЕНТАРИЯХ

- Анонимное письмо — Копия письма, писанного на корабле его царского величества под названием «Орел». В кн.: Я. Я. Стрейс. Три путешествия. [М.], 1935, стр. 349—352.
- Белокуров — С. А. Белокуров. О Посольском приказе. М., 1906.
- Бантыш-Каменский — Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России по 1800 г., чч. I—IV. М., 1896—1902.
- Богоявленский — С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в. М., 1947.
- Бутлер — Копия письма, писанного в городе Исфагане Давидом Бутлером 6 марта 1671 г. В кн.: Я. Я. Стрейс. Три путешествия. [М.], 1935, стр. 352—374.
- Греков — Б. Д. Греков. Новые материалы о движении Стеньки Разина. ЛЗАК, вып. 1 (34), Л., 1927.
- Зевакин — Е. С. Зевакин. Персидский вопрос в русско-европейских отношениях XVII в. Исторические записки, 1940, № 8.
- Кр. война — Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов, тт. I—III, М., 1954—1962.
- ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
- Чтения ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.
- Попов — А. Попов. История возмущения Стеньки Разина. М., 1857.
- Попов. Материалы — Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. Составитель А. Попов. М., 1857.
- Посольство Кунраада фан-Кленка — Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900.
- Рейтенфельс — Я. Рейтенфельс. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905.
- СГГид — Собрание государственных грамот и договоров, ч. IV. М., 1828.
- Стрейс — Я. Я. Стрейс. Три путешествия. [М.], 1935.
- Тихонов — Ю. А. Тихонов. Крестьянская война 1670—1671 гг. в лесном Заволжье. Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей, М., 1963, стр. 270—282.
- Форстен — Г. В. Форстен. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века. Журнал Министерства народного просвещения, 1898, №№ 4—7.
- Чернов — А. В. Чернов. Вооруженные силы русского государства в XV—XVII вв. М., 1954.

## ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ\*

- Аббас, персидский шах 156.  
 Август II, польский король 156.  
 Агеев Ф., есаул восставших казаков 123.  
 Аделунг Ф. П., историк 5.  
 Алексеева И., жена казненного участника восстания 122.  
 Алексей Алексеевич, царевич 88, 97, 99, 104, 111, 113, 118, 123, 124.  
 Алексей Михайлович, царь 12, 91, 101, 102, 105—107, 115, 118, 119, 124, 134, 154, 163.  
 Алена, старица, предводитель отряда повстанцев 90, 24.  
 Алфимов И. (Alsienofsky), самарский воевода 104 118, 163.  
 Андреев Обоимка, стрелец, участник восстания 80.  
 Арне Т. И. (Arne T. J.), историк 132.  
 Аюка, калмыцкий тайша 125.  
 Байрам Хаджи, персидский купец 81.  
 Бантыш-Каменский Н. Н., историк 74, 83, 154, 156, 158.  
 Бартольд В. В., историк 132.  
 Беем П. Р., капитан артиллерии, отчим Л. Фабрициуса 6, 14, 21, 46, 51, 74, 77, 82, 154.  
 Безобразов Я., астраханский воевода 47, 75.  
 Бейли Т., наемный офицер 96, 109, 121.  
 Беклемишев С., воевода 102, 115.  
 Белокуров С. А., историк 83.  
 Богданов А., дьяк 126.  
 Богоявленский С. К., историк 155.  
 Бранд Карстен (Христиан), слуга Фабрициуса 40, 68, 81, 82.  
 Бутлер Д., капитан корабля «Орел» 6, 10—12, 25—27, 29—31, 33, 35, 36, 54—60, 62—65, 77, 78, 80, 81, 84, 90, 121.  
 Бутурлин И. В., полковой воевода 124.  
 Бьельке С., шведский сановник 43, 71.  
 Валерина А. Ф., переводчица 87.  
 Вандеров см. Виндронг.  
 Вебер Ф., историк 126, 158.  
 Веретенников В. И., историк 5, 84—86, 88, 89.  
 Виндронг Я. (Wundrum, Wanderow), наемный офицер 21, 51, 77, 96, 110, 121.  
 Виниус А., переводчик Посольского приказа 88.  
 Вонзовский, польский офицер, перешедший на службу к Разину 22, 52, 77.  
 Воротынский И. А., воевода 74.  
 Вундрум см. Виндронг.  
 Гамельтон Х., наемный офицер 42, 70.  
 Гебдон Иван, см. Хебдон Ян.  
 Гейнс, датский посол в Москве 144, 153, 156.  
 Герберштейн С., имперский посол в России 87.  
 Годунов П., стольник 123.  
 Голицын А. В., сын В. В. Голицына, глава Новгородского приказа 143, 152, 155.  
 Голицын В. В., глава Посольского и др. приказов 138, 143, 146, 147, 152, 155, 156.  
 Гольдберг А. Л., историк 6, 157.  
 Горяинов А., стряпчий 125, 128, 131.  
 Греков Б. Д., историк 126.  
 Гудок Лаврентий, поп 123.  
 Гурдзецкий Б., польский посол в Персии 37, 66.

\* Указатели составлены А. А. Вершинской.

- Даниэль Р., английский резидент в Риге 127, 129, 130.
- Делагарди, М. 71.
- Демар (Desmares С.), переводчик 84, 158.
- Долгорукий Ю. А. (Dolgeroek), полковой воевода 89—91, 98, 99, 101, 105, 107, 112—114, 118, 120, 123, 124, 159.
- Евдокимов Г. А., посланец царя на Дон 121.
- Екегорд Е. (Ekegård Е.), историк 132, 134, 135.
- Зевакин Е. С., историк 133—136.
- Золотарев П., автор Сказания о взятии Астрахани С. Разиным 9, 78, 79, 122.
- Зонненштраль-Пискорский А., историк 133, 134.
- Иван Алексеевич, царь 105, 119, 155.
- Иван Васильевич Грозный, царь 96, 109.
- Иван Горинович, божество р. Яика 47.
- Иванов И. см. Пономарев И.
- Иванович, один из предводителей повстанцев в Астрахани 80, 81.
- Иосаф, патриарх московский 105, 118.
- Иосиф, митрополит астраханский 80, 126.
- Иродион, старец 123.
- Исмаил Сефевид, персидский шах, основатель государства Сефевидов 133.
- Казачек И., участник восстания 123.
- Каминский, поляк, виноградарь царского виноградика в Астрахани 26, 54.
- Карл XI, шведский король 13, 43, 71, 144, 153, 156.
- Карл XII, шведский король 13, 144, 153, 156.
- Карне, начальник астраханского Кремля при повстанцах 32, 60, 80, 81.
- Келлер фон Я., голландский резидент в Москве 43, 70, 83.
- Кемп И. (Кемре J.), историк 6, 12.
- Кемпфер Е., секретарь шведского посольства в Персии 75.
- Княльбургер И., член свиты шведского посольства 133, 134.
- Кленк фан К., глава голландского посольства 12, 85, 86, 126, 155.
- Клингшерна (Klingstierna), член посольства Фабрициуса 44, 72, 141, 143, 150, 152, 155.
- Кнап Б., архиепископ 141, 150.
- Книперкрон Т., шведский резидент в Москве 144, 152, 156.
- Козьма Третий, герцог Тосканский 84, 127.
- Койэтт Б., автор книги о голландском посольстве 12, 85, 86, 126, 131.
- Колесников Н. Н., подьячий 80.
- Колокольников И. С., торговый человек 78.
- Колчев Ф., атаман восставших казаков 123.
- Коновалов С. А. (Konovalov S.), историк 5, 11, 127, 136.
- Кордт В., историк 5.
- Корк К., шведский сановник 71.
- Косагов Г. И., полковник рейтарского строя 126.
- Косой Константин, казак 76.
- Котошихин Г. К., подьячий Посольского приказа 134.
- Кох Х., шведский агент в Москве 155.
- Красулин И., стрелец, участник восстания 80.
- Кроншильд, камеральный советник шведского короля 143, 152.
- Крузе фон Т. Ф., переводчик 87.
- Курц Б. Г., историк 133—135.
- Лазарь, казацкий офицер 24, 53.
- Ламорт Э., наемный офицер 82.
- Леонанкер, шведский советник коммерции 143, 152.
- Леонтьев Ф. И., полковой воевода 124.
- Лопатин И. Т., голова приказа московских стрельцов 103, 117, 121.
- Лусиков Г., представитель торговой Армянской компании 38, 66, 81, 134.
- Лутохин К. (Kotesin K.), саратовский воевода 104, 118, 163.
- Львов С. И., астраханский воевода 6—9, 15, 19, 21, 22, 48—50, 52, 74—78, 102, 116, 120, 121.
- Лях Иван, старшина в войске С. Разина 81.
- Мавродин В. В., историк 120.
- Маленький В., поп, участник восстания 78.
- Мамеды-хан (Мамедхан), астаринский хан 75.
- Маньков А. Г., историк 120.
- Марций И. Ю. (Martio I. J.), автор сочинения о С. Разине 12, 86, 87, 127, 131.

- Милославская М. И., жена царя Алексея Михайловича 82.
- Милославский И. Б., воевода в Симбирске, затем в Астрахани 10, 40, 41, 68, 69, 82, 97.
- Милославский И. М., боярин 82.
- Михаил, старшина в войске С. Разина 81.
- Мула, индийский купец 34, 40, 62, 68, 81.
- Мышецкий Б. Е., полковой воевода 124.
- Нарышкин Л. К., глава Посольского приказа 144, 153, 156.
- Никон, б. патриарх 98, 105, 111, 118, 123.
- Нисин Д., наемный офицер 89.
- Одоевский Я. Н., астраханский воевода 6, 10, 40, 68, 82, 122.
- Олеарий А., голштинский посол 87.
- Осипов А., есаул восставших 124.
- Паисий, патриарх александрийский 105, 118, 164.
- Пац Х., литовский канцлер 14, 46, 74.
- Петр I Алексеевич, император 155, 156.
- Петровский В., подьячий 124.
- Подъяпольская Е. П., историк 120.
- Поммеренинг К., шведский резидент в Москве 135.
- Пономарев И., предводитель повстанцев в Заволжье 122.
- Попов А. Н., историк 5, 9, 76, 78, 79, 82, 86—89, 120—124, 126.
- Прасковья Федоровна, жена Прозоровского И. С. 122.
- Прозоровский Б. И., сын Прозоровского И. С. 122.
- Прозоровский И. С., астраханский воевода 6, 7, 10, 23, 47, 53, 74, 75, 89, 95, 96, 102, 103, 108—110, 116, 117, 121, 122.
- Прозоровский М. С., брат Прозоровского И. С. 121.
- Пугачев Е. И., предводитель Крестьянской войны 1773—1775 гг. 88.
- Пушечников В., астраханский воевода 41, 70.
- Пушкин А. С. 88.
- Пущин В. П., стряпчий 124.
- Рабин 102, 106, 107, 110—115, 119, 120, 124—131, 134, 157—160, 165.
- Разин Флор, брат С. Разина, участник восстания 85, 100, 101, 105, 113, 119, 123, 125, 126, 131.
- Рама, у индусов одно из воплощений бога Вишну 38, 66, 81.
- Рейтенфельс Я., автор Сказания о Московии 84, 125, 127, 128, 155.
- Родес И., шведский резидент в Москве 135.
- Ромодановский Г. Г., полковой воевода 124.
- Ромодановский С., представитель торговой Армянской компании 134.
- Ружинский И., полуполковник в Астрахани 77.
- Самбуленко Н., казак войска С. Разина 80.
- Самойлович И., гетман Левобережной Украины 42, 70, 82.
- Санц фон Ф., граф 144, 152, 156.
- Свеллингребель Матвей см. Свелленгревель Хиндрик.
- Свелленгревель Хиндрик, фактор царя 14, 46, 74.
- Сергиевский И. И. (Iwan Sergeof), воевода в Черном Яре 103, 117.
- Сивцов Н. (Susover), сотник московских стрельцов 102, 115.
- Сидоров Ф., атаман восставших 124.
- Сильвиус Л. (Sylvius L.), историк 158.
- Симон, архиепископ вологодский 125.
- Скржинская Е. Ч., историк 86.
- Сменцовский М. И., историк 87, 127, 131.
- Смирнов И. И., историк 120.
- Соловьев С. М., историк 6.
- Сопа Г., шведский сановник 71.
- Софья Алексеевна, царица 143, 152, 155, 156.
- Спильман, генерал Ост-индской компании 39, 67.
- Стаден фон Н., русский посланник в Швеции 158.
- Станкевич А., переводчик 84, 87, 120, 126.
- Страбон, географ, историк 87.
- Стрейс Я. Я., автор книги «Три путешествия» 7, 11, 12, 39, 67, 75—78, 81, 82, 84—86, 90, 121, 122.
- Сулейман, персидский шах 138, 139, 144, 146, 148, 152, 154, 155.
- Сьери де, граф 141, 150.
- Термунд Я., лекарь 10, 11, 25, 26, 29—31, 33, 35, 36, 54—56, 58—60, 62—65, 79, 81.

- Герский И. С., есаул повстанцев в Астрахани 80.
- Тимофеев Л., старшина в войске С. Разина 81.
- Тихомиров Б. Н., историк 5, 85—88.
- Тихонов Ю. А., историк 122.
- Тургенев А. И., публикатор 86.
- Тургенев Т. В., царицынский воевода 103, 117, 164.
- Турок Иван, казначей 162, 165.
- Украинцев Е. И., дьяк Посольского приказа 83, 155.
- Унковский А. Д., царицынский воевода 74.
- Урусов П. С., полковой воевода 121.
- Ус В. Р., атаман повстанцев в Астрахани 80, 81, 100, 101, 113, 126.
- Фабрициус Л., наемный офицер русской армии, автор Записок о С. Разине 5—14, 31, 35, 46, 60, 63, 64, 74—84, 90, 120—122, 132, 135, 136, 154—156.
- Федор Алексеевич, царь 12, 82, 154.
- Федоров В., атаман восставших 124.
- Форстен Г. В., историк 159.
- Хвостов И., начальник русских служилых людей на Дону 121.
- Хебдон Т., английский купец 87, 125, 127—131.
- Хебдон Ян (Джон), английский посланник в России 43, 71, 83, 127.
- Хилков И. А., астраханский воевода 74, 75, 120.
- Христофоров, русский гонец в Персию 155.
- Хусейн, персидский шах 144, 152, 156.
- Черкасский А., князь 123.
- Черкасский К. П., мурза, кабардинский князь 123.
- Черкасский Я. К., воевода 14, 46, 74, 98, 111.
- Чернов А. В., историк 74, 83.
- Чертенок, старшина в войске С. Разина 81.
- Черток Н., дядя С. Разина, участник восстания 120.
- Чиликин В. А., переводчик 87.
- Шарден Ж., французский путешественник в Персию 120.
- Шаскольский И. П., историк 135.
- Швецова Е. А., историк 87.
- Шелудяк Ф. И., атаман повстанцев в Астрахани 10, 29, 32, 58, 60, 80—82.
- Шернхек, шведский советник коммерции 143, 152.
- Шурцфлейш К. (Schurtzfleisch C. S.), 86, 87.
- Щербатов К. О., полковой воевода 100, 113, 124.
- Яковлев К., атаман Войска Донского 100, 103, 113, 116, 120, 125, 129, 130, 163, 165.
- Якубов К. И., историк 135.
- Якшин Ф. Л., полуголова московских стрельцов 103, 117, 163.
- Яцын И., стрелецкий голова 120.

## ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ<sup>1</sup>

- Австрия** 133, 155.  
**Азия** 32, 61, 132.  
**Азов, турецкая крепость** 144, 152.  
**Азовское море** 133.  
**Алатырь, г.** 98, 111, 123, 163.  
**Александретта, г.** 133.  
**Алеппо, г.** 133.  
**Амстердам, г.** 6, 11, 12, 14, 43, 46, 70, 86.  
**Англия** 85, 88, 127, 133, 134, 156, 158.  
**Андрусово, с. под Смоленском** 74.  
**Арзамас, г.** 98, 112, 123, 124, 163.  
**Архангельск, г.** 85, 88, 101, 115, 133—139, 143, 146, 148, 151, 154, 158.  
**Астрахань, г.** 3, 5—11, 14, 15, 19, 20, 22—26, 29—32, 34, 37, 40, 41, 45—55, 58—62, 65, 67—69, 73—83, 85, 89, 95, 96, 100—104, 108—110, 113, 115—118, 121—123, 126, 130, 131, 134, 162, 164, 165.  
**Африка** 132.  
**Баку, г.** 75.  
**Балтийское море** 135, 139, 148.  
**Балтика** 135, 136.  
**Батавия, г.** 39, 67.  
**Белгород, г.** 83.  
**Белозерский м-рь** 98, 111.  
**Белозеро, г.** 105, 118.  
**Белоруссия** 74.  
**Бойнак** 36, 64.  
**Болото, район старой Москвы** 131.  
**Борисфен, р. см. Днепр, р.**  
**Бразилия** 6.  
**Брянск, г.** 14, 46, 74.  
**Варшава, г.** 83.  
**Великое княжество Литовское см. Литва.**  
**Венеция** 143, 151, 155.  
**Вильде, г.** 31, 60.  
**Виттенберг, г.** 5, 12, 86.  
**Волга, р.** 7—9, 14, 19, 21, 22, 29, 31, 32, 45, 46, 51, 58, 59, 61, 72, 74, 76, 78, 79, 94—98, 102, 103, 107—111, 115, 116, 121, 131, 160, 161, 165.  
**Вологда, г.** 94, 107.  
**Волянь, область Литвы** 33, 62.  
**Воронеж, г.** 120, 156.  
**Галицкий у.** 122.  
**Галич, г.** 97, 110.  
**Германия** 84, 134.  
**Голландия** 6, 11, 43, 44, 70, 72, 74, 84, 133, 134, 137, 139, 146, 148, 154, 155.  
**Голштиния** 133.  
**Гурьев, г. см. Яик, г.**  
**Дагестан** 81.  
**Дания** 43, 71, 81, 135, 140, 149, 156.  
**Дединово, с. Коломенского у.** 7.  
**Дербент, г.** 31, 33, 35, 36, 60, 62, 64, 65, 75, 82.  
**Днепр, р.** 91, 106, 119.  
**Днепропетровск, г.** 119.  
**Дон, р.** 15, 16, 48, 76, 77, 86, 91, 95, 99, 103, 107, 108, 113, 116, 117, 120, 121, 124—126.  
**Дюнкерк, г.** 139, 148.  
**Европа** 81, 85, 86, 132—134, 136, 139, 147, 154, 156, 159.  
**Заволжье** 122.

<sup>1</sup> Принятые сокращения: г. — город, г-к — городок, м-рь — монастырь, р. — река, с. — село, у. — уезд, о. — остров.

Замоскворечье 85, 131.  
Западная Европа см. Европа.  
Запорожская Сечь 119.  
Запорожье, г. 119.  
Зимовейская, станица 120.  
Зондские острова 81.

Индия 81, 132.  
Иран см. Персия.  
Исфахан, г. 7, 8, 38, 39, 66, 67, 81, 82, 138, 142, 145, 147, 150, 153, 155, 156.  
Италия 133.

Кагальник, г. (Кагальницкий городок) 82, 125.  
Казань, г. 19, 22, 49, 51, 78, 97, 110, 134.  
Карачев, г. 14, 46.  
Каспийское море 7, 8, 11, 15, 26, 45, 47, 55, 73, 75, 77, 94—96, 102, 107—109, 116, 120, 131.  
Киев, г. 91, 106, 107.  
Киевское государство 119.  
Китайгород в Москве 134.  
Константинополь, г. 6.  
Королевство Польское см. Польша.  
Красная Слобода Темниковского у. 124.  
Крым 134.

Левобережная Украина см. Украина.  
Лейден, г. 6.  
Лейпциг, г. 126.  
Литва 31, 60, 74, 119.  
Лифляндия (Ливония) 74.  
Лысково, с. Нижегородского у. 99, 112, 124, 162.  
Любек, г. 139, 148.

Макарьевский Желтоводский м-рь 99, 112, 123.  
Малабарский берег (Индия) 81.  
Малакка, полуостров 81.  
Медведица, р. приток Дона 124.  
Медия, область в Персии 45, 73.  
Могилев, г. 14, 46, 74.  
Молукские острова 81.  
Москва, г. 3, 6, 10, 11, 14, 19, 23, 40—42, 44, 46, 49, 52, 68—70, 72, 74, 76, 82—89, 91, 94, 97—100, 105, 106, 110, 111, 113, 114, 118, 119, 121—125, 127, 128, 131, 134, 135, 137, 138, 143, 144, 146, 147, 151—156, 158, 160, 165.  
Москва, р. 126.  
Московия см. Россия.

Московское государство см. Россия.  
Мурашкино, с. Нижегородского у. 90, 99, 112, 124, 162.

Нарва, г. 135, 137, 139, 144, 146, 148, 152.  
Нидерланды см. Голландия.  
Нижегородский у. 123.  
Нижегород, г. 49, 161.  
Низова, пристань 40, 45, 46, 68, 73, 145, 153.  
Новая Слобода, Немецкая слобода в Москве 129, 131.  
Новгород, г. 134, 135, 137, 139, 144, 146, 148, 152.  
Новодевичий м-рь в Москве 156.  
Нюен, г. 135.

Ока, р. 7.  
Османская империя см. Турция.  
Острожск, г. 123.  
Оттоманская империя см. Турция.

Павлов Перевоз 161.  
Паншин, г-к на Дону 48, 74, 76.  
Париж, г. 158.  
Персия 3, 6—8, 10, 11, 25, 29, 35, 36, 38, 43—45, 48, 55, 58, 64, 71—73, 75, 76, 81, 83, 85, 94, 95, 102, 107, 108, 116, 121, 122, 132—138, 144—146, 153—156.  
Польша 74, 91, 106, 119, 133, 139, 141, 149, 152, 155, 156.  
Почеп, г. 14, 46.  
Прорва, остров на Дону 126.  
Пруссия 74, 81, 133.  
Путивль, г. 83.

Ревель, г. 135, 139, 148.  
Речь Посполитая см. Польша.  
Решт, г. 15, 47.  
Рига, г. 43, 71, 127, 135, 158.  
Россия 3—6, 9—11, 38, 40, 44, 45, 66, 68, 72—74, 81—86, 88, 90, 91, 95, 97, 99, 102, 104—108, 110, 111, 115, 118—120, 123, 126, 132—137, 139, 141, 145—149, 154—156, 159.  
Русское государство см. Россия.

Саксония 156.  
Самара, г. 97, 104, 110, 118, 161.  
Саратов, г. 14, 47, 75, 97, 104, 110, 118.  
Свиной остров 75.  
Севск, г. 42, 70.  
Сибирь 43, 70.  
Симбирск, г. 45, 72, 97, 100, 104, 105, 110, 113, 118, 119, 125.

- Слободская Украина см. Украина.  
Смирна, г. 133, 137, 146, 154.  
Смоленск, г. 98, 111, 134, 137, 146.  
Средиземное море 132.  
Среднее Поволжье 76, 87, 89, 122—124.  
Стародуб, г. 14, 46, 74.  
Стокгольм, г. 6, 12, 43, 71, 137, 140, 144, 146, 148, 153, 156, 158.
- Тамбов, г. 100, 113, 124.  
Танаис, р. см. Дон, р.  
Тарки, г. 31—33, 35, 36, 60—64, 81, 102, 116.  
Темников, г. 124.  
Темниковский у. 124.  
Терек, р. 126.  
Терки, г. 10, 26, 31, 56, 60, 94, 107.  
Триполи, г. 133.  
Троицкий м-рь в Астрахани 79.  
Турция 74, 83, 132—137, 146, 154—156.
- Украина 14, 46, 74, 76, 82, 120, 124.  
Усмий 36, 64.  
Устюг Великий, г. 97, 110, 122.
- Ферапонтов м-рь 105, 118, 123.  
Франция 81, 133, 137, 141, 146, 149, 154, 156.
- Хопр, р., приток Дона 124.
- Царицын, г. 7, 16, 19, 48, 49, 77, 78, 95, 97, 100, 102—104, 108, 110, 113, 116, 117, 121, 125.  
Цейлон, о. 81.
- Черкасск, г. 121, 125.  
Черное море 132, 133.  
Черный Яр, г. 3—9, 11, 12, 19, 20, 49, 50, 77, 78, 95, 102, 103, 109, 115, 117, 121, 122, 154.
- Шабран, г. 45, 73.  
Шацкий у. 124.  
Швеция 3, 6, 10, 12, 43—45, 71, 72—74, 81, 83, 132, 134—140, 143, 145—149, 151, 152, 154—156, 159.  
Шемаха, г. 37, 39, 40, 45, 46, 65, 67, 68, 73, 75, 81, 82.  
Шклов, г. 14, 46, 74.
- Яик, г. (Яицкий городок) 75, 94, 102, 107, 115, 116, 120.  
Яик, р. 14, 15, 47, 75.  
Ярославль, г. 94, 107, 125, 133.  
Луза, р. 131.

## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие . . . . .	3
О Записках Л. Фабрициуса . . . . .	5
L. Fabritius. Записки (Немецкий текст) . . . . .	14
Л. Фабрициус. Записки (Перевод Г. И. Федоровой, редак- ция перевода С. А. Акулянца) . . . . .	46
Комментарий . . . . .	73
Первое сочинение о восстании С. Разина . . . . .	84
A Relation concerning the Particulars of the Rebellion lately raised in Muscovy by Stenko Razin . . . . .	91
Сообщение касательно подробностей мятежа, недавно произведен- ного в Московии Стенькой Разиным (перевод Л. Е. Поля- ковой) . . . . .	106
Комментарий . . . . .	119
Новое свидетельство о казни С. Разина . . . . .	127
Th. Hebdon. Письмо Ричарду Даниелю (Английский текст) . . . . .	129
Т. Хебдон. Письмо Ричарду Даниелю (Перевод Л. Е. Поляковой)	130
Комментарий . . . . .	131

### Приложения

Реляция Л. Фабрициуса о его поездках в Персию через Россию в конце XVII в. . . . .	132
L. Fabritius. Kurtze Relation von meine drei gethane Reisen . . . . .	137
Л. Фабрициус. Краткая реляция о трех совершенных мною путе- шествиях (Перевод Г. И. Федоровой, редакция перевода С. А. Акулянца) . . . . .	145
Комментарий . . . . .	154
К истории Сообщения о восстании Степана Разина (А. Л. Гольдберг)	157
Список сокращений, употребленных в комментариях	166
Именной указатель . . . . .	167
Географический указатель . . . . .	171

ЗАПИСКИ ИНОСТРАНЦЕВ О ВОССТАНИИ  
СТЕПАНА РАЗИНА

*Утверждено к печати  
Институтом истории Академии наук СССР*

Редактор издательства *К. И. Кочергин*  
Художник *Д. С. Данилов*  
Технический редактор *О. А. Мокеева*  
Корректоры *К. А. Видре, В. А. Пузиков*  
и *Г. И. Шер*

Сдано в набор 22/1 1968 г. Подписано к печати 21/V 1968 г. РИСО АН СССР  
№ 57—105В. Формат бумаги 60 × 90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Бум. л. 5<sup>1</sup>/<sub>2</sub>. Печ. л. 11 = 11 усл. печ. л.  
Уч.-изд. 13,53. Изд. № 3120. Тип.  
зак. № 846. М-11628. Тираж 8200 (4001—8200).  
Бумага типографская № 1. Цена 85 коп.

Ленинградское отделение издательства „Наука“  
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

---

1-я тип. издательства „Наука“  
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

*В магазинах «Академкнига»*

*имеются в наличии книги*

**Акты Кремонь XIII—XVI вв.** в собрании АН СССР, 1961.  
271 стр. Цена 60 к.

**Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.**

Том 2. 1958. 727 стр. Цена 1 р.

Том 3. 1964. 688 стр. Цена 3 р. 85 к.

**Бескровный Л. Г.** Очерки по военной историографии России. 1962.  
319 стр. Цена 1 р. 24 к.

**Волков С. И.** Крестьяне дворцовых владений Подмосквья в середине XVIII в. (30—70-е годы). 1959. 263 стр. Цена 30 к.

**Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв.** (Труды Ленинградского отделения института истории, вып. 2). 1960. 497 стр. Цена 50 к.

**Документы по истории внешней политики Франции. 1547—1548 гг.** 1963. 395 стр. Цена 2 р. 10 к.

**Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А.** Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). 1960. 715 стр.  
Цена 2 р. 91 к.

**Методическое пособие по режиму хранения документальных материалов, рукописей и книг.** Сост. А. П. Петрова-Завгородняя. 1960.  
44 стр. Цена 10 к.

**Письма и бумаги императора Петра Великого.**

Том 7, вып. 2. 1946. 313 стр. Цена 50 к.

Том 8, вып. 1. (Июль—декабрь 1708 г.). 1948. 406 стр. Цена 80 к.

Том 11, вып. 1. (Январь—июль 1911 г.). 1962. 606 стр.  
Цена 2 р. 94 к.

Заявки на книги издательства «Наука»  
направляют в магазины «Академкниги»

Адреса магазинов:

Москва, В-463, Мичуринский пр., 12, «Академкнига»,  
магазин «Книга — почтой»;

Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57, «Академкнига»,  
магазин «Книга — почтой»

85 коп.



ИЗДАТЕЛЬСТВО « НАУКА »  
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ